ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

САНДРА БЛОК

ДЕВИЧНИК

18+

Девичник
Сандра Блок

Аннотация
Сандра Блок. Девичник
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72

Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80

Аннотация

Начинающая журналистка Алекс Конли берет интервью у преступника Эрика Майерса, осужденного десять лет назад за жестокое убийство молодой женщины. Однако Майерс отрицает вину и утверждает, что его подставили. После интервью Алекс решает провести собственное расследование.

При этом девушка готовится к свадьбе. Подруги Алекс собираются сделать ей сюрприз и устраивают девичник в том самом доме, где десять лет назад Майерс настиг свою жертву.

Но что, если Эрик не врет и настоящий убийца все это время остается на свободе?..

Сандра Блок
Девичник

Sandra Block
THE BACHELORETTE PARTY

Перевод с английского *Ю. Дымант*
Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency.

© Sandra Block, 2024
© Перевод. Ю. Дымант, 2025
Школа перевода В. Баканова, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Моим тете Карен и дяде Сиду с любовью

Глава 1

Сейчас

Срываю с головы диадему. Крошечными стразами на ней выведено: «Гламурная невеста». Мало того, что выглядит по-идиотски, так еще и жмет ужасно.

— Ну же, Алекс! — Мэлоди оборачивается ко мне с переднего сиденья. — Ты ведь у нас невеста! Без диадемы никак!

— Потом надену.

Приходится соврать, чтобы не обидеть Мэлоди: она не поленилась и специально для меня выбирала эту мерзость.

Лэйни несколько раз поворачивает ключ зажигания, и двигатель, хрипло закашлявшись, наконец оживает.

— Надо все-таки проверить стартер, — поморщившись, бормочет она.

Начало многообещающее, ничего не скажешь. Мы сидим в старенькой «Киа» Лэйни — такого описания более чем достаточно. Впрочем, выбора особо не было: Мэлоди не водит, а машину Джея мне взять не удалось — она ему самому сегодня

нужна. Выехав с парковки и преодолев несколько крутых поворотов, мы медленно ползем вдоль улиц Манхэттена.

Толпы туристов осаждают витрины универмага, увешанные традиционными рождественскими декорациями, — кто бы мог подумать, что в эпоху вездесущей компьютерной графики кого-то еще привлекают столь дешевые приемы. На соседней улице мамаши с дочурками выстроились в очередь у входа в дорогущий магазин кукол «Американ герл». Снег усиливается, повсюду кружат крупные белые хлопья, и город смотрится прямо как на рождественской открытке.

— На этой машине в метель ездить невозможно, — жалуется Лэйни, напряженно следя за дорогой.

— Да ладно тебе! — Мэлоди театрально вскидывает руки. Она актриса и постоянно так делает. — Нас ждет настоящее приключение!

Лэйни с сомнением хмыкает, и могу сказать, я вполне разделяю ее настроение: до свадьбы остался всего месяц, а мой репортаж об убийце 666 до сих пор не сдвинулся с мертвой точки. Однако деваться некуда — Мэлоди надавила мне на совесть, заявив, что это будет наша последняя холостяцкая вечеринка, а у Лэйни с ее баскет-

болом нечасто выдаются свободные выходные. Пришлось согласиться.

Как ни странно, окончательно уговорил меня именно Джей. Сам он из Австралии, и там перед свадьбой обязательно устраивают девичник.

— Вы всю жизнь знакомы, — заявил он. — Они твои лучшие подруги. Оторвитесь по полной — стриптизеров в полицейской форме позовите, пускай из торта выпрыгивают!

Я невольно усмехнулась. Мэлоди еще, может, и согласилась бы на стриптизеров (исключительно в целях борьбы за права женщин), а вот Лэйни мужчины вовсе не интересуют, тем более обнаженные. Спасибо хотя бы, что мы будем втроем. Не хватало еще потащиться в какой-нибудь клуб — шумные вечеринки точно не для меня.

— Скажете наконец, куда мы едем? — спрашиваю я с заднего сиденья.

— Тогда никакого сюрприза не получится, — возражает Лэйни.

Перевожу взгляд на Мэлоди, но та жестом показывает, что твердо намерена держать рот на замке. Устало вздохнув, я откидываюсь на спинку и несколько секунд безуспешно пытаюсь пристегнуть ремень — только потом вспоминаю, что крепление сломано.

С заднего сиденья мои подруги смотрятся довольно комично: макушка Лэйни торчит высоко над подголовником, а вот Мэлоди, напротив, совсем не видно. Они два совершеннейших антипода: Лэйни светлокожая блондинка, худая, по-мальчишески угловатая, и росту в ней все шесть футов[1]; Мэлоди же, имея китайские корни, ростом немного выше четырех футов[2] и при этом весьма женственна и кокетлива. В сказке про Белоснежку Лэйни была бы Ворчуном (если только возможно представить себе гнома-баскетболиста), а Мэлоди — Весельчаком (будь тот поборником интерсекционального феминизма).

Не знаю, каким гномом стала бы я сама. Простачком или Скромником меня не назовешь, а имена Чихуна и Сони едва ли отражают черты характера. Думаю, я где-то посерединке — уж как минимум в том, что касается роста и цвета волос. Я всегда была между ними: с тех самых пор, как мы делили комнату во время учебы в Коннектикутском университете, мне постоянно отводится роль арбитра и миротворца. Джей прав — мы знаем друг друга всю жизнь.

---

[1] Сноски: 1
Около 180 см. *(Здесь и далее — примеч. перев.)*

[2] Сноски: 2
Около 125 см.

— Ну, хоть подсказку дайте! — Подавшись вперед, я упираюсь локтями в их подголовники и просовываю голову между кресел. — Всего лишь одну крошечную подсказочку!

Они переглядываются.

— Это связано с твоей стажировкой, — сдается Мэлоди. — С расследованием, которое ты ведешь.

— С расследованием? — в недоумении переспрашиваю я, барабаня пальцами по обивке. — Вы про убийцу 666? Мы что, к нему едем?

— М-м-м… нет, — Мэлоди неодобрительно косится на меня. — Нет, Алекс, к твоему маньяку мы не поедем.

— И вовсе он не мой маньяк! — возмущаюсь я.

В ответ красноречивая тишина.

Ну, ладно. Надо признать, я действительно несколько зациклилась на Эрике Майерсе за то время, что готовила материал по этому делу к десятой годовщине совершенных им убийств. Джей поначалу жаловался, что весь дом завален жуткими фотографиями, а я всего-то искала зацепки, которые (что, впрочем, крайне маловероятно) могли пропустить на месте преступления полицейские, вот и разглядывала снимки: колото-резаные раны, разорванная цепочка, залитый

кровью кулон в виде бабочки…

Мне хотелось сенсации — чего-то такого, что в мгновение ока превратило бы меня из незадачливого стажера в полноценного репортера медиакомпании «Краймлайн». Зарплату, конечно, мне бы сильно не подняли, однако это стало бы первым шагом на пути к карьере телеведущего.

Мэлоди наконец находит какую-то радиостанцию с поп-музыкой, и мы продолжаем пробираться сквозь снег, оставляя позади все городские достопримечательности, небоскребы, гудящие улицы, магазины и толпы туристов. Мне нравится Нью-Йорк, и все же я испытываю невероятное облечение всякий раз, когда оказываюсь за городом. Конечно, не мне жаловаться: у меня отличная работа и, благодаря моему замечательному жениху, прекрасная квартира. Все дело в том, что я выросла в Вермонте, и мне больше по душе открытые просторы. Возвращаясь от мамы, я иногда испытываю странное ощущение — будто город затягивает меня невидимой сетью. Джею этого никогда не понять. Как бы то ни было, криминальные репортеры в Вермонте все равно не требуются.

Колеса то и дело буксуют в снегу, и мы движем-

ся очень медленно. Лэйни отчаянно вцепилась в руль, стараясь держать машину ровно. Она включает дворники, и резиновые щетки со скрипом елозят по стеклу.

— Кстати, а где Джей? — интересуется Мэлоди, закидывая в рот жевательную резинку. — Думала, он выйдет тебя проводить.

— Он на этих выходных с Грегом.

Сбоку от дороги возникает семейство оленей — и тут же скрывается в лесу.

— Вы наконец познакомились? — Лэйни, удивленно выпучив глаза, смотрит на меня в зеркало заднего вида.

— Ну да, — не вдаваясь в подробности, отвечаю я.

Джей все хотел выбрать подходящий момент — желательно после нашей помолвки. Роман у нас вышел, что называется, бурный, поэтому долго ждать не пришлось — мы и нескольких месяцев не повстречались, когда я к нему переехала.

— И как прошло? — спрашивает Мэлоди, вновь пытаясь настроить радио.

— Нормально.

У меня сейчас нет ни малейшего желания об этом говорить: я собиралась развлечься, а не обсуждать Грега. В нашу первую встречу с сыном

Джея мы пошли в японский ресторан, потом вместе ели мороженое, и за все время Грег не сказал ни слова. Впрочем, я и сама понятия не имею, о чем разговаривать с двенадцатилетними. Джей заверил меня, что все в порядке. В тот день я никак не могла понять, понравилась ли я Грегу, а сейчас практически уверена, что нет.

— Он пока стесняется. Джей говорит, надо подождать.

Лэйни и Мэлоди многозначительно кивают — поняли, что мне не хочется продолжать эту тему. Проходит примерно час. Мэлоди по-прежнему пытается поймать радио, Лэйни все так же вцепилась в руль, дворники монотонно скрипят…

Еще через полчаса Лэйни бросает взгляд на карту на экране телефона Мэлоди.

— Нам вроде налево где-то надо было.

— Чуть дальше — еще около мили.

Однако навигатор в телефоне с ней не согласен. Раздается мягкий, но уверенный женский голос: «Поверните налево». Помнится, как-то раз Мэлоди заявила, что виртуальный помощник в «Гугл-картах» звучит до отвратительного услужливо. А уж что она про Алекс говорит…

— Ну и где поворачивать? Ты ведь сказала, еще миля.

— Погоди, сама запуталась… — Мэлоди напряженно вглядывается в белую пелену перед нами. — Здесь, прямо здесь, — наконец говорит она, показывая вперед.

— Так прямо здесь или налево? — уточняет Лэйни.

— Лево! Лево! — вопит Мэлоди.

Лэйни резко поворачивает, и мимо нас, оглушительно сигналя, проносится огромный грузовик. Машину заносит, и Лэйни изо всех сил крутит рулем, стараясь ее выровнять. Мэлоди бросает сначала вперед, потом рывком откидывает назад на сиденье. Возможно, она специально переигрывает, хотя, как знать, — все же Мэлоди действительно довольно миниатюрная. Вцепившись изо всех сил в руль, Лэйни бьет по тормозам, и, покрутившись еще немного по обочине, машина в конце концов останавливается. Не произнося ни слова, мы все трое пытаемся отдышаться, словно марафон пробежали. Лэйни бледнее обычного, руки дрожат, и только дворники продолжают монотонно скрипеть.

— Клянусь, я думала, мы еще не доехали до поворота, — оправдывается Мэлоди.

Лэйни поднимает руку, показывая, чтобы та замолчала, и Мэлоди тихонько кивает. Слышен

лишь скрип дворников и шум печки, обдувающей запотевшее лобовое стекло.

— Слушайте, — начинаю я. — Нам же совсем не обязательно туда ехать… где бы это ни было. Давайте вернемся. Купим вина, посмотрим какой-нибудь сериал, расслабимся. Устроим самый спокойный девичник на свете!

Мэлоди оборачивается ко мне.

— В компании Джея и Грега?

Пожимаю плечами.

— Можем к кому-то из вас поехать.

Тишина. Лэйни, похоже, всерьез задумалась над моим предложением. Я знаю, ей бы хотелось повидаться с Руби — та как раз приехала навестить родных, — а Лэйни играет за «Нью-Йорк Либерти» и редко бывает дома.

Внезапно она бьет кулаком по передней панели, так что мы с Мэлоди чуть не подпрыгиваем.

— Нет! Мы слишком далеко заехали. Пусть все будет как задумано.

Мэлоди хлопает в ладоши.

— Вот и славно! До следующего поворота еще три мили, — пристегнув ремень, она выставляет вверх три пальца. — Честное скаутское!

Хотя Мэлоди уже двадцать шесть, она никогда не упустит случая вспомнить скаутский лагерь.

Лэйни заводит машину, и я вновь пытаюсь пристегнуться, забыв, что замок сломан.

— Может, хотя бы теперь скажете, куда мы едем?

— Нет! — в один голос отвечают они — прямо как родители капризничающему ребенку.

Глава 2

Шесть месяцев назад. Июнь

Сонно потирая глаза, усаживаюсь за компьютер. За соседним столом Уайли, тоже стажер, вытирает с заросшего подбородка капли йогурта. При нашей первой встрече меня несколько шокировало сочетание подводки, накладных ресниц и густой щетины, однако сейчас я уже не обращаю на это внимания.

— Бессонная ночка выдалась, а? — спрашивает Уайли.

— Угу, — неопределенно бормочу я.

К сожалению, это не то, о чем он думает: спала я мало не потому, что всю ночь отрывалась где-нибудь на вечеринке или до утра занималась сексом. Не помню, как заснула, однако, проснувшись, увидела, что лампа валяется на полу. Еще и руку отлежала. В надежде хоть немного взбодриться я наливаю себе кофе, хотя эффективнее было бы его внутривенно вколоть.

Проверяю электронную почту. Увы, из тюрьмы Грин Каунти ничего. Редакция одобрила мое предложение собрать материал по делу убийцы

666, но на работу мне выделили всего полгода, а начальница, Тоби, ясно дала понять, что не в восторге от этой затеи.

— Мы не можем повторять все, что и так известно, — предупредила она, тряхнув копной длинных рыжих волос.

Хищный нос, похожий на клюв, и близко посаженные глаза придают Тоби вечно удивленный вид. Мы с ней почему-то с первого дня не поладили, и теперь всякий раз, как она вызывает меня в свой кабинет, я с ужасом готовлюсь к увольнению.

— Накопаешь что-нибудь новенькое, тогда еще подумаем, пускать ли это в эфир.

С таким напутствием я и приступила к работе, однако проблема в том, что убийца, о котором идет речь, пока даже не согласился дать интервью.

— На твоем месте я бы тоже всю ночь не ложился, — продолжает Уайли, дожевывая пончик. — Жених-то у тебя, как я понял, горячая штучка?

— Угу, — вновь бормочу я, принимаясь за стопку писем у себя на столе. — Кажется, слово «жених» говорит само за себя, но можешь проверить, я не против.

— Не, — задумчиво отвечает Уайли. — Моя

невеста не одобрит.

Да уж, Джози за такое голову оторвет.

В почте, как всегда, всякая ерунда: письмо от страховой компании с очередным невероятным предложением, реклама свадебных платьев, предвыборные листовки… Стоп, а это что? Подписанный от руки конверт с печатью тюрьмы Грин Каунти. Слегка волнуясь, вскрываю его и достаю коротенькое письмо.

Здравствуйте, Алекс!

Спасибо, что написали.

С удовольствием помогу вам собрать материал для программы. Вы говорите, что я таким образом окажу вам услугу, однако на самом деле все наоборот: вы журналист, так что это вы окажете услугу мне. И уж поверьте, я готов просить помощи у кого угодно. Думаю, стоит сразу сказать: Я НЕ УБИЙЦА 666!!!

Я не убивал тех девушек. Да, я наделал в жизни немало глупостей, но никому не причинил вреда, и уж, конечно, никогда бы никого не убил. Знаю, здесь все говорят, что невиновны. Только в моем случае это действительно так.

Надеюсь, с помощью вашей передачи я смогу это доказать. Мне тут в тюрьме помогает один парень, говорит, он разбирается в законах, но не знаю, что из этого выйдет. Я уже обращался в организацию, которая защищает невинно осужденных, однако они отказались заниматься моим делом.

Как бы то ни было, можете задавать мне любые вопросы. Спрашивайте все, что захотите. Хотелось бы верить, что вам удастся донести до людей правду.

Искренне ваш, Эрик Майерс

P. S. Советую воспользоваться системой тюремной почты, плата мизерная.

Глава 3

Сейчас

Мэлоди нетерпеливо ерзает на сиденье: вот уже какое-то время она повторяет, как сильно ей надо в туалет. Мы еле тащимся, и машину то и дело чуть не заносит на заснеженной дороге. Почти восемь. На дорогу ушел весь день, а я до сих пор понятия не имею, куда мы едем. Они даже отказываются говорить, сколько еще осталось. Из того, что мне удалось понять, мы направляемся либо к Катскильским, либо к Адирондакским горам.

— Бензин заканчивается, — объявляет Лэйни, хрустя костяшками пальцев. — Скажите, как увидите заправку.

— Через пару миль будет, — сверившись с картой, заверяю ее я. Мэлоди мы навигацию больше не доверяем.

— Отлично, — вставляет Мэлоди. — А то мне уже очень надо в…

— Туалет, — заканчивает за нее Лэйни. — Мы знаем. Ты всего-то пару сотен раз об этом сказала.

Уличные фонари отбрасывают на снег при-

глушенные коричневатые отсветы, из-за чего открывающийся нам пейзаж кажется каким-то инопланетным — словно мы на Марсе. Вдалеке чернеет озеро, и, когда мы проезжаем мимо, я замечаю, как что-то движется по его поверхности.

— Вы видели?!

Мэлоди трет варежкой замерзшее стекло.

— Ты о чем? Мне вообще ничего не видно.

— Как будто кто-то шел по озеру.

Я продолжаю всматриваться, но мы удаляемся, и фигура становится все более размытой.

— Тень, наверное, — оглянувшись, бросает Лэйни.

— Да, похоже…

— Или медведь, — предполагает Мэлоди.

— Вполне. Они и правда здесь водятся, — стараюсь я мысленно нарисовать увиденное. — Только вот медведь побольше будет…

Закончить мысль мне не дает резкий сигнал приемника с последующим сообщением: «Внимание! Объявляется штормовое предупреждение! В округе Делавэр ожидается снежная буря с осадками до двенадцати дюймов[3]. Просим всех воздержаться от поездок».

---

[3] Сноски: 3
Около 30 см.

— Боже милостивый, — бормочет под нос Лэйни.

— Девочки, — чуть не плачет Мэлоди, — если мы сейчас же не остановимся, я точно описаюсь.

— Заправка! — Я показываю вперед. — Вон там!

На этот раз Лэйни тормозит очень аккуратно, чтобы машину вновь не занесло, и, остановившись у колонки, с облегчением выдыхает. Мэлоди пулей несется к магазину, а я протягиваю Лэйни свою кредитку.

— Ты и так нас везешь, давай я заплачу.

Выбравшись из машины, Лэйни со стоном потягивается, разминая затекшую спину.

— Могу потом тебе перевести, — предлагает она, вставляя заправочный пистолет в бак.

Снег так и сыплет, оседая на ее собранных в хвостик волосах.

— Не надо, в следующий раз заплатишь.

Мы обе знаем, что и в следующий раз платить буду я. Точнее, Джей. Мэлоди актриса — читай, денег у нее нет, — и живет в основном на подачки родителей. Лэйни от своей женской национальной баскетбольной ассоциации тоже получает крайне мало, особенно по сравнению с игроками мужской лиги. Сама я пока всего лишь стажер

медиакомпании «Краймлайн», выпускающей программы криминальной хроники, то есть тоже практически ничего не зарабатываю. Зато у Джея денег более чем достаточно.

— Пойду возьму чего-нибудь.

Я не без труда открываю дверцу машины, борясь с мощными порывами ледяного ветра. Вокруг фонарей, подобно мотылькам, кружатся снежинки. Съежившись от холода и подняв воротник куртки, бегу в магазин.

Побродив между полупустыми полками, беру чипсы (черт с ней, с примеркой!) и иду в отдел с напитками. Чтобы не мерзнуть возле холодильников, побыстрее хватаю упаковку пива и большую бутылку газировки. Рядом со мной довольно приятный светловолосый парень выбирает пиво. На нем рваные джинсы, причем, судя по всему, они порвались естественным образом, клетчатая фланелевая рубашка и плотная куртка нараспашку — из тех, что обычно носят рабочие. Его лицо почему-то кажется мне смутно знакомым, хотя я никого в этих краях не знаю.

— Привет, — вежливо кивает он, перехватив мой взгляд.

— Привет.

Я быстро отвожу глаза. Он косится на кольцо

у меня на пальце — его сложно не заметить — и продолжает выбирать пиво. Из туалета размашистыми шагами выходит Мэлоди, вытирая руки о джинсы. Заметив симпатичного парня, она слегка приподнимает бровь и молча идет к машине. После того как ее очередная пассия, студент-медик Мейсон, бросил ее, Мэлоди заявила, что все мужики — козлы, и решила не заводить пока новых отношений. Оставаясь тем не менее гетеросексуалкой, Мэлоди считает это своим жутким недостатком, и, как бы ни была сильна моя любовь к Джею, я ее понимаю — особенно после истории с Крисом.

Бросив взгляд в окно и увидев, что Лэйни уже заправилась, я оплачиваю покупки и, оставив продавцу щедрые чаевые, выхожу на улицу. Дверь со звоном закрывается, и в этот момент у меня гудит телефон. Надеясь увидеть сообщение от Джея, смотрю на экран, однако там информация от «Эмбер Алерт» — системы экстренного оповещения о похищенных детях. Тут же вспоминается мама.

ВНИМАНИЕ! ЭМБЕР АЛЕРТ!
В ЦЕНТРЕ НЬЮ-ЙОРКА ПОХИЩЕН РЕБЕНОК.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ДВИЖЕТСЯ НА СЕРЕБРЯНОМ «ЛИНКОЛЬНЕ».

Оглянувшись вокруг, я понимаю, что невольно ищу глазами серебряный «Линкольн». Конечно же, ничего подобного тут нет.

Мама как-то сказала, что, если бы в ее детстве существовала система «Эмбер Алерт», ее сестру Лиссу, возможно, удалось бы найти. Мне о ней почти ничего не известно — Лисса пропала еще до моего рождения, и мама не любит о ней говорить, однако всякий раз плачет в день ее рождения. Не надо быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять: именно в этом, возможно, и кроется истинная причина моего маниакального увлечения трукраймом. Вполне вероятно, что Лиссу похитил кто-то типа Эрика Майерса, и этот человек до сих пор на свободе. Преступника не нашли, и правду мы никогда не узнаем — с этим-то маме смириться сложнее всего.

Прячу телефон в карман.

* * *

— Смотри-ка! — Мэлоди показывает перед собой. — Ферма! Выглядит аутентичненько.

Я едва успеваю разглядеть дом, пока мы проез-

жаем мимо. Дав несколько крюков и пропустив пару поворотов, мы приближаемся к цели нашей поездки. Разбрызгивая во все стороны снег, машина взбирается вверх по склону. Мне все кажется, что мы вот-вот приедем, однако дорога продолжает петлять. Наконец вдали появляется старая деревянная лачуга — в темноте смотрится довольно зловеще.

— Сюрприз! — всплеснув руками и подпрыгивая на месте от радости, восклицает Мэлоди.

— Вы куда меня привезли? — прижавшись носом к стеклу, я вглядываюсь во мрак. — Здесь только фильмы ужасов снимать.

— Сейчас увидишь, — обещает она.

Мы медленно тащимся вверх по мощеной подъездной дорожке, по обе стороны которой сплошной стеной растут кусты ежевики и возвышаются огромные деревья, сплетаясь кронами и образуя над нами настоящую арку. Ветки царапают стекло. Наконец мы подъезжаем к ветхому охотничьему домику.

— Интересно… — выдавливаю я.

Что еще тут скажешь?

Прижавшись носом к стеклу, я разглядываю наше прибежище. Машина останавливается, Лэйни глушит мотор, и мы слышим, как гудит вокруг

ветер — такой сильный, что наша «Киа» покачивается. Некоторое время я молча изучаю дом.

— Господи!

— Что такое? — с довольной улыбкой спрашивает Мэлоди.

— Быть не может! — Я дышу на стекло, чтобы лучше видеть. — Это он?

Повернувшись, Лэйни в шутку бьет меня кулаком в плечо. Выходит все равно больно, и я потираю руку.

— С девичником тебя!

— Да ладно! Серьезно?!

Я все еще не могу поверить.

Лэйни вылезает из машины и со скрипом открывает багажник.

— Быстрее давайте! — кричит она. — Тут адски холодно.

— Иду!

Чувствуя, как нарастает волнение, я открываю дверь, все еще не в силах отвести взгляд от дома — того самого, с обложки книги «Убийца 666». Именно здесь Эрик Майерс зарезал очередную жертву и кровью нарисовал шестерки на стенах.

Глава 4

Июнь. «Кто же убийца?», сезон 4, серия 18, «Убийца 666»

— Эрик Майерс все отрицает. Он так до сих пор и не признал своей вины, — произносит Флетчер Фокс.

— Что ж, у нас на этот счет другое мнение, — скучающе-вежливым тоном возражает детектив Коннор. — Равно как и у суда.

Фокс делает подчеркнуто долгую паузу — его коронный приемчик — и слегка подается вперед. На нем выцветшие голубые джинсы и старомодный темно-синий жилет, а всем своим видом он демонстрирует простодушную заинтересованность и сочувствие. Коннор, напротив, выглядит как типичный детектив — столько уже насмотрелся, что чем-либо удивить его сложно. Он сидит, откинувшись на спинку кресла, воротник рубашки впивается в мощную, как у быка, шею, а по носу и щекам бежит красная сетка выступающих сосудов.

Я доедаю тост с джемом, и Баб у́шка тут же бросается вылизывать тарелку.

— Нельзя!

Отпихиваю ее, и та в ответ недовольно мяукает.

— Некоторые считают, что вы с радостью повесили все на Эрика Майерса и даже не проработали других подозреваемых… — Фокс делает очередную паузу. — Что вы на это скажете?

— Скажу, что они ошибаются, — с легким раздражением отвечает детектив. — Мы провели тщательное расследование, и я на сто процентов уверен, что наши ребята поймали настоящего преступника, — он поправляет галстук. — Кроме того, все, кого мы опрашивали, раз за разом называли одно и то же имя.

— Чье же?..

Забавный факт: Флетчера Фокса на самом деле зовут Джерри Сэмюэлс. Сложно даже представить менее запоминающееся имя. Мне не понять, за что он получает четыре миллиона долларов в год, однако с рейтингами не поспоришь — зрители его обожают. Тоби считает, что мне стоит у него поучиться, и, вероятно, она права.

— Эрика Майерса, — следует предсказуемый ответ. — Каждый раз одно и то же имя — Эрик Майерс.

— А почему все называли именно его?

До нелепости прозрачные вопросы, равно как и заезженные клише, — визитная карточка Фокса.

— Думаю, это очевидно, — усмехается детектив.

В ответ Флетчер Фокс тоже расплывается в улыбке, хотя это и считается дурным тоном — в историях про серийных убийц веселого мало.

— Плюс мы располагаем свидетельскими показаниями пострадавшей Ли Джонс, которой удалось выжить, — добавляет детектив Коннор. — И у нас нет никаких оснований ей не доверять.

— То есть фоторобот указывал именно на него? — Фокс задает очередной риторический вопрос, и при его словах на экране появляется сгенерированное компьютером изображение.

Почему-то мне не по себе от современных фотороботов, и я с некоторой ностальгией вспоминаю рисунки, создаваемые настоящими художниками. Теперь все подозреваемые выглядят как злодеи из видеоигр.

— Стопроцентное совпадение! Высокий, глаза голубые, — отвечает детектив.

Вглядываясь в фоторобот, я делаю пометку в блокноте: высокий, глаза голубые. Бабушка начинает охотиться за ручкой.

— Ну и, конечно, — продолжает Фокс, загадочно улыбаясь (как ему это удается?), — есть еще одна необычайно важная деталь.

— Безусловно, — вторит ему детектив. — Ключевая.

На экран выезжают фотографии улыбающейся Николь Уайт и угрюмого Эрика Майерса, а пафосный голос за кадром объявляет: «Что же стало последней и основной уликой? Узнаем об этом после рекламы! Не переключайтесь!»

На этой топорно слепленной интриге я жму на паузу, и тут кто-то хватает меня сзади за шею и шепчет прямо в ухо:

— Бу!

* * *

— Джей! — От неожиданности я буквально подпрыгиваю на стуле. — Напугал до чертиков!

Присев на стол, он широко мне улыбается — прямо-таки Чеширский Кот. Бабушка, требуя внимания, тычется головой ему в руку, и он несколько раз поглаживает ее по шерстке.

— Ты смотришь слишком много передач про маньяков.

Я отпихиваю от себя тарелку, и кошка бросается подъедать упавшие крошки.

— Флетчер Фокс будет пострашнее любого маньяка.

Джей смеется низким грудным смехом — как же мне нравится этот звук! Он складывает руки на груди, и тонкая голубая сорочка натягивается на плечах. С тех пор, как я сказала, что это моя любимая рубашка, Джей частенько ее надевает. Ярко-голубой цвет прекрасно оттеняет его глаза. Джей умеет одеваться дорого и непринужденно: сейчас, например, на нем самая обычная на первый взгляд рубашка, правда, сшитая на заказ, и простые синие джинсы, которые стоят больше, чем я получаю в месяц. У меня до сих пор не укладывается в голове, что мы встречаемся, не говоря уже о том, что собрались пожениться. Все случилось, как в книжках, — слишком уж неправдоподобно.

Когда мы познакомились, я только-только начала приходить в себя после расставания с Крисом и не собиралась заводить новые отношения. Мы с коллегами сидели в баре, и ко мне начал приставать какой-то пьяный придурок. И тут справа от себя я услышала фантастически сексуальный австралийский акцент:

— Эй, братан! Ты ей не нравишься, двигай отсюда.

«Братан» взвился на дыбы и пошел на обидчика, явно намереваясь поставить его на место, однако тут же, к собственному изумлению, отлетел назад. Я даже не заметила самого удара. Приятели поспешили увести несостоявшегося ухажера, а я повернулась, наконец, посмотреть на своего спасителя — он оказался до омерзительного красив. Настоящий мачо — по-другому и не скажешь.

Я не придумала ничего остроумнее, как пробормотать:

— Эм-м-м, привет.

Джей потер костяшки пальцев.

— Знаю, прозвучит не совсем в стиле мачо, но, боюсь, я себе об этого козла палец сломал.

Я протянула ему свой стакан с коктейлем «Московский мул», чтобы он опустил руку в лед (еле-еле поместилась), и задала тупейший вопрос:

— Это как?

Джей в ответ рассмеялся — тем самым грудным смехом — и сказал:

— Похоже, надо на тебе жениться.

Он, конечно, пошутил. По крайней мере, тогда я подумала именно так.

— Ты на работу?

Мне немного неловко, что я в пижаме, хотя сегодня и работаю из дома.

— Завтракаю с Элаем.

— М-м-м…

Мне не очень нравится Элай — возможно, потому что и он меня недолюбливает. Вечно строит из себя эдакого своего парня, броско одевается и ужасно громко смеется, под стать телосложению — в самый раз в американский футбол играть. Все бы ничего, только при нашей первой встрече Элай состроил такую презрительную физиономию, что сразу стало понятно — я ему (да и Джею) не ровня. Новость о нашей помолвке стала для него неприятным сюрпризом.

Джей утверждает, что все в порядке и я придаю слишком большое значение нашей разнице в возрасте. Может, он и прав. С другой стороны, Джей смотрит на ситуацию субъективно. С Элаем у них своего рода симбиоз: тот приводит в хедж-фонд крупных клиентов, а Джей взамен зарабатывает ему кучу денег.

Джей целует меня на прощание, и я замечаю, что синяк у него под глазом из темно-лилового стал желтовато-серым — еще немного и совсем пройдет. Уже потянулась было потрогать, однако Джей берет меня за запястье.

— Прости, что так получилось, — говорю я.

Покачав головой, он по-джентльменски целует мне руку и встает.

— Увидимся вечером.

Глава 5

Сейчас

Вытерев ноги о потрепанный половик, я снимаю варежки и морщусь — костяшки пальцев и так сбиты, а теперь по замерзшей коже словно наждаком провели.

— Место потрясающее, — говорю я, оглядываясь вокруг.

— Мы ведь знаем — ты обожаешь дома с привидениями, — отзывается Мэлоди, прижав руки ко рту и пытаясь дыханием их согреть.

Все так. Я вечно тащу их во всевозможные комнаты страха и дома призраков, как бы далеко они ни находились: «Усадьба кошмаров», «Парк ужасов», «Ферма всадника без головы» — чем больше крови, тем лучше. Однако мне пока не доводилось бывать в домах, где на самом деле произошло убийство.

— Как вы его нашли?

— На сайте аренды жилья.

Поежившись, Мэлоди делает «бр-р-р-р» — получается весьма по-мультяшному. Шапку она пока не сняла — на ней красная ушанка в клетку,

какие обычно носят охотники. Интересно, специально надела или просто совпало? Мэлоди зябко потирает руки и сует их в карманы куртки.

— В описании так и сказано: дом убийцы 666, — зловещим голосом добавляет она.

— Да и стоил он недорого, — вставляет Лэйни, резким движением расстегивая куртку. — В отзывах больше одной звезды никто не ставит.

— Ну-у-у… — Мэлоди сбрасывает ботинки. — Главное, здесь могут быть призраки!

Неохотно разуваюсь — в доме безумно холодно. Изо рта вырывается пар.

— Как думаете, отопление в доме есть?

— Надеюсь, — нараспев отвечает Мэлоди.

Проведя рукой по стене, она находит переключатель и щелкает им. Люстра на потолке, тихонько загудев, несколько раз моргает, и комната заливается тусклым светом.

— Господи, да тут как в морозилке! — заметив термостат, Лэйни выкручивает ручку, и мы слышим, как с ревом включается нагреватель.

Ступая в одних носках по грубому деревянному полу, я прохожу крошечную квадратную кухню и осторожно заглядываю в гостиную. Вдоль одной стены тянется отделанный камнем камин, перед которым лежит линялая овечья шкура. По углам

стоят два разномастных кресла, а напротив камина — протертый кожаный диван темно-зеленого цвета. Перед глазами невольно встает черно-белая фотография с места преступления: на полу лежит тело женщины, руки и ноги неестественно вывернуты, лицо скрыто черным прямоугольником, а на стене надпись «666» с кровавыми подтеками. Я вздрагиваю.

— Ну, хотя бы в спальных мешках будет тепло, — успокаивает меня Мэлоди, неверно истолковав мое движение.

Она принимается изучать комнату и находит у камина неизвестно откуда взявшуюся теннисную ракетку.

— Сыграем? — предлагает она, махнув ракеткой, после чего внимательно ее разглядывает. — Чего только не найдешь…

— Да уж, — соглашаюсь я.

С глухим стуком поставив ракетку на место, Мэлоди идет дальше.

— Где-то еще должна быть спальня с душем.

Я плюхаюсь на кресло.

— Чур спальня моя!

Открыв первую попавшуюся дверь, Мэлоди смотрит вниз.

— Тут ход в подвал, — ее слова повторяет эхо.

Со скрипом открывается следующая дверь. — А вот и спальня! — пауза. — Господи боже…

Мы с Лэйни бежим посмотреть, к чему относится эта фраза, и застываем в дверном проеме: перед нами крошечная комнатка с двуспальной, по-военному аккуратно заправленной кроватью, покрытой тоненьким серым одеялом. В углу и правда расположился душ: из-за клеенчатой шторки с ярким узором из уточек выглядывает бетонный пол в ржавых разводах.

— Впрочем… — Я делаю шаг назад. — Не так уж мне и нужна спальня.

— Понимаю, — Лэйни следует моему примеру. — Я тоже, пожалуй, обойдусь.

— Ничего, поспим все вместе в гостиной, — предлагает Мэлоди. — Пижамная вечеринка — как в старые добрые времена!

От этой мысли почему-то становится не по себе. Машинально достаю телефон проверить, не написал ли Джей. Ничего. Впрочем, здесь и не ловит, так что ни позвонить, ни прислать сообщение у него все равно не получится.

Лэйни тем временем развалилась на овечьей шкуре.

— Мэлоди, как тебя угораздило выбрать дом, где в качестве украшения используется мех убитого

животного? Ты же веган!

— Я уточнила — владелец сказал, что эта шкура была получена этичным способом.

— Думаю, у овцы на этот счет было другое мнение, — фыркает Лэйни.

— Давайте разожжем камин! — предлагает Мэлоди, намеренно меняя тему. — Так, что тут у нас… Надо найти спички!

Она разглядывает поленницу с дровами, ржавый топор, теннисную ракетку. В камине лежит обугленное полено. Мэлоди обводит взглядом комнату.

— Спички, спички, спички…

— Пойду поищу.

Я выкарабкиваюсь из дивана и, подойдя к столу, дергаю ящик. После нескольких попыток тот со скрипом подается. Внутри всякий хлам: какой-то старый компас, ручки, ключи, канцелярские резинки. Спичек нет. Иду в крошечную кухню: грубый деревянный пол, покрытый трещинами, разделочный стол, два деревянных стула с прямой спинкой, унылого вида миниатюрный холодильник и еще более унылая электроплитка. Наугад открыв один из шкафов, вижу банки с консервами, а полкой выше — кружки и тарелки, причем все из разных наборов.

— Ну как? — кричит из комнаты Мэлоди.

— Пока ничего, — отзываюсь я.

Выдвигаю первый попавшийся ящик — дешевенькие столовые приборы. Следующий — моток веревки и опять ручки.

— Давай уже, а то мы тут замерзнем насмерть! — доносится голос Лэйни.

Открыв очередной ящик, вижу складной нож, несколько монеток, какие-то ключи, канцелярские резинки и… спички.

— Нашла! — кричу я.

На всякий случай проверяю последний ящик — вдруг попадется еще коробка, — но в нем только один предмет. Огромный разделочный нож. Перед глазами проносится картина: Эрик Майерс хватает этот нож и раз за разом вонзает в грудь Николь Уайт.

С силой задвигаю ящик обратно.

Глава 6

Июнь

Здравствуйте, Алекс!

Спасибо, что согласились воспользоваться тюремной почтой.

Ответ на ваш первый вопрос – да. Я буду рад дать интервью. По видеосвязи, конечно. Если у вас получится все организовать, обязательно подключусь (не то чтобы у меня были какие-то другие дела).

Что до остальных ваших вопросов, я прекрасно понимаю, чем они вызваны.

Да, мне известно о том выпуске программы «Кто же убийца?», который вы упоминаете. Как бы дико ни звучало, я видел его здесь по телику. Сосед по камере сказал мне, такое сейчас называют мета… Понятия не имею, что это значит. В любом случае, я отказался участвовать в программе, хотя меня и приглашали. Сразу было ясно – это подстава. Они там кучу всего напридумывали – предлагаю

разобрать все по порядку.

Фоторобот. Просто смешно! И это их главная улика? Мне ужасно жаль Ли Джонс, ей пришлось пережить настоящий кошмар, однако она была в состоянии шока. Ей могло привидеться что угодно. И даже если исходить из того, что ее показания точны, – она сказала, у него голубые глаза. ГОЛУБЫЕ! Джонс ни капли в этом не сомневалась.

У меня глаза зеленые. Прокурор заявил, что при определенном освещении они могут показаться голубыми, но это все бред собачий. Там ни капли голубого. Повторяю: они зеленые.

Не вполне убедительный аргумент. Я помню фотографии из зала суда: на тех, что были сняты крупным планом, глаза у него сине-зеленого оттенка, где-то больше голубого, где-то зеленого. Это только Элтон Джон про голубые глаза поет, а в жизни все сложнее. Видимо, в полутьме Ли Джонс показалось, что у напавшего на нее цвет глаз именно такой. Нет, я на это не куплюсь.

1. Также она сказала, что убийца был высоким. Я, конечно, не коротышка, но

и не отличаюсь особенно большим ростом. Во мне пять футов одиннадцать дюймов[4]. В полиции при оформлении написали, что во мне шесть футов. Они даже не измерили мой рост! Написали шесть, и все. Но я-то знаю, что во мне нет шести. Многие мои друзья такого роста, а я ниже их.

Тоже какая-то ерунда. Во-первых, я не верю, что полицейские не замеряли его рост. На фотографиях из участка наверняка все видно. Кроме того, Ли Джонс сказала, что рост убийцы *около* шести футов. Сомневаюсь, что он ждал, пока она рулетку достанет.

2. НА УБИЙЦЕ БЫЛА БАЛАКЛАВА!!! Откуда ей знать, как он выглядит, если она даже его лица не видела. И, кстати, у меня нет балаклавы.

Ну, предположим, здесь он прав.

Вы, наверное, хотите спросить, почему я не рассказал это все своему адвокату. Я-то рассказал, но ему было наплевать. Он все подговаривал

---

[4] Сноски: 4
Около 180 см.

меня признать вину, чтобы можно было закрыть дело и поскорее браться за следующего клиента. А денег на стоящего адвоката у меня нет.

Вы, наверное, умная девушка – журналистикой занимаетесь. А я вот школу так и не окончил. Сейчас готовлюсь к выпускным экзаменам – хочу попробовать, как только выберусь отсюда.

Уж поверьте мне, Алекс, в один прекрасный день я отсюда выберусь.

Искренне ваш, Эрик

P. S. Если не затруднит, не могли бы вы отправить немного денег на мой тюремный счет? Мне не хватает на всякие мелочи: зубная паста, чипсы. Если не получится, ничего страшного. Решил на всякий случай спросить.

P. P. S. Они принимают электронные переводы.

Глава 7

Сейчас

Сидим на ледяном полу перед камином.

— Кажется, отопление не работает, — отмечаю я, потирая закоченевшие руки и поднося их поближе к еще не разгоревшемуся пламени: огонь пока охватил ворох старых газет, которые Мэлоди предусмотрительно подложила под составленные домиком дрова.

— Что ж, бесплатный сыр, как говорится, только в мышеловке, — Лэйни тоже подносит ладони к огню.

На секунду задумываюсь о том, что Джей легко мог бы оплатить нам номер в роскошном отеле, заказать самое дорогое шампанское и, может, даже Бейонсе пригласить. Однако смысл же не в этом. Ведь главное, что я провожу время со своими подругами. Мне приятно, насколько тщательно они подошли к выбору места — пускай здесь и безумно холодно.

Я задумчиво разглядываю стену, и перед глазами вновь встает грубая кровавая надпись: 666.

— Цифры были прямо здесь, — говорю я, засо-

вывая ладони под ноги, пытаясь согреться.

— Какие цифры? — спрашивает Мэлоди.

— Три шестерки. Те, что он написал кровью жертвы… Николь Уайт.

После этого глубокомысленного замечания повисает тишина.

— Ты вроде говорила, ее Ли Джонс звали, — наконец отзывается Лэйни.

Я приятно удивлена: не думала, что они обращают внимание на мою болтовню.

— Нет, Ли Джонс он лишь попытался убить; ей удалось вырваться.

Пожалуй, не буду сообщать, что полиция подозревает Эрика Майерса в убийстве еще двух девушек: Анджелы Адамс и Амелии Атвуд. Они пропали примерно в то же время, а тела так и не нашли.

— Что ж, на этой веселой ноте… — начинает Мэлоди.

— Поесть никто не хочет? — перебивает ее Лэйни.

Ничего удивительного — от еды она никогда не откажется. Впрочем, у меня тоже урчит в животе, и я понимаю, что за весь день выпила всего лишь чашку кофе. Смотрю на телефон — девять вечера.

— Ты разве не брала с собой печеньки? — интересуется Мэлоди.

— Брала, только я их съела.

Мэлоди поднимается на ноги.

— Не волнуйтесь, я запаслась провизией: в багажнике лежит сыр с крекерами.

Лэйни это заявление не успокаивает.

— Дай угадаю: сыр веганский?

— Конечно.

— А крекеры без глютена?

— Ты прекрасно знаешь, что у меня глютеновая непереносимость! — обиженно оправдывается Мэлоди.

Смотрю, как дым струится между бревнами в камине, а в животе урчит все сильнее.

— Там в машине еще пиво с чипсами, — предлагаю я.

* * *

Огонь в камине наконец разгорелся и наполнил комнату приятным равномерным гулом. Ощущение грубого дерева под пальцами, разливающееся в воздухе тепло и запах горящих поленьев — все навевает мне мысли о детстве. Помню, сидишь в уютной, залитой ярким светом гостиной, а за окном промозглый вермонтский

вечер. Так было до развода родителей в нашем прелестном старом домике, продуваемом всеми ветрами.

Мы разложили свои спальные мешки поверх овечьей шкуры и, устроившись на них, грызем чипсы и потягиваем пиво. За окнами завывает ветер, качая вдалеке верхушки сосен. От спальника, который я одолжила у Джея, слегка отдает плесенью. В камине трещит огонь.

— Чем займемся? — спрашиваю я. — Может, сериал какой-нибудь посмотрим?

— Здесь нет интернета, — напоминает Мэлоди.

— Да, точно, сеть не ловит…

Я уже трижды выбегала на улицу, пытаясь поймать хоть какой-то сигнал и позвонить Джею, — бесполезно.

— Сыграем в «крокодила»? — оживившись, предлагает Мэлоди.

Мы с Лэйни закатываем глаза.

— Ладно, ладно… — С ворчанием Мэлоди поднимается на четвереньки и ползет в сторону шкафа. — Посмотрим, что тут у нас… — Она со скрипом открывает дверцу и роется в коробках с играми. — Короче, у нас есть «Монополия», пара викторин, «Покер на костях»…

— Или… — Лэйни лезет к себе в сумку. — Можем

немного отдохнуть в компании «Белой вдовы».

Она протягивает нам пакетик с тремя аккуратно скрученными косяками.

— «Белая вдова», — морщится Мэлоди. — А другого сорта не было?

— Ну знаешь ли, — обиженно фыркает Лэйни, — мы тут не в Амстердаме.

— Ладно, ладно, как скажешь. Все лучше, чем пиво, — она с недовольной гримасой допивает содержимое банки и, взяв один косяк, протягивает другой мне. — От «Белой вдовы» я вся чешусь.

Лэйни прикуривает свой косяк от камина и затягивается. По комнате расползается запах жженых тряпок, который сложно с чем-нибудь перепутать. Мэлоди тоже закуривает.

— Вам разве анализы не надо сдавать? — задает она вопрос, который и у меня вертится на языке.

— Раз в полгода, — задержав дыхание, отвечает Лэйни.

Кивнув, Мэлоди затягивается, а я продолжаю в задумчивости вертеть косяк в руках, глядя на огонь.

— Говорят, от ТГК может стать хуже, — бормочу я, вспомнив прочитанную недавно статью.

— Ты о чем? — отмахиваясь от дыма, спрашивает Лэйни.

— О своих снах.

Тишина — лишь Мэлоди с глубокомысленным видом затягивается. Они обе в курсе моей проблемы: иногда мне снятся настолько натуралистичные сны, что я не могу отделить их от реальности. В самый первый раз мне приснилось, что за мной гонится Крис, и во сне я вскочила с кровати, ударилась о тумбочку и разбила губу. В другой раз мне привиделся Эрик Майерс, который с хохотом всаживал в меня нож, а я изо всех сил отбивалась. Проснувшись, поняла, что ударила Джея. Он тогда пошутил, что его избивает жена, но с тех пор я перебралась спать в комнату для гостей — ужасно стыдно было смотреть на синяк у него под глазом. Какое-то время эти сны не повторялись, и вот недавно опять: Эрик Майерс наваливается на меня, я чувствую тяжесть его тела, чувствую, как его нога прижимается к моей… От удара в стене осталась вмятина в виде моего кулака.

— Есть предположения, чем это вызвано? — хриплым голосом спрашивает Мэлоди. — Может, стресс сказывается?

— Возможно, — соглашаюсь я, хотя это и не совсем так.

— Уверена, все будет в порядке, — заверяет

меня Лэйни, набрав полные легкие дыма.

— Конечно, — поддакивает Мэлоди.

Она актриса и хорошо умеет притворяться, однако сейчас почему-то говорит не очень уверенно. Хлопнув рукой по моему спальному мешку, она со смехом продолжает:

— Если что, можешь не курить — мы все равно останемся подругами.

— Знаю…

Выдавив смешок, я подношу косяк к огню и затягиваюсь сладковатым дымом, чувствуя, как раскаляется под пальцами бумага. К черту! Девичник у меня или что?

Глава 8

Июнь

— Есть новости от твоего маньяка — любителя чипсов? — интересуется Уайли.

— Не-а.

Я все-таки отправила ему немного денег: побоялась, что он обидится и перестанет отвечать на мои письма. Только вот ничего нового мне разузнать не удалось. Я вдоль и поперек изучила форум диванных детективов, посвященный тру-крайму, пытаясь найти хоть какие-то зацепки относительно убийцы 666, но все впустую. Опрос, затеянный мной в «Твиттере», тоже не дал результатов. Очевидно, все уверены, что убийца Эрик Майерс, и обсуждать в этом деле больше нечего.

— А у тебя как продвигается? — спрашиваю я, глотнув воды. — С этим твоим, как его… Убийца с монограммой?

— Ага. Он вырезал на телах жертв собственные инициалы, — прищелкнув языком, отвечает Уайли. — Хорошо, что хотя бы после того, как убивал.

— Прелесть какая. Коварство и саморазоблачение в одном флаконе.

— Ну да. Психопат попался не из сообразительных.

У меня гудит телефон — пришло сообщение от Лэйни.

— Свадебные приготовления? — Уайли, в отличие от остальных моих знакомых, может бесконечно обсуждать эту тему.

— Ага, подыскиваем Лэйни платье, — бормочу я, параллельно набирая сообщение.

— Лэйни будет в платье? — Брови Уайли ползут вверх.

— Нет, не совсем. Хотим подобрать ей костюм такого же лавандового цвета, что и платье Мэлоди.

Лэйни и Мэлоди будут подружками невесты, хотя Лэйни и пришла в ужас от моего предложения, в связи с чем Мэлоди целый день ее подкалывала.

— Ничего себе! Надо запомнить! Хочу, чтобы моя подружка невесты была в лиловом костюме.

У Уайли на свадьбе тоже будет две подружки невесты: одна для Уайли, а другая для Джози, если я ничего не путаю.

Так как мои изыскания не дали никакого

результата, я подумываю вновь засесть за прослушивание подкастов про убийцу 666. Честно говоря, все эти так называемые подкасты мне уже поперек горла: большинство сводится к тому, что два человека беспрестанно повторяют «эм-м-м» или извиняются, что на фоне лает собака, после чего пускаются в пространные описания проблем с пищеварением (у собаки) и особенностей диеты. Я подумываю, не пойти ли мне выпить кофе, как вдруг на пороге комнаты появляется доставщик с букетом роз.

— Алекс Конли? — обращается он к Уайли, что, впрочем, неудивительно: из нас двоих он с большей вероятностью может быть обладателем имени Алекс.

— Это мне.

Встаю, чтобы расписаться в получении. Букет источает нежный аромат, и я с улыбкой разворачиваю открытку, ожидая, что цветы от Джея: он иногда присылает мне букеты ни с того ни с сего.

Впрочем, улыбаюсь я недолго.

— От Джея? — спрашивает Уайли.

Покачав головой, протягиваю ему открытку, и глаза у него округляются.

— Какого…

— Ага, — соглашаюсь я.

В открытке нет ни слов, ни подписи. Только три черные цифры: 666.

* * *

— Разберусь, — обещает Хуанита, пока мы с ней и Тоби поднимаемся по лестнице.

Хуанита занимает в «Краймлайне» должность главного детектива, и обычно в ее обязанности не входит выяснять, кто шлет письма с угрозами никчемным стажерам. Однако я как-то помогла ее племяннице с сочинением для колледжа (на самом деле там и без моего вмешательства все было хорошо), а в итоге ее взяли в Брауновский университет (опять же, я к этому отношения не имею), и теперь Хуанита меня обожает.

— Не понимаю, — выдавливаю я, из последних сил карабкаясь по ступенькам.

Боже, ну какое, наверное, жалкое зрелище! Мой офис на пятом этаже, и дошли мы пока до третьего, а я уже задыхаюсь. При этом Хуанита, хотя и весит раза в два больше меня, даже не вспотела. Сама она работает на десятом, но пользоваться лифтом не любит.

Тоби равнодушно пожимает плечами.

— Просто кто-то решил тебя потроллить.

В попытке скрыть свой небольшой рост и субтильное телосложение она носит костюмы оверсайз и туфли на высоких каблуках, чем добивается прямо противоположного эффекта: ощущение такое, будто маленькая девочка нарядилась в мамину одежду. Тоби немного напоминает Минни Маус — с длинными рыжими волосами и в веснушках. И да, Тоби бегает марафоны, так что подняться пешком на десятый этаж для нее не проблема.

— Наверное, — соглашаюсь я, стараясь сдержать одышку.

Я, конечно, сразу провела расследование — то есть позвонила в цветочный магазин. Там сказали, что заказ был оплачен с аккаунта, привязанного к предоплаченному мобильному номеру, а имя пользователя оказалось вымышленным.

— Кому вообще известно, что я занимаюсь этим делом? — хватаясь за перила, продолжаю я. — Только сотрудникам «Краймлайна» и моему жениху, и никто из них такого бы не сделал.

Тоби и Хуанита останавливаются на верхних ступеньках лестницы, поджидая меня.

— Хочешь сказать, ты ничего в интернете не искала? — со скептическим видом вопрошает Тоби.

— Ну да, я писала об этом в «Твиттере» и «Фейс-

буке» и еще на паре форумов… — На секунду я задумываюсь: — Выходит, прислать цветы мог кто угодно.

Тоби снисходительно улыбается.

— Я же говорю, просто тролль.

— Но мы этим займемся, — заверяет Хуанита, возможно, чтобы успокоить меня.

Наконец мы доходим до моего этажа, и я представляю себе, как, открыв дверь, ничком повалюсь на пол.

— Мне сюда, — говорю я.

— Мне тоже, — Тоби уносится вперед меня.

— Скажи, если вдруг пришлют еще что-то, — кричит сверху Хуанита. — Будем надеяться, это разовая акция.

Глава 9

Сейчас

В компании «Белой вдовы» вечер пролетает незаметно. Мы сидим полукругом перед камином, словно у костра, зачарованно разглядывая языки пламени. Горячий воздух приятно согревает лицо.

— Алекс? — зовет Мэлоди, по-прежнему не сводя глаз с огня.

— А? — откликаюсь я, стряхивая пепел со спальника Джея.

— Мы хотели тебя кое о чем спросить, — она нервно прикусывает губу. Странно — не припомню, чтобы Мэлоди когда-то так волновалась.

— Ла-а-адно…

Одно из поленьев с шипением разбивается о каминную решетку.

— В общем… — Мэлоди, нахмурившись, поворачивается ко мне. — Ты уверена в своем решении? Никаких сомнений?

Лэйни тоже пристально на меня смотрит. Сдается мне, они давно хотели задать этот вопрос и ждали подходящего момента. Или вообще

для этого и затеяли сегодняшние посиделки? Чувствую, как где-то глубоко внутри нарастает раздражение.

— Да, уверена, — резко отвечаю я. Пожалуй, слишком резко. На секунду задумываюсь: — А что? Вам что-то известно?

Тут же вспомнился мой первый парень, Тарик, с которым мы встречались в колледже. Однажды Лэйни увидела, как он мне изменяет.

— Нет, нет, — заверяет меня Мэлоди, поправляя подушку. — Ничего такого. Просто… все случилось очень быстро, да еще и сразу после той истории с Крисом.

Теперь понятно, откуда ветер дует. Мама задавала мне те же самые вопросы — думает, я поспешила найти утешение в виде Джея. Практически машинально вытягиваю вперед руку, и бриллиант в кольце переливается, отражая свет огня в камине. Честно говоря, камень слишком большой. И все-таки я уверена.

— Я люблю его, — говорю я, пряча руку с кольцом обратно в спальник. — Никаких сомнений, честное слово.

— Хорошо, — Мэлоди с некоторым облегчением выдыхает. — Это все, что мы хотели услышать.

Лэйни, однако, продолжает подозрительно

сверлить меня взглядом.

— Господи боже! — вдруг вопит Мэлоди.

— Что?

Вскочив, я оглядываюсь, ожидая увидеть Майерса, и только потом понимаю, что это невозможно. Все из-за «Белой вдовы».

— Мы чуть не забыли про сладкое! — кричит Мэлоди таким тоном, словно ничего страшнее на свете быть не может. Похоже, «Белая вдова» и ее хорошенько накрыла.

Когда Мэлоди бегом возвращается из кухни с пирожными, Лэйни расстегивает спортивную сумку и, достав оттуда подарок, вручает мне. Похоже на книгу. Содрав ярко-красную обертку, читаю название: «Настоящий убийца 666». Я с удовольствием листаю страницы, внимательно разглядывая цветные вклейки с фотографиями в середине и вдыхая запах свежей бумаги.

— Я и не знала про такую!

— Ну, ее уже и в продаже нет, — сдерживая улыбку, говорит Лэйни.

— О-о-о-о! — Меня захлестывает приступ умиления. — Какие вы классные!

Наклоняюсь и целую обеих: Мэлоди в шею, а Лэйни в ухо.

— Иу! — Лэйни вытирается. — Ты меня всю

обслюнявила!

— Я знаю, тебе понравилось.

— Даже не думай — ты не в моем вкусе.

— А теперь пирожные! — нараспев объявляет Мэлоди. — Сама готовила! Конечно, веганские и никакого глютена.

Взяв одно из пирожных, она облизывает голубой крем. На тарелке остается еще два: голубое и красное.

— Красное для тебя. Это ведь твой любимый цвет, — говорит она мне.

— Вот это вы жжете!

Взяв пирожное, я с восхищением разглядываю причудливой формы слой красного крема на верхушке. Какое-то время мы молча наслаждаемся десертом.

— Спасибо! — с набитым ртом бормочу я. — Очень вкусно!

— Ага, — кивает Лэйни, не переставая жевать. — Недурно.

Тут Мэлоди тычет в меня пальцем и начинает безумно хохотать.

— Что? — недоумеваю я, вытирая рот от крошек.

— У тебя зубы красные! Прямо как у вампира!

Мэлоди вся трясется от смеха. Очевидно, «Белая

вдова» усилила эффект.

— А ты как будто у смурфа отсосала, — заявляю я в ответ.

— С анатомической точки зрения это крайне неправдоподобно, — возражает Мэлоди, доставая телефон. — А теперь селфи!

Мы с Лэйни прижимаемся к ней, оскалив красные и голубые зубы. Вспышка бьет в глаза, и, наполовину ослепнув, я приканчиваю свое пирожное.

Доев, Мэлоди начинает зевать.

— Я на боковую.

— Я тоже, — Лэйни натягивает свой огромный спальный мешок, который ей все равно мал.

Взяв телефон, подумываю, не попробовать ли последний раз позвонить Джею, а потом понимаю, что уже одиннадцать. Обычно в такое время он не спит, однако, когда у него остается Грег, может лечь пораньше. В любом случае дозвониться вряд ли получится. С этими мыслями прячу телефон в карман.

— С девичником тебя, — сквозь сон бормочет Мэлоди, ворочаясь в мешке.

Лэйни уже спит, лишь легонько подрагивают во сне ресницы.

Я лежу с открытыми глазами. Засыпать страш-

но. Боюсь, мне снова что-то приснится — как бы не навредить девчонкам.

Глава 10

«Он и правда убийца?» Подкаст. Выпуск № 187 «Убийца 666».

Шардай: Да ладно тебе, Трейвон! Тут все очевидно.

Трейвон: А вот и нет! Я потому и выбрал это дело. Здесь, напротив, все далеко не очевидно.

Шардай: Ну, если не считать того факта, что он написал…

Трейвон: Погоди, погоди! Об этом потом. Давай сначала разберем показания свидетельницы. Фоторобот сразу можем отбросить — на убийце ведь была балаклава.

Шардай: Да, согласна.

Трейвон: Думаю, ты не будешь спорить и с тем, что визуальное опознание — процедура довольно неоднозначная, особенно учитывая, что жертва была в шоке.

Шардай: Пожалуй, с этим я тоже соглашусь.

Трейвон: Однако есть еще одна загвоздка, на которую никто не обратил внимания. (Пауза.) Расовая принадлежность.

Шардай: Ты о чем?

Трейвон: Ли Джонс черная.

Шардай: Ну… Трей, это и так все знают.

Трейвон: Конечно. Только я о чем? Всем нам прекрасно известно, как плохо белые люди различают черных, и наоборот. Нам сложно различать людей другой расы. И это научно доказано. Так?

Шардай: Да, вероятно, так.

Трейвон: Вероятно? Да ладно тебе! Мы ведь не раз видели, что жертвы легко могут ошибаться! И это, между прочим, нередко стоит кому-то жизни. Как правило, подобное случается с черными, и некоторых даже приговаривают к казни.

Шардай: К сожалению, такие случаи известны.

Трейвон: Я хочу сказать, что, возможно, с Эриком Майерсом произошло ровно то же самое.

Шардай: Погоди-ка, Трей! Здесь дело не только в том, что жертва его опознала. Есть гораздо более явные доказательства его вины.

Трейвон: Так в том-то и проблема! Насколько этим доказательствам можно доверять? Не подумай, я не пытаюсь ни в чем обвинить Ли Джонс — у нее был шок. Она не пытается никого ввести в заблуждение.

Шардай: Я поняла, к чему ты клонишь, однако в таком сложно ошибиться. Допустим, у нее был

шок. Допустим, все белые для нее на одно лицо.

Трейвон: Да-да, знаю, что ты сейчас скажешь.

Шардай: Но улика очевидная!

Трейвон: Да, очевидная. (Пауза, затем смех.) Не хочешь сказать нашим слушателям, о чем речь?

Шардай: Ты ведь знаешь, Трей, нам придется сохранить интригу до следующего выпуска!

Трейвон: Ох, придется.

Шардай: Слушайте нас на следующей неделе и узнаете, какую ключевую улику предоставила Ли Джонс полицейским.

Глава 11

Сейчас

Я изо всех сил стараюсь не заснуть, а в голове все крутятся одни и те же мысли.

Согласно доктору Гуглу, у моей проблемы есть официальное название — расстройство поведения в фазе быстрого сна (или, иначе, в REM-фазе). Оказывается, во сне мышцы теряют тонус — мы словно парализованы, что, как ни парадоксально, весьма логично с точки зрения эволюции. Вроде бы не лучшая идея проводить треть жизни в абсолютно беспомощном состоянии, однако альтернатива этому — вылететь в окно, если вам приснятся прыжки с парашютом.

Доктор Гугл во всем винит золофт: так совпало, что проблемы со сном начались именно после него. А на антидепрессанты я села по нескольким причинам. Во-первых, пришлось оформить охранный ордер, запрещающий Крису ко мне приближаться. Во-вторых, Тоби решила выяснить, почему я последнее время «сама не своя», и мне пришлось ей рассказывать, как я всего-то-навсего опасаюсь, что мой бывший меня убьет,

а наша история станет сюжетом для очередного выпуска «Краймлайна» (стажер в роли жертвы — такое точно вызовет ажиотаж). Потом началась кутерьма со свадьбой: мамины опасения, язвительные замечания бывшей жены Джея, его сын с вечно траурной физиономией… Короче, причин хватает. Если я расскажу терапевту о своих снах, она точно отменит золофт, а мне сейчас без него никак.

В камине пощелкивает огонь. В попытке не заснуть я принимаюсь изучать трещину на потолке. Она сначала расплывается, потом начинает двоиться, и мне приходится яростно моргать, чтобы прогнать видение.

Мой случай не самый плохой — я читала про гораздо более страшные ситуации. Даже у «Краймлайна» есть выпуск про мужчину, который во сне приехал к родителям своей жены и зверски расправился с ними. Оправдали — у него, предположительно, был сомнамбулизм.

Мои сны пока не представляют угрозы для окружающих, хотя пару раз все могло закончиться плохо. Так, однажды у меня в руках оказались ножницы. Сама не помню, как достала их из ящика стола, однако, проснувшись и увидев порхающие вокруг перья, поняла, что вспорола

ножницами подушку. Я тогда в ужасе выкинула и подушку, и ножницы — словно они в чем-то были виноваты. С тех пор я перешла спать в комнату для гостей и даже повесила на дверные ручки колокольчики — так хотя бы услышу, если буду бродить во сне. Ну, или Джей услышит. Мы и ключи от машины прячем подальше на всякий случай.

Трещина на потолке вновь начинает двоиться, и я, тяжело моргнув, с усилием щиплю себя за ногу. Трещина ползет, сворачивается спиралью — меня страшно клонит в сон.

Резко сажусь. Попробовать почитать? Схватив книгу, принимаюсь листать цветные вкладыши и задерживаюсь на фотографии Ноа Томпсона — приятеля Николь Уайт, который выступал одним из главных свидетелей на суде. На фото он в зале заседаний и явно чувствует себя не в своей тарелке, и мешковатый костюм усиливает это впечатление. И даже на черно-белом снимке обращают на себя внимание глаза этого парня. Я помню их по цветным фотографиям из зала суда: насыщенно-карие с золотистыми переливами. Листаю дальше — на следующем фото улыбающийся Ноа у себя в комнате. Здесь все типичные атрибуты мальчишеского логова: пустые банки

из-под газировки, плакаты с машинами, игровая приставка, а на стене — всевозможные футбольные и баскетбольные мячи. Стараюсь разобрать подписи к фотографиям, но глаза слипаются — веки будто свинцом налились.

Похоже, я все-таки задремала. Мне привиделась Лэйни, у которой изо рта стекает кровь, как у вампира. Кулаки сжимаются — уже готовлюсь дать ей отпор. Не успев даже замахнуться, я просыпаюсь.

Оглядевшись, вижу, что книга валяется на полу, а Лэйни безмятежно посапывает: никаких клыков или крови. Экран телефона вдруг загорается, и я с ужасом понимаю, что еще нет и одиннадцати, а по ощущениям прошло несколько часов. Потом замечаю сообщение, которое, судя по всему, меня и разбудило. Как оно вообще дошло? Тут ведь нет связи. Может, телефон ненадолго поймал сеть, и этого хватило?

Читаю сообщение.

Веселого девичника. Чтоб ты сдохла.

Глава 12

Июнь

— Спасибо, что уделили мне время, — робко приветствует меня Эрик Майерс.

В невероятном волнении настраиваю камеру. Администрация тюрьмы наконец дала мне разрешение провести интервью.

— Вам спасибо! — дрожащим голосом отвечаю я.

Странно: ощущения такие, будто у меня первое свидание. Что ж, «Краймлайн» готов оплатить только виртуальную встречу, так что на модный ресторан рассчитывать не приходится. Я у себя дома (сегодня работаю на удаленке), а он, очевидно, в тюрьме.

Скучающий охранник — огромный бритоголовый детина с устрашающими бицепсами — прислонился к стене за спиной у Майерса. Тот откашливается.

Со времени следствия Эрик Майерс сильно постарел. На снимках из зала суда от него так и веет самоуверенностью. Тогда он был хорош собой,

даже немного похож на Джима Моррисона[5]: волнистые каштановые волосы, какое-то дикое, прямо-таки животное обаяние, мускулистое тело. Сейчас заметно, что мышцы по-прежнему накачанные, но живой энергии больше нет. Стандартная тюремная стрижка, в волосах поблескивает седина, вокруг глаз — сетка морщин от постоянного курения. Я даже через экран практически чувствую запах табака. Да, время его не пощадило.

Быстро прокручиваю в голове шаблонные фразы, с которых можно начать разговор. Хорошо позавтракали? Отвратительно. Вас кто-нибудь навещает? И так знаю, что нет. Отличная погодка сегодня, не правда ли? У него камера без окон. Стандартный приемчик с пустой болтовней не пройдет. Повисает неловкая пауза, и я слышу, как гудит где-то в глубине квартиры стиральная машинка, перешедшая в режим отжима. Пожалуй, нет смысла ходить вокруг да около.

— Вы утверждаете, что невиновны.

— Потому что так и есть.

Я намеренно выдерживаю паузу, и он в ответ молча смотрит на меня. Теперь это похоже не на

---

[5] Сноски: 5
Вокалист американской рок-группы The Doors.

первое свидание, а, скорее, на партию в шахматы. Проверив, идет ли запись, слежу за часами: тишина длится долгие десять секунд.

— Знаю, в это довольно сложно поверить, — наконец не выдерживает Майерс. — Однако все улики против меня косвенные. А больше у них ничего нет. Ничего!

У него за спиной раздаются чьи-то шаги, сопровождаемые потоком громких ругательств, и мы ждем, пока выкрикивающий их человек пройдет мимо. Охранник даже не поворачивает голову. Мне становится не по себе от этой сцены, однако Эрик не обращает на нее никакого внимания — ничего необычного, все в порядке вещей.

— Про фоторобот, по которому меня опознали, я вам уже писал, так? — спрашивает он, закатывая рукава оранжевой робы.

— Да, писали.

У меня зеленые глаза, я не такой высокий, бла-бла-бла.

— Мне очень жаль Ли Джонс, правда, — Эрик Майерс с досадой качает головой. — Но сами подумайте: на убийце была балаклава, — в негодовании вскидывает руки: — Балаклава!

Машинка у меня за спиной начинает со страшным грохотом ходить ходуном: видимо, белье

сбилось в один большой ком.

— Да, но она видела кое-что еще.

Помрачнев, Эрик опускает глаза.

— Думаю, нам стоит прояснить этот момент, прежде чем продолжать разговор, — мягко предлагаю я. Машинка ревет так, словно сейчас взлетит. — Нельзя игнорировать очевидное.

Облизав губы, Майерс с усилием сглатывает.

— Думал, вы хотите мне помочь, — устало бормочет он, буквально упиваясь жалостью к себе. — Рассказать, как все было на самом деле.

— Именно. Я хочу собрать материал к десятой годовщине тех убийств и буду исходить исключительно из проверенных фактов, — мои слова тонут в визге стиральной машинки. — Надеюсь, вы мне в этом поможете, — примирительно добавляю я.

Мне приходится балансировать на тонкой грани, пытаясь втереться к Эрику Майерсу в доверие и одновременно не поддаться на его манипуляции. Оказывается, работенка у Флетчера Фокса сложнее, чем я думала.

Машинка, закончив стирку, подает звуковой сигнал, и во внезапно наступившей тишине из кухни раздается явственное мяуканье. Мы оба поворачиваемся на звук.

— У вас кошка? — спрашивает Эрик, напряженно вглядываясь в экран.

Хочется соврать, однако из кухни вновь доносится мяуканье.

— Угу.

В следующий раз надо будет закрыть ее в спальне — не хочу, чтобы он знал обо мне больше, чем следует.

— Какая?

— Черепаховая.

Эрик с улыбкой кивает.

— Как ее зовут?

— Эм-м-м… Киса, — отвечаю я, заливаясь краской.

Он, конечно, понял, что это неправда, ну и наплевать: я слишком часто использую имя Бабушки в качестве пароля, не хватало еще ему назвать.

— У меня тоже когда-то был кот, Марти, — улыбнувшись, вспоминает Эрик. Потом его лицо мрачнеет. — Его убили соседские мальчишки.

Содрогнувшись, я невольно задаюсь вопросом: а не убил ли Эрик Майерс кота сам, чтобы потом спроецировать свой поступок на других? Ведь социопаты именно так и делают. Вдруг он решил попрактиковаться, прежде чем переходить к

более крупным млекопитающим?

— Ужас какой.

— Да. Некоторые люди чрезвычайно жестоки, — он осекается, видимо, осознав, что эти слова применимы и к нему, и качает головой. — Нет, я не такой. Никогда бы подобного не сделал.

— Конечно.

Я бы с удовольствием посочувствовала ему, чтобы усыпить бдительность, прежде чем обрушить на него свой самый очевидный вопрос, только вот на это нет времени: Тоби дала мне всего полгода.

— Давайте поговорим о татуировке, — предлагаю я.

Глава 13

Сейчас

Не могу открыть глаза. Мокрые колени ломит от боли и холода.

— Проснись! — мысленно кричу я сама себе.

Пытаюсь пошевелить пальцами — ничего не выходит. Я в каком-то параличе. Глаза не открываются: веки словно приклеились. Пробую кричать, и с пересохших, потрескавшихся губ срывается едва слышный хрип. Глаза по-прежнему закрыты. Я ни от кого не убегаю, не отбиваюсь. Просто застыла и не могу пошевелиться.

Проснись!

Ты спишь! Открой глаза! ПРОСНИСЬ!

Медленно-медленно разлепляю веки и оглядываюсь, пытаясь сообразить, где я. Машинально протягиваю руку, ожидая нащупать Бабушку, и ищу глазами Джея. Потом понимаю — я не в своей постели и даже не дома.

Сознание внезапно проясняется, и в памяти всплывает все: девичник, охотничий домик, кровавые шестерки на стене, «Белая вдова»… Замечаю, что я не в спальном мешке у камина в

гостиной, а Лэйни и Мэлоди рядом нет. Я лежу на жестком холодном полу, откуда практически ничего не видно. Пальцами нащупываю щербатую плитку, сливное отверстие… Глаза привыкают к темноте и выхватывают очертания желтой уточки.

Уточка? Отодвинув шторку, с огромным трудом собираюсь с мыслями и прихожу к выводу, что я в душе. Ну, уже неплохо. Наверное, ходила во сне и оказалась в спальне. Медленно сажусь на полу — голова ужасно кружится, все мышцы болят от изнеможения. В сознании, словно кадры на ускоренной пленке, внезапно проскакивает воспоминание: шепот, крики, лезвие ножа.

Изо всех сил зажмуриваюсь и вновь открываю глаза. Наверняка это все «Белая вдова» виновата. Отталкиваюсь от ледяного кафеля и с трудом встаю, испытывая ломоту во всем теле. Пошатываясь, выхожу из душа и едва не поскальзываюсь в своих мокрых махровых носках. Вновь смутное воспоминание: крики, погоня.

Я что, сплю? Можно ли видеть сны с широко открытыми глазами?

Нет, не сплю. Я в той жуткой спальне. В окно падает тусклый лунный свет, и в полумраке видно, что кровать не тронута. Хлопаю себя по

карманам в поисках телефона, однако на мне пижама. Руки в чем-то липком — видимо, в душе измазалась. Вытерев ладони о штаны, подхожу к окну и тупо таращусь наружу.

Ветер, завывая, бьет прямо в стекло, качает верхушки деревьев. Засыпанные снегом ветки поблескивают в ослепительно-белом свете луны. Жутко и красиво одновременно.

Я сжимаю и разжимаю занемевшие пальцы, покрытые высохшим потом, и тут вдруг до меня доходит. В ужасе подношу ладони к глазам. На секунду мне кажется, будто это вовсе не мои руки. Невозможно! Они чьи-то чужие! Но нет: это мои ладони, мои запястья, мои предплечья, мое тело. Это я.

Да, руки точно мои, и я во что-то ими вляпалась. Теперь, в ярком свете луны, мне хорошо видно — на ладонях у меня не пот и не ржавчина из душа, а кровь.

Глава 14

Июнь

Эрик Майерс водит пальцами по татуировке, словно пытается стереть ее, только ничего не выходит. И хотя синие чернила кое-где выцвели, выбитые на запястье цифры узнаются безошибочно — 666. Те самые цифры, что были выведены кровью на стене. Те самые цифры, о которых рассказала полицейским Ли Джонс: она заметила татуировку, когда у нападавшего задрался рукав. Те самые цифры, которые, вероятно, видела в последние мгновения своей жизни Николь Уайт. Те самые цифры, из-за которых ему и дали звучное прозвище, так полюбившееся ведущим «Крайм-лайна», — убийца 666.

Эрик опускает голову.

— Да, на этом обычно все и заканчивается. Никто не хочет меня слушать, узнав про татуировку, — какое-то время он потирает ладонью губы, затем поднимает на меня полные отчаяния глаза. — Дело в том, что у них больше ничего на меня нет! Ничего, кроме этой несчастной татуировки! Все остальное не стыкуется.

— И все-таки, как вы можете это объяснить? — спрашиваю я, нервно подергивая ногой под столом. — Почерк напавшего на Ли Джонс и убийцы Николь Уайт полностью совпадает, плюс еще эти цифры на стене и ваша татуировка.

Опустив глаза, Майерс пальцем выводит на столе узоры.

— Никак не могу. В том-то и проблема, — он поднимает на меня свои голубые глаза. — И все-таки я не убивал.

Есть в его глазах (они, конечно, голубые, а не зеленые) что-то такое, от чего мне хочется ему верить. С одной стороны, улики говорят сами за себя. И все же не слишком ли они явные? А с другой стороны, социопаты нередко бывают крайне убедительны.

Майерс барабанит пальцами по столу.

— У меня есть несколько версий, но вы все равно не поверите.

Наклоняюсь ближе к экрану. Честно говоря, мне очень хочется поверить ему, и я с радостью выслушала бы убедительную версию — что угодно, лишь бы Тоби одобрила новое расследование.

— А вы попробуйте, вдруг поверю?

— Ну, ладно, — он откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди. — Версия первая.

Возможно, по какой-то причине Ли Джонс врет, а историю с нападением подстроила специально, чтобы обвинить меня.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться ему в лицо.

— Хотите сказать, она готова была рискнуть собственной жизнью и осталась с ужасными шрамами, только чтобы вас за решетку упечь?

Согласно материалам следствия, Эрик с Ли однажды пересекались на какой-то вечеринке, однако знакомы не были, и во время нападения она его не узнала. Какой ей смысл выдумывать, что это был он?

Охранник отходит от стены, позвякивая ключами.

— Или, — продолжает Майерс, положив обе ладони на стол, — на нее действительно напали, и у этого человека была такая же татуировка. А потом он сбежал из города.

— Ну да, точно.

Второе предположение не менее бредовое, чем предыдущее. Заметив скептическое выражение у меня на лице, Майерс продолжает:

— Наиболее вероятной мне кажется третья версия — меня кто-то подставил. Нападавший просто нарисовал три шестерки у себя на запястье.

Да, пока что это самая правдоподобная теория, хотя и она довольно зыбкая.

— Зачем? — спрашиваю я. — Зачем кому-то вас подставлять?

— Не знаю, — пожав плечами, бормочет он. — Какая-нибудь старая обида. Понятия не имею. Однако это возможно, так ведь?

Я задумываюсь, и в наступившей тишине слышно, как тикают часы у меня за спиной.

— Она очень точно описала татуировку, — возражаю я. — В мельчайших подробностях. Нужно постараться, чтобы повторить такое.

Ли Джонс действительно запомнила татуировку нападавшего прямо-таки с фотографической точностью. Она даже нарисовала ее для полицейских: тонкие выцветшие линии на запястье и небольшие утолщения в верхней части каждой цифры. Если кто-то притворился Эриком Майерсом, то скрупулезно воспроизвел все эти детали.

— Почему вы вообще ее сделали? — с неподдельным любопытством спрашиваю я. — Она значит для вас что-то особенное?

Майерс презрительно усмехается.

— У вас есть татуировки? — задает он встречный вопрос.

Замечаю, что при этих словах охранник ожи-

вился: наверняка сразу воображение разыгралось. Ну и черт с ним! Это, конечно, никого не касается, но мне не сложно ответить.

— Есть.

Подробностей рассказывать я не собираюсь. В первый год в колледже мы с Лэйни и Мэлоди все втроем набили себе татухи в виде ярких желто-красных солнечных лучей на лодыжке. Помню, когда Крис проводил по ней пальцами, я буквально загоралась от возбуждения. Джей же считает все это ошибкой молодости — у него самого татуировок нет.

— Она значит для вас что-то особенное? — передразнивает меня Эрик.

Я молчу.

— Вот и для меня нет, — устало вздохнув, продолжает он. — Просто мне было семнадцать.

Свою татуху я набила за компанию с подругами после очередной вечеринки. Глубокого смысла в ней нет, но она ассоциируется у меня с энергией солнечных лучей, которая нас объединяет. Татуировка Майерса ассоциируется со злом и, в частности, связывает его с убийством. Все-таки это не одно и то же.

Он качает головой.

— Я все понимаю, история с татуировкой вы-

глядит не очень, но, кроме этого, у них на меня ничего нет. Ни ДНК, ни одного волоса, ничего! — Майерс поднимает на меня глаза. — Сами подумайте. Представим, что я раз за разом вонзаю в нее нож, вот так, — он бьет кулаком по своей ладони, и звук ударов эхом разносится по комнате. Цифры на руке расплываются от резкого движения. Охранник бросает на него предупреждающий взгляд, и Майерс останавливается, разжав кулак. — Если бы я так делал, сам бы тоже порезался. Выйти из рукопашного боя без единой царапины? Невозможно. От крови скользят руки — рано или поздно я бы обязательно порезался. На ней нашли бы мою кровь, пот, да что угодно!

Звук ударов так и стоит у меня в ушах. Для невиновного он слишком много знает об убийствах — даже то, что нож становится скользким от крови.

— Татуировщик отговаривал меня, — поморщившись, бросает Майерс. — Предостерегал, что не стоит шутить с дьяволом. «В аду горячо, и ты там сгоришь», — сказал он. Мне тогда его слова казались шаманскими фокусами, а выходит, он был прав.

Эрик смотрит прямо в камеру.

— В аду горячо, и я скоро сгорю дотла.

Глава 15

Сейчас

Я вбегаю в гостиную: огонь в камине горит, и дым, как положено, уходит в трубу. В комнате тихо, только невообразимо громко тикают старые напольные часы. До меня не сразу доходит, что не так в этой тишине. Должны же быть хоть какие-то звуки: легкое посапывание, бормотание во сне, шорох спальных мешков, — звуки жизни! Ничего этого не слышно.

Нащупав на стене выключатель, я зажигаю свет и, увидев представшую передо мной картину, задыхаюсь от ужаса. Овечья шкура залита кровью, а спальные мешки подруг вывернуты наизнанку, в то время как мой спокойно лежит в сторонке. Дрожа от холода, я опускаюсь на колени и таращусь на забрызганную мелкими капельками крови подушку. Хватаю спальник Мэлоди — от него до сих пор пахнет ее духами.

— Лэйни! — срывающимся от страха голосом кричу я. — Мэлоди!

Память услужливо подсовывает мне тот давнишний выпуск про мужика, который через

весь город приехал к родителям жены, зверски зарезал их, а придя в себя, обнаружил, что весь в крови, а сам ничего не помнит.

Неужели… Господи, пожалуйста, только не это!

— Мэлоди? Лэйни? — шепчу я.

В ответ тишина.

И тут из подвала доносится легкий скрип. Затаив дыхание, я силюсь расслышать еще что-нибудь, но секунды тянутся мучительно долго, и ничего не происходит. А вдруг там внизу убийца? Или, может, Лэйни и Мэлоди? Что если они истекают кровью?

Подойдя ближе, прижимаюсь ухом к холодной деревянной двери — тишина.

Не хочу туда спускаться! Каждая клеточка тела буквально вопит, чтобы я этого не делала. Но нельзя же бросать подруг, тем более, если все из-за меня. Вдруг они лежат там, истекая кровью, и ждут, пока я приду на помощь!

Тихонько открываю дверь и в ужасе отпрыгиваю назад: вниз по ступенькам тянутся зловещие кровавые следы. Значит, Лэйни с Мэлоди там были или до сих пор там. В голове вновь проносятся кадры, как я гонюсь за ними, а они убегают в подвал. Несколько раз с усилием моргаю. Нет,

это невозможно, хватит выдумывать!

Как ищейка, идущая по следу, я на цыпочках, ступенька за ступенькой, спускаюсь вниз, и темнота вокруг сгущается. Мне тяжело дышать, сердце замирает от каждого скрипа расшатанной лестницы. Схватившись за перила, изо всех сил вслушиваюсь, не донесется ли снизу хоть какой-то звук, но слышу лишь, как кровь стучит в ушах.

— Лэйни, Мэлоди, — шепотом зову я.

Наконец ступеньки заканчиваются. В подвале пахнет пылью и застарелой плесенью. Давая глазам привыкнуть к кромешной тьме, я осторожно, маленькими шажками двигаюсь дальше, то и дело останавливаясь и постоянно прислушиваясь.

Оглушительная тишина.

Двигаясь наощупь, я добираюсь до крошечного окошка, из которого падает полоска лунного света, освещая лужу на полу: наверное, вода или масло. Иду дальше. По щеке скользит паутина, и я невольно отшатываюсь. Протянув руку, чтобы убрать ее, нащупываю петельку и понимаю, что это не паутина, а шнурок. Дергаю за него, и помещение заливает тусклый свет.

Теперь, разглядев получше лужу под ногами, я в ужасе шарахаюсь назад: она темно-красного

цвета. Это не вода и не масло — это кровь.

Вокруг видны следы. В голове сразу всплывает очередной эпизод «Краймлайна», где зловещий голос за кадром сообщает: «Криминалисты обнаружили отпечатки ног того же размера, что и у супруга жертвы». Однако это не мужские следы. От кровавой лужи расходятся три пары отпечатков ног: одни маленькие и широкие, другие длинные и узкие, а третьи какие-то смазанные.

Подсознательно я продолжаю оглядываться в поисках мужских следов — от огромных кроссовок Криса со звездочкой посреди подошвы. Их нет. Зато я вижу еще несколько смазанных отпечатков, словно от чего-то мохнатого. С замиранием сердца приставив ногу, понимаю, что следы остались от моих махровых носков. Значит, я сюда спускалась. Внезапно приходит еще одно жуткое осознание: я не вижу отпечатков обуви. Если кто-то еще и был здесь, он не оставил следов. В памяти опять всплывают смутные отголоски: топот ног по лестнице, крики, вопли.

И тут я вижу…

На полу лежит огромный нож, весь в крови. Тот самый нож из кухни? Пытаюсь представить себе ящик, в котором увидела его, пока искала спички. Никто, кроме меня, не знал, что он там.

Вдруг чувствую, как крепко сжимаю рукоятку и изо всех сил размахиваю ножом. Воспоминание очень туманное — словно кадры на старой пленке. Рука раз за разом поднимается и опускается, рукоятка нагрелась от моей ладони.

Я с кем-то боролась? Господи, прошу! Наверняка я отбивалась от того, кто на нас напал! По-другому и быть не может!

Наклоняюсь, чтобы получше разглядеть нож — мне хватает ума не трогать его. Если это все моих рук дело, на нем и так будут мои отпечатки, если нет — все должно остаться, как было. Не хватало еще саму себя подставить.

И тут я замечаю рядом с ножом еще кое-что — розовый пушистый комок, покрытый какой-то слизью. Вглядываюсь внимательнее, и голова начинает кружиться, а колени подкашиваются — это резинка с головы Лэйни с пучком ее окровавленных волос.

— Лэйни! Мэлоди! — хрипло воплю я.

Не переставая кричать, бросаюсь вверх по лестнице.

Глава 16

Подкаст. Виновен или нет?

Трейвон: Да-да, согласен, у него была татуировка. Только это не снимает вероятность ошибки при опознании. Может, ей вообще показалось, что она видела шестерки на запястье.

Шардай (со стоном): Да ла-а-адно, Трей! Не притягивай за уши.

Трейвон: Они же встречались до этого у кого-то на вечеринке. Получается, Джонс могла его знать. Вполне возможно, что она, сама того не осознавая, думала о нем, когда на нее напали.

Шардай: Тоже весьма сомнительно, но допустим… Предположим, мы приняли твою версию. Пускай Ли Джонс ошиблась при опознании, пускай даже татуировка ей привиделась — потому что он белый или потому что она была в состоянии шока, как угодно. И все равно, как насчет другого свидетеля?

Трейвон (после паузы): Какого свидетеля?

Шардай: Я про ту женщину, что видела, как он рыскал вокруг домика за несколько дней до убийства Николь Уайт.

Трейвон: Ты о ком? (Пауза.) А-а-а! Имеешь в виду жену фермера?

Шардай: Жена фермера? Серьезно?

Трейвон смеется.

Шардай: Что смешного? Можно подумать, она ему хвост кухонным ножом отрезала[6].

Трейвон: Ладно, ладно. (Смеется.)

Шардай: Думаю, Трей, логично предположить, что жена фермера полноценная личность, и у нее есть имя — Эстер Томпсон. И да, она еще и жена фермера, пускай он уже некоторое время как умер. Так вот, Эстер Томпсон видела, что Эрик Майерс ошивался, да-да, именно ошивался вокруг коттеджа «Хоббс Лодж» в тот день. Она сказала дословно «мне показалось, он как будто присматривается к месту».

Трейвон: Действительно. Но вот… говорят, у нее катаракта, так что…

Шардай: Даже не начинай!

Трейвон: Я всего лишь хочу сказать…

Шардай: И, кстати, Эстер Томпсон белая, и раса тут ни при чем. К тому же она-то не была в шоке. Получается, теперь у нас два свидетеля, утверждающих, что видели Эрика Майерса на месте

---

[6] Сноски: 6

Отсылка к детскому стихотворению, где жена фермера отрезает кухонным ножом хвосты мышам.

преступления. Что ты на это скажешь, Трей?

* * *

Снимаю огромные наушники — надо немного отдохнуть.

Я уже дважды пыталась дозвониться до Ли Джонс — найти ее номер было до смешного легко. Мои сообщения, в которых я представилась репортером «Краймлайна», остались без ответа, хотя обычно, услышав название, люди сразу перезванивают. Дальше пытаться смысла нет — не хватало еще, чтобы меня обвинили в преследовании. Зато Шардай натолкнула меня на новую мысль. Она права: Ли Джонс не единственная, кто опознал Эрика Майерса. Надо выйти на жену фермера, Эстер Томпсон.

Поиск в социальных сетях, однако, ничего не дает. Ей где-то за восемьдесят, и я надеялась найти хотя бы страничку в «Фейсбуке» — надо же где-то хвастаться фотографиями внуков или поливать грязью демократов. Увы, ничего. Впрочем, пролистав платную базу данных, я сразу нахожу, что мне нужно.

После четвертого гудка Эстер Томпсон берет трубку.

— Алло?

Кажется, она запыхалась, словно бежала к телефону.

— Здравствуйте, — говорю я, нервно накручивая провод на палец. — Меня зовут Алекс Конли. Я работаю в «Краймлайне» и хотела бы задать вам пару вопросов насчет одного давнего дела.

Обычно номер компании определяется автоматически, и мне не приходится убеждать людей, что я не мошенница.

— Какого еще дела? — осторожно спрашивает Эстер.

— Убийство девушки, Николь Уайт, около десяти лет назад. Как я понимаю, вы участвовали в опознании…

Раздается длинный гудок. Похоже, она бросила трубку. Что ж, этим меня не напугаешь. Вновь набираю номер.

— Здравствуйте, — говорю я, услышав ее голос. — Соединение прервалось…

— Ничего не прервалось, — возражает Эстер. — Это я повесила трубку, потому что ты мерзкая дрянь.

Ее слова сбивают меня с толку.

— Простите… Я что-то не то сказала?..

— Прощайте.

— Нет, нет, постойте! — кричу я, и несколько

человек в офисе оборачиваются в мою сторону. — Простите. Я ни в коем случае не хотела вас обидеть. Мне тут попались материалы дела, и хочется кое-что уточнить…

— Я кладу трубку.

— Подождите! — в отчаянии прошу я. — Дайте мне, по крайней мере, номер Ноа. Могу я хотя бы с ним поговорить?

Повисает долгая пауза, после которой наконец следует ответ:

— Не смей втягивать в это моего сына! Он едва вернулся к нормальной жизни, а ты хочешь затащить его обратно на дно?

Невероятная злоба слышна в каждом ее слове.

— Извините… — в недоумении бормочу я. — Я не хотела…

— Не звони сюда больше, — шипит она, прежде чем вновь бросить трубку.

Глава 17

Сейчас

Трясущимися руками пытаюсь найти хоть чей-нибудь телефон — если сеть ловит, в полицию-то я смогу позвонить, для этого пароль не требуется. Но для начала мне нужен телефон.

Роюсь в липких от крови спальных мешках, источающих тошнотворный запах, прочесываю овечью шкуру — ничего. Проверяю свой шопер, хотя знаю, что ничего в нем не оставляла, и вытряхиваю все из сумок Лэйни и Мэлоди. Телефонов нет.

Внезапно вспомнив, что видела на стене в кухне старенький желтый аппарат, бросаюсь туда и хватаю трубку, покрытую слоем жира и пыли. Судорожно долблю по кнопкам и несколько раз дергаю рычаг — бесполезно, телефон не работает.

Бегая взад-вперед по кухне, стараюсь собраться с мыслями. Так, позвонить в полицию я не могу. А вдруг он вернется? Если останусь здесь, мне конец.

Только вот кто этот он? Кто мог сотворить по-

добное?

Крис? Да, однажды он действительно угрожал Лэйни и не раз нарушал запрет суда приближаться ко мне, и все-таки не верится. Не сомневаюсь, в меня бы Крис мог выстрелить, однако причинить вред моим подругам…

Кто тогда?

В голове крутится один ответ. *Ты. Это могла быть ты.* Воображение тут же рисует картинку: искаженное ужасом лицо Джея; мама обнимает меня в зале суда; разочарованный взгляд отца…

— Нет! — кричу я, и эхо разносится по пустому дому.

Я не могла этого сделать! Да, была история с ножницами. Да, я не помню, как оказалась в спальне. Это все другое. Не могла я напасть на своих подруг с ножом и даже не проснуться! К тому же тогда они просто разбудили бы меня, зачем убегать? Нет, это не я! Должно быть другое объяснение!

Очередной флешбэк: ощущение гладкой рукоятки ножа в ладони. Это наводит меня на одну мысль, и я подхожу к ящику, в котором видела нож. Сердце отчаянно бьется, и, глубоко вдохнув, я резко дергаю ручку — пусто.

— Нет-нет-нет! — в панике твержу я.

Хлопаю себя ладонью по лбу, чтобы проснуться, только это невозможно — я не сплю. Весь этот кошмар наяву.

— Ты не могла, — как заклинание шепчу я. — Ты не могла.

А что, если из-за «Белой вдовы» у меня поехала крыша?

От внезапного стука в окно я подпрыгиваю — всего лишь ветка.

— Успокойся, — твержу я себе. — Думай! Думай!

Думать как раз не получается — в голове совершенно пусто.

Подхожу к камину. Удивительно, как долго горит огонь. Не верится, что всего несколько часов назад мы все вместе сидели перед этим самым камином. Несколько часов назад… Сколько именно? Оглядываюсь в поисках телефона и вспоминаю, что его нет. В тишине громко раздается тиканье, и мне не сразу удается соединить в сознании этот звук и его источник. Часы!

Бросаюсь в прихожую и включаю свет. Даже жутко, что здесь все осталось, как было: на крючках висят наши куртки и моя дурацкая диадема, по полу разбросаны шапки и варежки. В качающемся маятнике видно мое искаженное

отражение. Десять минут второго.

Всего час ночи? Быть такого не может! С другой стороны, это хорошая новость. Если моих подруг похитили, чем быстрее я их найду, тем лучше. С каждым часом шансов остается меньше — по крайней мере, шансов на то, что они еще живы.

— Я должна их найти!

Знаю, выглядит, будто я схожу с ума и разговариваю сама с собой, но наплевать: звук собственного голоса помогает мне окончательно не впасть в панику. Делаю глубокий-глубокий вдох.

— Это не ты. Ты не могла. Тебе надо их найти, — я киваю сама себе. — Отлично, у нас есть план.

Бегу в кухню, отмываю руки, сбрасываю с себя пижаму, стягиваю промокшие махровые носки и кладу их поближе к камину посушиться. Пальцы на ногах онемели. Опустив глаза, вижу, что они приобрели лиловый оттенок. А вдруг у меня обморожение?

— Нам сейчас не до этого.

Натягиваю свою вчерашнюю одежду — запасной я не брала — и с облегчением нахожу в сумке чистые носки.

— Так. Теперь надо понять, как отсюда выбраться.

Машина! Найти бы ключи!

Принимаюсь заново обыскивать комнату. Ищу везде: в кухне, под половиком, во всех сумках, в карманах, между подушками дивана, рядом с камином, за радиатором и даже в спальне, хотя туда мы не заходили. Проверяю все дважды, трижды — ключей нет.

В голове проскакивает мысль: «Можно ведь завести машину и без ключа». Да, только вот есть небольшая проблемка — я понятия не имею, как это делается. Погуглить? Черт, телефона же нет, опять забыла!

Одно из бревен в камине падает, и по комнате расплывается легкий дымок — огонь словно дышит.

— Ладно. Что нужно, чтобы выбраться отсюда?

Все-таки я в охотничьем домике — здесь можно найти что-нибудь полезное. Проверяю все те места, куда я заглядывала в поисках спичек. Во-первых, хватаю с каминной полки сами спички. Потом достаю из ящика компас: стекло треснуло, но стрелка вроде бы работоспособна. От металла на ладонях остается налет патины. Вспоминая все скаутские истории Мэлоди, обыскиваю остальные ящики и нахожу кое-что из того, что может пригодиться: швейцарский нож, моток веревки,

несколько канцелярских резинок. Все это бросаю в рюкзак вместе с зубной щеткой и пастой, хотя они-то мне как раз вряд ли чем-то помогут.

— Еда.

Возможно, она и не понадобится, но я пересмотрела кучу реалити-шоу про выживание в самых разных ситуациях и знаю, что, если заблужусь, еда будет нужна организму для борьбы с холодом. Вспоминаю, что видела на кухне банки с супом, и закидываю их в сумку вместе с ржавым консервным ключом, найденным в соседнем ящике. Наполняю водой свою бутылку с надписью «Фанат тру-крайма». Господи, какая ирония! Пока убираю все в рюкзак, нащупываю в боковом кармане что-то прямоугольное и твердое — плитка шоколада. Совсем про нее забыла! Я купила ее в автомате на работе на прошлой неделе, а теперь кажется, что это было словно в прошлой жизни!

В последний раз проверяю ящики в гостиной. Один застрял — что-то мешает. Нащупав снизу уголок, я вытаскиваю старую карту — бумага настолько ветхая, что уже рвется по краям, — и, аккуратно развернув ее, вижу, что два участка неподалеку от домика обведены красным. Интересно, что это значит? Судя по всему, местность там возвышенная. Может, так обозначены места

для охоты?

Зажмурившись, пытаюсь вспомнить дорогу, по которой мы ехали. Надо было смотреть в оба, а не шуточки шутить! В голову не приходит ни одного ориентира — лишь кружащий снег и обледенелый асфальт. Попробую сосредоточиться на своих ощущениях в тот момент: шум радио, звонкий смех Мэлоди, недовольное ворчание Лэйни. И тут я вспоминаю еще кое-что: темная фигура на замерзшем пруду. Черт! Или мне не показалось? Какова вероятность, что я видела медведя, а не человека? Ладно, сориентироваться мне это все равно никак не поможет. Ах, да, есть еще заправка, но до нее далеко, и я не знаю, работает ли она ночью.

— Так иди туда и проверь, — говорю я себе. — Надо позвать на помощь, позвонить в полицию.

Или хотя бы Джею. От этой мысли становится спокойнее. Джей поможет. Уж он-то наверняка что-нибудь придумает — он всегда знает, что делать.

Пойду в сторону заправки — как минимум доберусь до жилой местности. Тут я представляю длинную извилистую дорогу, которой мы поднимались к дому, и душа уходит в пятки. Снова луплю себя по лбу. Я справлюсь! Конечно, справ-

люсь! Нужно всего-то выйти на дорогу. Движение там, конечно, не как в городе, но кто-нибудь наверняка поедет мимо. В любом случае рано или поздно я доберусь до шоссе.

Изучаю карту, пытаясь понять, в какой стороне находится проезжая часть. Дело непростое — навигатор сильно меня избаловал. Веду пальцем по одной из линий: интересно, это дорога или вообще река? Собственная беспомощность меня злит, и, сунув карту в сумку, я хватаю шапку с варежками и натягиваю ботинки. Мэлоди с Лэйни истекают кровью и вот-вот замерзнут насмерть, а я тут с дурацкой картой вожусь!

Я всего лишь тяну время: ужасно не хочется выходить на улицу. Идиоту понятно, что у меня всего сорок восемь часов, чтобы найти подруг. Это все знают — даже передача по телику такая есть. Нельзя больше здесь задерживаться. Еще тот убийца может вернуться. Если только это не…

— Нет! — повторяю я себе. — Исключено. Ты не могла такое сделать.

Закутавшись в куртку и нацепив шапку, я чувствую, что готова к бою — или уж как минимум к холоду.

— Отлично, — собираясь с духом, я сцепляю ладони вместе. — Ты готова. Вперед!

Глава 18

***Июнь.* «Твиттер». #Убийца 666**

Wokebro: Чувак, серьезно?! Конечно, это он.

Alex33: Я всего лишь говорю, что есть кое-какие несостыковки.

Wokebro: Ну и какие?

Alex33: С основным свидетелем, Ли Джонс, не все так однозначно. Например, она другой расы и могла ошибочно опознать не того.

Daddy-oh: «Она другой расы и могла ошибочно опознать не того». LOL. Ладно-ладно, мы уже поняли, что ты тут самый умный.

Wokebro: LOLOLOL.

Alex33: Мы с ним общались, и некоторые его аргументы звучат вполне убедительно. На месте преступления не была найдена его ДНК. К тому же на нападавшем была балаклава — как вообще можно в таком случае опознать человека?

Wokebro: Вы общались? Зачем? Кому вообще такое в голову взбредет?

Alex33: Я собираю материал для работы.

THT: Николь Уайт была под наркотой. Об-долбалась, вот и нашла приключения на свою

задницу.

Alex33: И?.. Хочешь сказать, она заслужила такую смерть? За то, что принимала наркотики?

THT: Просто говорю, что если бы не наркота, она была бы жива.

Alex33: Хм… странная логика. Много кто принимает наркотики, только их не убивают.

Wokebro: Согласен. Тот чувак просто поехавший. Ладно бы он с ней еще потрахался, так даже этого не было. Он просто изрубил ее ножом.

Alex33: Воспользоваться бессознательным состоянием девушки, чтобы потрахаться с ней, называется ИЗНАСИЛОВАНИЕМ.

Wokebro: Чувак, кончай строить из себя святую невинность.

Daddy-oh: Во-во! Где твои яйца?

Alex33: Я женщина. Так что их нет по определению.

Wokebro: Это многое объясняет.

Alex33: Что, например?

THT: Например, то, что ты стерва.

Alex33: Как остроумно!

Wokebro: Думаю, никакой работы нет. Вы с ним просто переписываетесь. Похоже, ты одна из тех больных на голову, кто мечтает выскочить замуж за маньяка.

Alex33: Или докопаться до правды.

Wokebro: Ну, помимо того, что у него совершенно случайно оказалась татуировка с тремя шестерками, ОН СОЗНАЛСЯ. Повторяю для особо сообразительных: он признал вину.

Alex33: Все не совсем так очевидно.

Wokebro: Не так очевидно, как то, что ты дура?

THT: Может, правда выйдешь за него?

Daddy-oh: Нарожаете маленьких психопатиков.

Wokebro: Алекс? Алекс?

THT: Похоже, она так больше не играет.

Wokebro: А-а-а, побежала домой плакать, потому что задели ее чувства.

Daddy-oh: Терпеть не могу, когда бабы начинают разговор и сразу сливаются, чуть что не так. Не выносишь жара, не суйся на кухню!

Daddy-oh: Хотя, вообще-то, на кухне ей самое место.

THT: Ха-ха! LMAO

* * *

Джей с грохотом бросает ключи на тумбочку у двери. Странно, всего пять вечера — обычно он так рано не возвращается. Стоя у входа, Джей глубоко вздыхает.

— Мне надо выпить, — заявляет он.

— Что случилось? — спрашиваю я, закрывая ноутбук (статью про десять самых известных маньяков Нью-Йорка я все равно уже дочитала), и Бабушка спрыгивает у меня с колен.

— Ничего такого, что нельзя было бы поправить бутылочкой пива, — Джей достает из холодильника бутылку, открывает, и крышка со звоном падает на мраморную столешницу. — Будешь?

— Не, — австралийское пиво мне не по вкусу. — Могу немного вина выпить за компанию.

У нас осталась открытая бутылка со вчерашнего ужина. Достав огромный бокал, наливаю себе мерло. Мы чокаемся, делаем по глотку, и я чувствую на языке сливовый привкус. Проглотив пиво, Джей вытирает рот и выдыхает.

— Так-то лучше.

— Плохой день? — спрашиваю я, облокачиваясь о стол и водя пальцем по кромке бокала.

— Просто дерьмовый, — сделав еще глоток, Джей придвигается ближе, и я чувствую запах его накрахмаленной рубашки. — А у тебя как? Зловещих записок больше не получала?

— Не-а. Сцепилась в «Твиттере» с парочкой женоненавистников. Было весело.

Кошка сует нос в бокал с вином, и я ее отодви-

гаю.

— Придурки, — бурчит Джей. — Зачем вообще с ними связываться?

Его слова меня уязвляют.

— Я вообще-то не собиралась ни с кем связываться. Просто закинула удочку — вдруг получится выяснить что-то новенькое.

— В «Твиттере»? Или как там он теперь называется? «Х»? — Джей добродушно хмыкает. — С таким же успехом можно в выгребной яме порыться.

— Да, пожалуй.

Бабушка шершавым языком лижет мне руку, вновь пытаясь подобраться к бокалу.

— Больше всего бесит, что они правы. Эрик Майерс действительно признался.

— Погоди, — недоумевает Джей. — Он признался? И ты все равно думаешь, что он невиновен?

— Я думаю, что не знаю наверняка.

Схватив со стола книгу «Домик в лесу», я нахожу страницу с фотографией написанного от руки признания. Начинается оно с короткой фразы: «Я убил Николь Уайт».

— Зачитать тебе?

Джей барабанит костяшками по столу.

— Ответ «нет», как я понимаю, не принима-

ется?

Проигнорировав его идиотский вопрос, я откашливаюсь и начинаю читать вслух.

> Я убил Николь Уайт. Несколько раз ударил ее ножом в коттедже «Хоббс Лодж». Мы оба были под воздействием веществ. Когда я стал целовать ее, она сказала, что у нее уже есть парень, и отказалась встречаться со мной. Она грубо посмеялась надо мной, и я разозлился. Надо было держать себя в руках, а я совершенно утратил самообладание. Я порвал ее цепочку с кулоном в форме сердца. Николь в ответ ударила меня по щеке, и тут я совсем рассвирепел. На столе в кухне лежал нож. Я схватил его. Что было дальше, толком не помню, но я продолжал наносить удары ножом. Когда понял, что она мертва, я испугался и нарисовал на стене три шестерки. Подумал, что так будет похоже на сатанинский обряд и меня никто не заподозрит. Нож я выбросил в озеро. Забросил его очень далеко, однако можете поискать. Я сознаюсь в убийстве Николь Уайт.

Поднимаю глаза на Джея.

— И?

Очевидно, он ожидает услышать продолжение.

— Это все.

— Тогда какие могут быть сомнения? — Джей отпивает еще пива. — Он явно виновен.

Глава 19

Июнь

— Меня заставили его написать, — говорит Эрик Майерс.

На следующий день после разговора с Джеем я решила напрямую спросить про признание.

— Почему же вы сразу не сказали? Зачем было дожидаться окончания суда?

Поудобнее устраиваюсь на стуле у себя в кухне. В этот раз я закрыла Бабу́шку в спальне вместе с ее когтеточкой и игрушками, чтобы она не мешала мне проводить интервью.

— Я говорил, — с горькой усмешкой возражает Майерс. — Сказал об этом своему адвокату. Только от него толку не было.

— То есть ваш адвокат об этом никому не сообщил? Не подал жалобу?

— Нет, — хрипло бормочет Майерс. — Думаю, не видел смысла стараться. И все-таки это не значит, что я вру.

Охранник презрительно хмыкает, и Майерс, тут же ощетинившись, бросает на него злобный взгляд — максимум, что он способен сделать в

своем положении.

— Хорошо, тогда расскажите мне, что случилось, — предлагаю я, открывая чистую страницу в блокноте. — Все с самого начала.

Скрестив пальцы, Эрик Майерс прижимает ладони к губам и после довольно долгого раздумья задает мне вопрос:

— Вам когда-нибудь приходилось не спать целые сутки?

Такого я точно не ожидала.

— Ну… естественно…

В конце концов, я училась в колледже — конечно, приходилось.

— Ладно.

Прикусив губу, Майерс готовится задать следующий вопрос, и мне становится не по себе — позволяя ему перехватить инициативу, я нарушаю главное правило журналистики. Помнится, один из моих преподавателей учил: «Интервью проводишь ты. Если вопросы начинает задавать интервьюируемый, считай, все кончено». Собираюсь было что-то сказать, однако Майерс меня опережает.

— А двое суток?

В памяти всплывает поездка в Ирландию с родителями незадолго до их развода. Вполне

возможно, это была последняя отчаянная попытка сохранить брак. От путешествия у меня осталось не так уж много впечатлений: помню длиннющую очередь к какому-то камню, который надо было поцеловать, и приглушенные голоса родителей, каждый вечер ругавшихся в соседней комнате. Добирались мы туда долго и практически двое суток провели без сна. Так что да, приходилось.

— Трое? — продолжает Майерс, не дожидаясь, пока я отвечу.

Несколько секунд выжидаю.

— К чему вы ведете, Эрик?

Я пытаюсь вернуть себе инициативу, однако это не так-то просто.

— На вас орали когда-нибудь? — пальцами отбив по столу дробь, продолжает он. — Страшно, со злобой, без остановки?

Каждое слово Майерс произносит все громче, и охранник делает ему предупреждающий знак.

— Так, чтобы вы мыслей собственных не слышали?

Я молчу. Он, конечно, может принять мою реакцию за отрицательный ответ, однако на меня в самом деле орали. Крис орал так громко и с такой яростью, что все мысли в голове путались. «Я люб-

лю тебя, твою мать! Ты что, не видишь? Без тебя мне нет жизни! И тебе без меня не будет!» В итоге мне пришлось подать в суд, чтобы ему запретили приближаться ко мне, а сама я теперь без антидепрессантов даже из дома выйти не могу.

— То есть вам не давали спать и орали на вас? — спрашиваю я и сразу понимаю, что невольно задала вопрос несколько свысока. Пыткой это, конечно, не назовешь, но орать на человека три дня подряд явно выходит за рамки «расширенных методов допроса». Так из кого угодно можно признание выбить.

— Вас когда-нибудь били ладонью по уху? — чуть ли не шепотом спрашивает Майерс. Мне приходится наклониться к самому экрану, чтобы расслышать его слова.

Качаю головой. Опять я в роли интервьюируемого!

— Вроде бы не так и страшно? — с кривой усмешкой спрашивает он.

Я молчу. Тебе не дают спать ночами, постоянно орут на тебя, лупят по уху… Действительно не так уж и страшно. Особенно учитывая альтернативу — когда тебя кромсают на части. Все это ерунда по сравнению с тем, через что пришлось пройти Николь Уайт и Ли Джонс, а возможно, еще и Аме-

лии с Анджелой.

— Первый удар, в целом, не страшен, — продолжает Майерс, уперев локти в стол. — Пребываешь в легком изумлении, понимая, что копы будут тебя бить. Хотя, если подумать, в этом нет ничего удивительного.

Да, однозначно, ничего удивительного. Тем не менее я молчу.

— Второй раз выходит чуть больнее, — говорит он, сверкнув на меня глазами. — А не успеваешь ты опомниться, как прилетает в другое ухо. При этом орут на тебя все громче, — Эрик постукивает пальцами по столу. — После очередного удара комната начинает кружиться так сильно, что тебя вот-вот вырвет. Крики и удары продолжают сыпаться. «Это был ты! Ты знаешь, что это ты ее убил!» А ты все повторяешь: «Нет, нет! Это не я!» Клянешься, что никого не убивал.

Воцаряется гробовая тишина, словно поглотившая все остальные звуки, кроме его голоса. Хочется сказать что-то — «ладно» или «продолжайте», — но я не смею. Передо мной будто разыгрывается представление, и я опасаюсь ненароком разрушить чары.

— В какой-то момент перестаешь считать удары, — Майерс обращается уже не ко мне, а

непонятно к кому, глядя куда-то в пространство. — Пол под ногами продолжает кружиться, звон в ушах перекрывает крики. Остается только боль — адская боль. И хочется одного — чтобы все это поскорее кончилось.

На секунду он закрывает лицо ладонями, а потом вновь поднимает на меня покрасневшие глаза.

— В конце концов, я сказал то, что они хотели. Я готов был сознаться в чем угодно. Просто написал все, как мне сказали, слово в слово, — глухим голосом продолжает Майерс. — В глазах двоилось, а я писал. Они придумали какую-то историю: мол, меня взбесило, что она надо мной посмеялась… — он качает головой. — Вот и все. Я написал признание под диктовку и поставил свою подпись.

Вновь становятся слышны все остальные звуки: у меня за окном раздается сигнал машины; у него за спиной, позвякивая ключами, проходит надзиратель; шкафоподобный охранник покашливает в кулак. Чары развеялись.

Майерс трет глаза руками.

— Под конец я не понимал, какой сегодня день. Помню, как смотрел в окно и пытался определить, садится солнце или встает. Я даже имя

свое назвал бы с трудом, — он устало пожимает плечами — больше ему сказать нечего — и бесцветным голосом добавляет: — Наконец они дали мне поспать. Утром я сразу пожалел о том, что сделал, — он скрежещет зубами. — И буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Глава 20

Сейчас

Взявшись за дверную ручку, я вдруг понимаю — на крючке висит зимняя куртка Лэйни. Секунду раздумываю: неужели все так просто? Есть лишь один способ проверить. Не надеясь на удачу, я запускаю руку в боковой карман куртки и сразу нащупываю то, что так долго искала, — крошечный шлепанец, первый подарок Руби. Этот дурацкий сувенир Лэйни так и таскает на связке с ключами. Какая же я дура! Надо было сразу проверить, а не тратить время попусту! Что ж, лучше поздно, чем никогда. Крепко зажав ключи в кулаке, выхожу на улицу и чуть не задыхаюсь от холода — после нагретой камином комнаты это все равно что залезть под струю ледяной воды.

По голове, несмотря на шапку, бегут мурашки, порывы ледяного ветра обжигают лицо. Утопая в снегу, с трудом пробираюсь к машине и нажимаю на ключе кнопку замка.

Автомобиль не издает ни звука. Продолжаю отчаянно давить на кнопку — результата ноль.

— Ладно, — бормочу я себе под нос. — Открою

ключом.

Неуклюже — в варежках очень неудобно — пробую вставить ключ в замок на двери, но ничего не получается, а сильно давить страшно, еще сломаю. Сам-то ключ подходит, только вот замочная скважина, похоже, покрылась ледяной коркой.

— Твою ж мать! — ору я в пустоту, безуспешно пытаясь соскрести лед варежкой.

Наклонившись, пробую отогреть замок своим дыханием — бесполезно. Может, поискать в доме какой-нибудь антиобледенитель? Нет, не стоит терять время, скорее всего, я ничего не найду. В отчаянии бью кулаком по корке льда на стекле — кусочек отламывается, однако открыть машину это мне все равно не поможет. Чем-нибудь разбить стекло? Ну, в самом крайнем случае.

Тут в голову приходит новая мысль. Опустив рюкзак на снег, принимаюсь рыться в карманах в поисках спичек. Достав коробок, пытаюсь зажечь спичку, и она вылетает у меня из рук. Я со стоном кидаюсь искать ее, однако в снегу ничего не видно. Нельзя впустую тратить спички — они еще могут пригодиться, однако вот сейчас это все равно что искать иголку в стоге сена. Точнее, в данном случае — спичку в сугробе. Неохотно достаю новую и осторожно зажигаю. Пламя на

секунду вспыхивает, и его тут же задувает порыв ветра.

— Черт!

В третий раз я аккуратно прикрываю спичку рукой, подношу прямо к замку и держу, пока огонь не доходит до самых пальцев. Быстро вставляю ключ, и… он легко входит в замок. Есть! Не верится даже, что наконец хоть что-то получилось!

Впрочем, радоваться времени нет — того и гляди все опять замерзнет. Повернув ключ, я несколько раз с силой дергаю примерзшую дверь.

— Неужели! — бормочу я, забираясь внутрь и кидая рюкзак на пассажирское сиденье.

Настроив зеркала и подвинув ближе водительское кресло, вставляю ключ в зажигание и поворачиваю. Тишина. Двигатель не издает ни намека на звук.

— Нет, нет, нет, нет… — раз за разом поворачиваю ключ.

В отчаянии бью кулаком по рулю, но раздается лишь жалкий глухой сигнал. На глазах выступают слезы, и я роняю голову на руки.

Наконец, отдышавшись, сую ключи в карман, хватаю рюкзак и неохотно выбираюсь из машины. Сейчас не время жалеть себя — у меня всего

сорок восемь часов.

* * *

Нужно добраться до цивилизации. План, конечно, не самый надежный, однако другого у меня нет. Так хотя бы есть шанс наткнуться на какой-нибудь жилой дом, или меня подберет проезжающая мимо машина. Главное, выйти на дорогу.

Каждое движение дается с трудом, а я прошла-то всего ничего: шагов двадцать — тридцать. Надо признать, что моя физическая форма оставляет желать лучшего, а эпизодические занятия йогой выносливости не добавляют. Ноги болят, дыхание сбивается.

Вот бы мне такую самодисциплину, как у Джея: он-то каждый день в пять утра встает на пробежку! И меня не раз звал, даже обещал, что далеко не побежим и будем делать перерывы. Лэйни тоже пыталась заставить меня бегать — думала, это поможет мне после расставания с Крисом. Мне купили кроссовки, и мы пошли в парк: Лэйни специально замедляла шаг или бежала спиной вперед, постоянно подбадривая меня, а я только и думала, как бы не упасть замертво. Это был первый и последний раз. С тех пор, стоит

ей заикнуться о пробежке, у меня заготовлен стандартный ответ: «Вот будет за мной медведь гнаться — тогда и побегу». Новенькие кроссовки пылятся в углу, служа мне немым укором.

Еще одно видение: подушка Лэйни вся в крови, ее волосы на лезвии ножа…

— Нет! — что есть мочи кричу я.

Пальцы на ногах уже занемели от холода, но я продолжаю идти.

Не думай о ней, не думай о ней! Переключись на что-то другое. Кто мог это сделать?

Вспоминаю вчерашнее милое сообщение, в котором некто поздравлял меня и желал смерти. Догадываюсь, от кого оно, — этот человек явно ни при чем.

Самый вероятный вариант — Крис. Мой бывший. Проблема всегда в бывшем.

Стыдно признавать, но Крис был первым, в кого я по-настоящему влюбилась. Ему довольно долго удавалось дурачить меня — типичный нарцисс. Мне-то казалось, что он все так тонко чувствует, а его никто не понимает — эдакий Джеймс Дин[7]. Жизнь с ним являла собой настоящие эмоциональные качели, однако тогда

[7] Сноски: 7

Американский актер, воспринимавшийся как культурная икона, олицетворяющая юношеское разочарование и социальное отчуждение.

мне это даже нравилось. А уж секс был просто фантастический.

Ненормальность в наших отношениях проявлялась не напрямую и была завязана на его образ «плохого парня». Крис не прибегал к физическому насилию. По крайней мере, поначалу. Он просто постоянно писал мне или звонил во время рабочих совещаний, а когда я возмущалась, говорил, что я сама себя накрутила. Всякий раз после ссоры Крис посылал мне букет цветов, мы до изнеможения занимались сексом, и все вновь возвращалось в нормальное русло. Сейчас все только и говорят о газлайтинге — так вот, Крис легко мог бы давать мастер-классы. Послушать его, так я вечно все выдумывала.

Я взяла на себя миссию исправить его, сделать так, чтобы он проявлял больше нежности и научился обуздывать свою ревность. Увы, подобные истории ни к чему хорошему не приводят. В моем случае кончилось тем, что в пылу очередной ссоры Крис бросился меня душить — даже синяки на шее остались.

В тот день я как раз занималась очередным делом для «Краймлайна» и наткнулась на фотографии: синяки, подобно плющу, оплетали шею жертвы. Взглянув на следы пальцев Криса

на собственном горле, я поняла, что в один прекрасный день и сама могу оказаться в очередном выпуске «Краймлайна». Тогда я и решила с ним расстаться.

Лэйни и Мэлоди давно твердили мне, что надо бросать этого засранца. Они, конечно, были правы: все в наших отношениях буквально кричало об абьюзивности. В какой-то момент Крис все-таки перестал преследовать меня. Нет, не после решения суда, выписавшего мне охранный ордер, а после того, как я стала встречаться с Джеем. Даже у абьюзеров есть определенные рамки: одно дело преследовать женщину, и совсем другое — посягать на чужую собственность.

В любом случае это не похоже на Криса. Он, конечно, всей душой меня ненавидит, однако я помню, как однажды мы смотрели кино и его вырвало на какой-то особенно кровавой сцене. Нет, Крис побрезговал бы взяться за нож. Если уж на то пошло, он купил бы пушку и пристрелил нас, а потом сам застрелился. Пафосно и ответственности никакой — в этом весь Крис.

Мог ли Крис напасть на нас? Да, мог, и все же вряд ли. Тогда кто?

В голову сразу приходит Эрик Майерс, но он в тюрьме. А вдруг он действительно невиновен,

и настоящий убийца все это время разгуливает на свободе? Может, даже с учетом его случайной оговорки, не зря я сомневалась и прорабатывала других подозреваемых? Или у Эрика Майерса завелся подражатель?

Или это все-таки была ты? Нельзя было курить «Белую вдову».

— Нет-нет-нет-нет-нет! — шепчу я, продолжая идти.

Вперед! Только вперед!

Глава 21

Июнь

Мне не по себе от коробок из стекла и бетона, тесно прилепленных друг к другу.

Когда я летаю домой в Вермонт, из иллюминатора открывается вид на землю, покрытую лесами. Зимой можно наблюдать все оттенки белого, летом — сотни вариаций зеленого, а осенью — сменяющие друг друга багряный, оранжевый и золотой. Порой и вовсе не верится, что все это настоящее — деревья будто сошли с картинки. И все же ты знаешь, что, в конце концов, самолет сядет на землю.

Сейчас, выглядывая в окно «Радужной комнаты» на шестьдесят пятом этаже Рокфеллер-плаза, я не вижу ни клочка земли. Небоскребы, подобно причудливым бетонным грибам, заполнили собой все пространство до самого неба. Мы сидим за огромным круглым столом: для двоих великоват, зато прекрасно подходит для дегустации, которую забронировала для нас помощница Джея Кейтлин. Она вообще занимается всеми свадебными приготовлениями, что безумно раздражает

меня и мою маму.

На каком-то подсознательном уровне я понимаю, что моя боязнь высоты в данном случае вполне может оказаться проекцией совершенно иного чувства — страха перед замужеством. Я стараюсь об этом не думать. В конце концов, у нас дегустация свадебного меню в одном из самых модных ресторанов города — радоваться надо, а не паниковать попусту.

— Думаешь, все так и было? — спрашивает Джей, пока официант подает ему тарелку с небольшим кусочком спанакопиты.

— Ты про что? — оторвав взгляд от окна, уточняю я.

Его голос словно возвращает меня обратно в реальность: в зал с паркетным полом и аляповатыми подсвечниками, отбрасывающими на нас розоватый свет.

— Про то, что ты сейчас сказала, — удивленно отвечает Джей. — Ты веришь, что его заставили признать вину?

— Ах, да, точно. Прости, — отпиваю немного шампанского, чувствуя, как пузырьки щекочут язык. — Честно говоря, даже не знаю, что думать. Уж как минимум уши у него выглядели нормально во время суда…

Джей задумчиво кивает.

— А сам он на этот счет что говорит?

Хочется съесть еще кусочек спанакопиты, однако приходится себя ограничивать — впереди примерка свадебного платья.

— Говорит, они умеют бить так, чтобы не оставалось следов.

Джей залпом допивает шампанское.

— Надо же, как удобно.

— Ага. А еще, по словам Майерса, врач, которая его осматривала, написала неправильное заключение, потому что он ей не нравился.

Джей недоверчиво хмыкает, и я с ним согласна — все это невозможно проверить.

Официант приносит вино: на темном стекле простая, но элегантная белая этикетка. Впрочем, просто не значит дешево. Я успела разглядеть в меню, сколько стоит одна такая бутылка — двести семнадцать долларов. Да-да, двести семнадцать! Хотя для Джея это не так уж много.

Наблюдаю, как он проделывает весь идиотский обряд: болтает вино в бокале, отпивает немного и одобрительно наклоняет голову, после чего официант, важно кивнув в ответ, наливает ему вина. Я прикрываю свой бокал ладонью — меня и от шампанского порядком развезло.

Официант уходит, и Джей делает еще глоток.

— Потрясающее вино. Надо сказать Кейтлин, чтобы узнала название.

— Угу.

Мне до смерти надоело, что Джей вспоминает о ней при каждом удобной случае. Лэйни и Мэлоди уже называют ее Кейтлин-Шмейтлин.

— А у тебя как дела? — спрашиваю я, чтобы сменить тему. Облака за окном, подсвеченные розовым, постепенно темнеют, приобретая грязноватый оттенок. — Вечно я тебе своими историями надоедаю, а о твоей работе даже не спрашиваю.

— О моей работе? — Джей опускает бокал. На губах у него осталась красная полоска от вина, и теперь он похож на ребенка-переростка, который баловался с маминой губной помадой. — У меня все прекрасно. Не поверишь, как точно мне сегодня удалось предсказать биржевой спред на основе аналитики.

У меня вырывается смешок.

— Да уж, звучит захватывающе.

— Практически настолько же, как и истории про серийных убийц.

Нам приносят еще два блюда: лосось под соусом бер блан с ризотто и филе-миньон со спаржей

под сливочным беарнским соусом. Из стейка сочится кровь.

— Кстати, — Джей берется за вилку с ножом. — Ты выбрала оформление для пригласительных?

— Нет, — признаюсь я. От запаха рыбы и беарнского соуса начинает мутить. — Из-за работы совсем времени не было… Но я обязательно выберу, обещаю.

Нет смысла говорить ему, что Кейтлин дважды писала мне с тем же вопросом.

— Ничего, время есть, — успокаивает меня Джей, скрипя ножом по тарелке. Сделав еще глоток вина, он оглядывает зал, словно что-то потерял.

— Прямо и налево, — подсказываю я.

Мне уже довелось наведаться в местную уборную, поражающую воображение обилием мрамора и зеркал и отполированными до блеска медными раковинами.

— Спасибо.

Джей уходит, и женщины за соседним столиком провожают его глазами. Заметив мой взгляд, они улыбаются и сразу отворачиваются. Наверняка думают: «Что он в тебе нашел?»

Прекрасно их понимаю. Однажды я прямо спросила у него об этом — без всякого кокетства, мне

правда было интересно. Модельной внешностью я не отличаюсь. Да, симпатичная, но ему не составило бы труда найти кого-нибудь получше. Джей тогда ответил: «Ты и представить не можешь, как сильно меня заводишь». Я до сих пор довольно улыбаюсь всякий раз, как вспоминаю эти слова.

Играющая в зале классическая музыка смешивается со звоном посуды. За одним из столиков раздается взрыв хохота, и, повернувшись, я вижу группу изрядно выпивших девушек в коронах. Девичник, наверное. Лэйни с Мэлоди все намекают на что-то подобное, но пока мне удается отвертеться.

Джей задерживается, и я поглядываю на часы, как вдруг телефон, который он оставил лежать на столе, начинает вибрировать. На экране высвечивается имя Элая. Недовольно пожужжав, телефон замолкает, и загорается сообщение — тоже от Элая.

Ты с ней покончил?

Я таращусь на экран, и мозг, испорченный вечным копанием в криминальной хронике, буквально вскипает. *Ты с ней покончил?* Экран гаснет. Возвращается Джей, а в голове так и крутятся безумные мысли.

— Туалет у них, конечно, поразительный, —

усевшись за стол, Джей поднимает на меня свои голубые глаза, в которых отражается свет ламп. — Все в порядке? Ты словно привидение увидела.

— Я… Все хорошо, — нервно тру подбородок. — Тебе кто-то звонил.

Джей хватает телефон, и в этот момент вновь подходит официант с подносом, на этот раз заставленным десертами.

— Готовы к самому интересному? — с наигранной улыбкой спрашивает он.

— Ух ты! Чизкейк выглядит просто великолепно! — приходится изобразить энтузиазм. — Как думаешь?

Оторвавшись от сообщения, Джей, поднимает голову и тут же натягивает на лицо улыбку, хотя глаза остаются по-прежнему серьезными.

— Обожаю чизкейки, — заявляет он, откладывая телефон в сторону.

Глава 22

Сейчас

Пот застилает и жжет глаза, лямки рюкзака больно впиваются в плечи. Вспоминаю про шоколадку. Ладно, пускай она будет мне наградой: если доберусь до дороги, съем кусочек. Нет, два кусочка. Какое-то время мысленно торгуюсь сама с собой. Два кусочка, не больше! И только если дойду до дороги. Как бы по-идиотски это ни звучало, мысль о шоколадке заставляет меня двигаться дальше.

Сознание мое блуждает где-то вдалеке, и я словно наблюдаю себя со стороны. Слышу скрип снега под ногами, собственное прерывистое дыхание, завывание ветра в кронах деревьев. Периодически ветер поднимает клубы снега, и я продолжаю идти вперед сквозь белую пелену. Ощущение такое, будто я в космосе — возможно, на Луне. Даже странно видеть полную Луну в небе, когда она должна быть под ногами. Ветер гоняет снег, словно перекати-поле.

В тусклом лунном свете разглядываю компас. Фонарик доставать не хочу: он и так еле светит,

надо поберечь батарейки. Стрелка показывает на северо-восток.

С того момента, как я вышла из дома, компас стал для меня лучшим другом, моей палочкой-выручалочкой — пускай я и не знаю толком, как им пользоваться. Мне, конечно, понятно, что такое северо-восток, однако не могу сказать, что полностью отдаю себе отчет в том, куда движусь. В детстве я ходила в походы с родителями, — тогда они еще были счастливы вместе и с удовольствием занимались любительской орнитологией, — но не особенно обращала внимание на то, как они ориентируются на местности.

С Джеем мы как-то отправились на выходные в Адирондакские горы, обвешавшись дорогущей экипировкой. По дороге к палаточному лагерю он то и дело сверялся с компасом и слегка менял направление. Еще в Австралии Джей прошел курс выживания в дикой природе. Мне он тогда сказал, что сам найдет дорогу, так что я полностью на него положилась и не лезла: даже если бы мы потерялись, всегда можно свериться с «Гугл-картами». Так что по-настоящему я компасом никогда и не пользовалась.

Из-за ледяного ветра слезятся глаза, мокрая от пота рубашка прилипла к спине, кожа на голове

болезненно натянулась. Невыносимая тяжесть наполняет все мое тело и тянет вниз, к земле. Мне казалось, что до дороги гораздо ближе. Мы, конечно, довольно долго поднимались к дому, но не настолько же! Хотя, с другой стороны, мы ехали на машине, а не пробирались пешком сквозь снег.

Остановившись, чтобы отдышаться, оглядываюсь на дом. Ледяной воздух обжигает легкие, чувствую, как кровь пульсирует в кончиках пальцев. Не лучше ли вернуться? Если я сюда смогла дойти, то и обратно получится, а утром метель утихнет. Колени подкашиваются, сил совсем не осталось. Признав поражение, делаю один шаг и тут же останавливаюсь.

Через сорок восемь часов Лэйни с Мэлоди будут мертвы, если они вообще еще живы. Сдамся сейчас — никогда себе этого не прощу. Нужно взять себя в руки и найти их! Да и что мне делать в залитом кровью доме? Выбора нет — надо идти вперед.

В животе урчит от голода, и я подумываю съесть кусочек шоколадки. Всего один крошечный кусочек — чтобы немного восстановить силы. Сняв рюкзак, начинаю расстегивать боковой карман и вновь застываю. Нет, мы так не договаривались.

Вспоминаю, как Джей разговаривал с сыном: «Нет, приятель, мы так не договаривались. Сначала уроки — потом приставка». Тогда я еще подумала: откуда мне знать, как это делается? Мне двадцать шесть. Откуда мне знать, как воспитывать двенадцатилетних подростков? Джей убеждал меня, что все получится само собой, но мне не очень в это верилось. От одной мысли о том, что придется участвовать в жизни Грега — совместные поездки в отпуск, его первые девчонки, школьные спектакли, экзамены, — становилось жутко. Я решила, что надо почитать какую-нибудь умную книгу на эту тему, но руки так и не дошли.

— Стоп! — говорю я сама себе. — Сейчас это все не имеет значения. Тебе надо выбраться на дорогу — вот что главное. Ни в коем случае нельзя сдаваться. Будешь идти, пока не выйдешь на дорогу.

Потопав ногами, я хлопаю ладонями, чтобы немного согреться, и продолжаю идти.

Глава 23

Июль

— Ты какая-то тихая сегодня, — бросает Уайли, с бешеной скоростью стуча по клавиатуре.

Когда-то он работал помощником администратора в юридической фирме и не упускает случая похвастаться тем, что может набирать текст со скоростью восемьдесят слов в минуту.

— А что, обычно громкая?

Мне не до него: я пытаюсь найти номер Ноа Томпсона, пока безуспешно. В соцсетях его нет — разве что он скрывается под каким-нибудь псевдонимом. Похоже, придется прошерстить платные базы данных.

— Ну, обычно ты хотя бы разговариваешь, — замечает Уайли.

В качестве ответа ограничиваюсь легкой усмешкой. Я решила больше не ломать голову над сообщением Элая. Видимо, у меня началась профессиональная деформация — поэтому его вопрос и кажется подозрительным. К тому же я не знаю контекста. «Ты с ней покончил?» — такой вопрос может относиться к чему угодно. Вовсе

не обязательно, что это эвфемизм, за которым скрывается преступный замысел. Вероятно, он спрашивал про какую-нибудь надоедливую клиентку, или про Кейтлин, или про представителя налоговой службы. Да про кого угодно! К тому же, что бы ни просил сделать Элай, еще не факт, что Джей согласится. И уж совсем не обязательно, что речь идет именно обо мне. Почему бы вдруг Джею понадобилось покончить со мной?

Как бы то ни было, сейчас у меня нет времени думать об этом. Тоби уже спрашивала, готов ли материал, и мне пришлось, к собственному стыду, признать, что я до сих пор не поговорила с главным свидетелем. Пока достижения не очень — меня освистали в «Твиттере» и послала куда подальше жена фермера.

Бросаю взгляд на часы — до встречи с Лэйни и Мэлоди время еще есть. Что ж, раз дозвониться ни до кого не могу, изучим еще раз стенограмму судебного заседания.

* * *

Прокурор: Ваше полное имя.
Ноа: Томас Ноа Томпсон.
Прокурор: Спасибо, Томас.
Ноа: Ноа.

Прокурор: Что, простите?

Ноа: Обычно все зовут меня Ноа.

Прокурор: Прошу прощения, Ноа. Пожалуйста, расскажите присяжным, кем вам приходится мисс Уайт. То есть Николь.

Ноа: Мы были друзьями.

Прокурор: Спасибо. Вы учились вместе или?..

Ноа: Да, мы познакомились на занятиях по математике.

Прокурор: Прекрасно. Не могли бы вы описать жертву?

Ноа: Конечно. Она была среднего роста, волосы светлые…

Прокурор: Прошу прощения, нас интересует не ее внешность. Мы все и так видим, что это красивая девушка. Я бы хотел узнать, каким она была человеком.

Ноа: Конечно. Она была… она была очень добрая.

Прокурор: Отлично. А можно немного поподробнее?

Ноа: Она ко всем так хорошо относилась… Понимаете, Николь была из тех, кто пользуется популярностью, а все равно не зазнавалась. Всегда заступалась за тех, кого обижали. Не подумайте, она ни с кем не дралась, просто умела

пристыдить. Такое не каждому дано.

Прокурор: Совершенно согласен. Насколько… насколько близко вы были знакомы?

Ноа: Сначала не очень. Потом мы стали вместе заниматься, она помогала мне с учебой, и мы немного сблизились.

Прокурор: В каком смысле? Вы…

Ноа: Нет-нет, ничего такого. Мы были просто друзьями. Она делилась со мной… всяким. Мне казалось, что я для нее особенный — человек, которому она доверяет.

Прокурор: Хорошо. Она когда-нибудь говорила об обвиняемом?

Ноа: Вы про Эрика Майерса?

Прокурор: Да, конечно, про Эрика Майерса.

Ноа: Говорила.

Прокурор: И что же она рассказывала?

Адвокат: Ваша честь, я возражаю! Это непроверяемая информация.

Судья: Возражение отклонено.

Ноа: Она… она его боялась.

Прокурор: Это ее слова?

Ноа: Да.

Прокурор: Можете рассказать нам, что именно она говорила?

Ноа: Говорила, он пару раз звал ее на свидание.

Кажется, однажды они сходили в кино. Потом она узнала, сколько ему лет, и отказалась с ним встречаться. Ей же было всего шестнадцать, а он… намного старше.

Прокурор: Ему двадцать пять.

Ноа: Да. Николь говорила, что он преследует ее, не дает прохода. Не раз караулил после уроков и постоянно писал. Она показывала мне сообщения: штук пятьдесят, не меньше. В конце концов, ей пришлось отправить его в черный список. Думаю, она его боялась.

Прокурор: Почему вы так думаете? Она говорила что-то такое, из чего вы могли сделать этот вывод?

Адвокат: Ваша честь, это наводящий вопрос!

Судья: Возражение отклонено.

Ноа: Да… она говорила, что он… пугает ее. Что он из тех, кто устраивает стрельбу в школах.

Прокурор: Так и сказала?

Ноа: Да, именно так. Правда, потом она сказала, что пошутила… только, по-моему, это было всерьез. Николь говорила своей подруге, Талии, что если ее вдруг убьют, это будет Эрик Майерс.

Адвокат: Ваша честь, возражение! Информация непроверяемая.

Судья: Принимается. Прошу присяжных не

учитывать последнее заявление.

Прокурор: Благодарю вас, Ваша честь. Спасибо, Ноа. На этом все.

Глава 24

Сейчас

Наконец выбираюсь на дорогу. Шла я примерно час, так что сейчас должно быть около двух ночи. Никогда не участвовала в марафонах, однако теперь прекрасно понимаю бегунов, которые из последних сил пересекают финишную ленту. Я и сама готова расплакаться от облегчения.

В тусклом свете фонаря расстегиваю боковой карман и вытаскиваю шоколадку — можно с чистой совестью съесть кусочек. Но кусочком дело не ограничивается. Во мне просыпается голодный монстр, и я, давясь и практически не жуя, заглатываю половину плитки. Помню, с каким нескрываемым омерзением смотрел на меня Крис, когда на вечеринке в честь Хэллоуина я взяла шоколадный батончик. «Тебе бы стоило воздержаться», — сказал он тогда, с притворной игривостью ущипнув меня за жировую складку на боку. Я так и застыла, даже не проглотив, и шоколад липкой сладкой массой растекся по языку. Несколько наших приятелей все видели и поспешили отвернуться.

Однажды мне пришлось рассказать эту историю Джею — он заметил, с каким недовольством я щупаю складки жира на животе.

— Ну, попадись он мне! — в ярости прошипел Джей. — Убью!

Завернув остатки шоколада, убираю его подальше в рюкзак, чтобы не сорваться. Достаю компас — теперь хотя бы стрелку можно разглядеть.

Мне предстоит сделать нелегкий выбор. На дорогу я вышла, теперь надо решить, в каком направлении двигаться дальше: направо или налево? На север или на юг? Раз мы где-то в районе Катскильских гор, значит юг — это по направлению к дому. Однако по дороге сюда мы на протяжении многих миль не видели признаков жизни. Вероятно, пойти туда будет ошибкой. Может, если отправлюсь на север, мне попадутся какие-нибудь дома или магазины? Смотрю в одну сторону, потом в другую, словно это поможет принять решение. Куда ни поверни, везде одна и та же безрадостная картина: мрачно темнеет лес, высятся сугробы, и тянется в бесконечность полоска асфальта.

В памяти всплывает замечание Мэлоди, сделанное мимоходом по пути сюда: «Ферма! Выглядит аутентичненько!» Неужели та самая, что принад-

лежит Томпсонам? Даже если нет, в любом случае можно попросить помощи. Жаль, что я не рассмотрела получше — вдруг она давно заброшена? Ладно, как бы то ни было, попытаться стоит.

Значит, надо идти туда, откуда мы приехали. То есть куда? Хоть убей, не могу вспомнить направление! Мы сделали довольно большой крюк: сначала ехали в южном направлении и уже потом повернули на север. Ферма ведь как раз там и была? Вновь оглядываюсь по сторонам, но память ничего не подсказывает.

Вспомнив про карту, достаю ее из рюкзака и аккуратно разворачиваю. Ветер треплет ветхий лист у меня в руках. Вытерев тут же осевшие на бумаге снежинки, я тщусь хоть что-то разглядеть в тусклом свете. Лезу за фонариком и чуть не роняю его, пытаясь одновременно зажать тугую резиновую кнопку и удержать в другой руке карту. Наконец мне удается направить дрожащий желтый луч на лист бумаги.

Далеко не сразу я нахожу тонкую линию, которая вполне могла бы обозначать эту дорогу. Судя по всему, к северу местность идет в горку — там как раз обведено красным. Вторая выделенная возвышенность находится далеко к югу. Внимательно изучаю карту, однако не вижу ничего,

похожего на ферму. Впрочем, неудивительно. Вздохнув, убираю все в рюкзак. Делать нечего — пойду на юг, в сторону дома.

Уверенно поворачиваю направо. Теперь у меня хотя бы есть план — подобие плана. Повернуть направо и идти на юг. Тянусь за телефоном, чтобы посмотреть, который час, и вспоминаю, что его нет. Впрочем, и без того понятно, что проходят драгоценные минуты, а я так и не знаю, где искать Лэйни и Мэлоди.

* * *

На юг, на юг, на юг.

Я иду вперед, а слова так и вертятся в голове. По крайней мере, по дороге двигаться проще — не утопаешь по колено в сугробах. Снег скрипит под ногами, иногда я поскальзываюсь и тогда невольно замедляю шаг, чтобы не упасть. Надо быть осторожнее. Не хватало еще подвернуть ногу или удариться головой — тогда точно пиши пропало.

Вокруг по-прежнему темно, хотя уже далеко за полночь. Здесь, вдали от светового загрязнения, вдали от города, который в буквальном смысле «никогда не спит», небо черное. Снег все валит и валит, оседая у меня на шапке, на ресницах. Казалось бы, это невозможно — небеса не мо-

гут вмещать столько снега! Но нет, возможно. Впрочем, мне особо не привыкать: я из Вермонта, там со снегом приходится иметь дело постоянно. Могло быть куда хуже: мог подняться снежный буран, дороги бы закрыли, и я осталась бы здесь совершенно одна, без единого шанса на спасение. Да, могло быть куда хуже. Только нельзя позволять себе думать о самом плохом — что, если я не найду своих подруг? Что, если они уже мертвы? Нет, прочь эти мысли! Мне потребуются все мои физические и моральные силы — нельзя поддаваться отчаянию. Я продолжаю идти, повторяя при каждом шаге: «На юг, на юг, на юг».

Представляю себе, как там сейчас дома: Джей, наверное, заказал пиццу, и они с Грегом смотрят телик или играют в приставку, а рядом на диване растянулась Баб́ушка. Не знаю, какую пиццу любит Грег; это одна из тех вещей, которые мне предстоит выяснить.

Всякий раз, когда я заикаюсь о том, как мало знаю о Греге, да и о воспитании детей вообще, Джей лишь отмахивается. «Ничего сложного, ерунда, — фыркает он, стараясь подбодрить меня. — Ты справишься». Тем не менее вся эта «ерунда» постепенно превращается в огромный снежный ком, который грозит меня раздавить.

— На юг, на юг, на юг.

Останавливаюсь. Что это там?

Присмотревшись, с трудом различаю впереди бледное пятно света. Надеюсь, глаза меня не обманывают! Осторожно ускоряю шаг. Через какое-то время сомнений не остается: луч света становится ближе.

Я принимаюсь отчаянно махать руками и кричать, что есть мочи. Понимаю, что машина еще очень далеко, но ничего не могу с собой поделать.

— Эй! — изо всех сил воплю я.

Ровный гул двигателя все приближается, луч света становится ярче, и я принимаюсь еще яростнее махать руками.

— Сюда! — до хрипоты ору я. — Эй! Сюда!

Гул все ближе, все громче, свет галогеновых фар прорывается сквозь снег. Отхожу к обочине — не хватало еще угодить под колеса. Машу руками, как мельница, до боли в плечах. *Пожалуйста, заметь меня! Заметь меня!*

— Эй! — вновь кричу я. — Эй! Эй!

Гул мотора уже совсем близко, фары слепят глаза, и я чувствую, как вибрирует земля под ногами. Подаюсь вперед, размахивая руками и вопя изо всех сил. Все происходит молниеносно,

как во сне: машина вырывается из пелены снега, будто нос корабля из тумана, и через пару секунд исчезает. Огромный автомобиль проносится мимо, и из-под колес мне в лицо летят комья снега. Он исчезает так же молниеносно, как появился, растворившись в дали. С минуту я бегу следом, по-прежнему крича и размахивая руками, и, наконец, сдаюсь. Все бесполезно — машина уже далеко.

Теперь я с трудом передвигаю ноги. Водитель либо не заметил меня, либо не захотел останавливаться. Кричать вдогонку нет смысла — лишь зря потрачу силы, которые и так на исходе. Все вокруг вновь замирает, будто никакой машины и не было. Дорога словно издевается надо мной.

Внезапно меня накрывает волной ярости. Сжав кулаки, я издаю вопль бессилия и, прыгая на месте, изрыгаю в пустоту ругательства. В процессе я поскальзываюсь, и на этот раз мне не удается удержать равновесие. Я падаю на дорогу, больно ударившись сначала коленом, потом локтем и головой. Чувствую во рту солоноватый привкус крови — падая, я прикусила язык. Пытаюсь приподнять голову, но боль волной затопляет черепную коробку. Нужно отдышаться. Закрываю глаза и повторяю слова, значения которых уже

не помню: «На юг, на юг, на юг».

Пожалуй, стоит немного отдохнуть, восстановить силы. Отдохнуть… Всего пару секунд…

Глава 25

Июль

— М-м-м… Подозрительно.

— Согласна, — кивает Лэйни, вытирая рот от горячего шоколада.

Мы решили встретиться на обед в кофейне — пускай Лэйни и не пьет кофе, — и хотя Уайли я ничего не стала говорить о сообщении Элая, лучшим подругам сразу же все выложила.

— И что это может значить? — спрашивает Мэлоди, нервно подергивая ногой после трех эспрессо. В отличие от Лэйни, она лет с двенадцати ничего, кроме кофе, и не пьет.

— Скорее всего, ничего особенного. Наверняка это какие-то рабочие вопросы, и я зря себя накрутила.

Лэйни барабанит пальцами по столу.

— А сам Джей что сказал?

Молчу.

— Ты даже не спросила?! — удивляется Лэйни.

— Нет… пока, — я опускаю глаза на остывший чай масала у себя в стакане. — Не хочу раздувать проблему на ровном месте.

— Ну ладно, — Лэйни дует на своей горячий шоколад. — Наверное, ты права, и это все ерунда.

— А если нет? — с тревогой в голосе настаивает Мэлоди. — Вдруг он что-то вроде Берни Мейдоффа[8]? Или, например, его шантажируют?

Лэйни закатывает глаза.

— Не выдумывай!

— Я серьезно! — Мэлоди отодвигает пустой стакан. — Поговори с ним.

Перевожу взгляд на Лэйни, и та, пожав плечами, кивает.

— Да, похоже, вы правы, — я встаю и забираю со стола бумажный стакан и грязные салфетки. — Наверное, сегодня как раз спрошу.

Мэлоди тоже поднимается и натягивает джинсовую куртку, от которой слегка попахивает травкой.

— Какие планы на День независимости?

Я выбрасываю пустой стакан.

— Не знаю. Нас, кажется, позвали на вечеринку на яхте.

— «Не знаю. Нас, кажется, позвали на вечеринку на яхте», — напыщенным тоном передразнивает Мэлоди.

---

[8] Сноски: 8

Бернард Мейдофф — американский мошенник и финансист, организовавший крупнейшую в истории финансовую пирамиду.

— Заткнись, — обрываю я ее сквозь смех. — А вы? Где собираетесь салют смотреть?

Мэлоди расплывается в довольной улыбке.

— Мейсон раздобыл нам билеты на Эмпайр-стейт-билдинг, — пританцовывая, объявляет она дрожащим от восторга голосом.

— Мейсон — это который студент-медик? — интересуется Лэйни.

Мэлоди подворачивает рукава куртки.

— Ты прекрасно знаешь, о ком речь, так что прекрати его так называть. Можно подумать, я с десятком Мейсонов встречаюсь.

Потянувшись, Лэйни тоже встает, и народ вокруг оборачивается — необычайно высокие женщины всегда привлекают внимание.

— Мы с Руби поедем на Кони-Айленд.

— Классика, — говорит Мэлоди. — Мое почтение.

— Кстати, — Лэйни поворачивается к ней. — Ты позвонила насчет того места?

— Как раз собиралась.

— Какого еще места? — спрашиваю я, хватая сумочку.

— Я обязана хранить молчание, — отвечает Мэлоди, вешая на плечо рюкзак. — Под страхом смерти.

— Не вздумайте девичник устраивать, — предупреждаю я.

Они с Лэйни коварно переглядываются.

— Я вас убью! И это не шутка!

* * *

Вооружившись распечаткой показаний Ноа Томпсона из зала суда, я решаю посмотреть, что скажет на это Эрик Майерс.

На сегодня я забронировала себе переговорную комнату, чтобы не сидеть в окружении других стажеров, однако уединиться все равно не получится: после нескольких громких дел о сексуальных домогательствах стены в кабинетах сделали стеклянными, чтобы все легко просматривалось (правда, надо сказать, у Флетчера Фокса по-прежнему нормальный кабинет с настоящими стенами). Сидя же в стеклянной коробке, я чувствую себя словно в аквариуме. Возможно, именно такие ощущения испытывает и Эрик Майерс, находясь под круглосуточным наблюдением охраны. Немного опускаю кресло и устраиваюсь поудобнее.

— Расскажите об Эстер Томпсон, — прошу я, когда Эрик Майерс появляется на экране.

— О ком, о ком?

Похоже, он и правда не понимает, о ком речь.

Кто-то проходит мимо по коридору, напевая себе под нос, и я на секунду отвлекаюсь, так что требуется некоторое время, чтобы вновь сосредоточиться.

— Эстер Томпсон. Она жила на ферме Томпсонов. Эта женщина утверждает, что видела вас рядом с охотничьим домиком незадолго до убийства. По ее словам, выглядело так, будто вы присматривались.

Какое-то время Майерс тупо смотрит на меня, но потом, кажется, до него доходит, о чем речь.

— Ах, эта… Жена фермера, точно.

В памяти всплывает фраза из подкаста: «Можно подумать, она ему хвост кухонным ножом отрезала».

— Это ложь. Наглая ложь. Я и близко к тому дому не подходил.

Опускаю кресло еще чуть ниже.

— И зачем же ей было врать?

— Понятия не имею. Она меня на дух не переносила, прямо-таки ненавидела. Не знаю, почему.

Майерс откидывается на стуле; кажется, он вот-вот упадет назад и разобьет голову. Перед глазами уже стоит лужа крови.

Мимо по коридору важно вышагивает парень

в рубашке и джинсах — с таким видом, будто всего добился сам, хотя на самом деле ему лишь повезло родиться в правильной семье. Одевается он нарочито просто и неряшливо, однако я-то знаю, что это сын директора. Парень машет мне рукой, и я улыбаюсь — не вполне уверена, как отвечать на его приветствие.

— Ее сын сказал, что Николь Уайт вас боялась.

— Сын? Ну да… Потому что сам хотел за ней приударить, — презрительно усмехается Майерс. — Даже не помню, как этого пацана звали. Ему тогда было лет пятнадцать…

— Ноа, — подсказываю я. — Его зовут Ноа Томпсон. Тогда ему было четырнадцать.

— Допустим, — соглашается он, скрещивая руки на груди так, что большие пальцы утыкаются в подмышки. — Только это все ерунда. Я уже говорил: мы с той девушкой практически не были знакомы. Пару раз позвал ее на свидание, и все.

— Ага, — к этому заявлению я была готова. — Пятьдесят семь.

Он с подозрением разглядывает меня.

— Что пятьдесят семь?

— Пятьдесят семь сообщений, — отвечаю я и, выдержав многозначительную паузу, продолжаю: — Многовато для девушки, с которой вы

практически не были знакомы.

Майерс слегка опускает голову.

— Послушайте… Я понимаю, как это выглядит… — Он оттягивает ворот майки. — Хорошо, она мне нравилась. Очень. И да, ей было еще слишком мало лет. Но это не значит, что я ее убил, — твердит он, стуча кулаком по столу при каждом слове.

Охранник бросает на него недобрый взгляд, и Майерс разжимает кулаки.

— Вот что я вам скажу, — тихо говорит он, наклоняясь ближе к камере, словно собирается поведать мне некую тайну. — Весь город знал, что Эстер Томпсон сумасшедшая. У старухи явно не все дома. Николь она тоже ненавидела. О да! Еще как ненавидела!

Такого поворота я не ожидала.

— А Николь ей за что было ненавидеть?

— Не знаю, но что ненавидела — это точно. Старая ведьма строила из себя милую безобидную старушку, — Майерс наклоняется еще вперед, и передние ножки стула с грохотом опускаются на пол, так что я даже вздрагиваю. — А на самом деле она настоящая психопатка.

* * *

Опершись на поручни, мы смотрим, как дрожат отблески огней на воде. Поднимается легкий ветерок, и я поплотнее запахиваю кардиган — ночь теплая, однако на яхте вдали от берега заметно холоднее.

— Возьми мой пиджак, — предлагает Джей, стягивая блейзер.

— Не надо, замерзнешь.

Он протягивает мне пиджак.

— Сделай мне одолжение. Ты ведь знаешь, я это все терпеть не могу.

И правда, Джей в жизни не надел бы блейзер, если бы не дресс-код. Я ныряю в рукава и с наслаждением кутаюсь в теплую ткань.

— Спасибо, — говорю я, и Джей обнимает меня одной рукой за талию.

Мимо проходит официант в белых перчатках с подносом, уставленным бокалами просекко. Я уже выпила два, но мне так понравилось, что решаю себе не отказывать. Джей тоже берет бокал.

— Спасибо, приятель, — говорит он официанту, и тот в ответ кивает.

Я обратила внимание, что многие люди на яхте — а гости здесь собрались богатые — стараются

не встречаться взглядом с обслуживающим персоналом. Джей же, напротив, не пытается делать вид, что не замечает официантов: ведь когда-то он и сам работал в элитном загородном клубе, членство в котором, кстати, теперь оплачивает своим родителям.

— Хотел спросить, — начинает он, повернувшись лицом ко мне, ветер треплет его волосы, — ты получила письмо от Кейтлин? Насчет свадебных сувениров.

— Не помню, — уклончиво отвечаю я, умолчав о том, что удаляю все письма Кейтлин, не открывая.

— Она предлагает кашемировые платки, — продолжает Джей, и я чувствую, что его рука уже не так крепко обхватывает мою талию.

— Хм-м-м, — из вежливости выдавливаю я. — Как будто… дороговато.

— Да, наверное, — Джей пожимает плечами. — Просто один из вариантов, который Кейтлин хотела обсудить с тобой. Она говорит, пока вы не сильно продвинулись.

Делаю вид, что не заметила легкого укора в его голосе. Хотя, может, он ничего такого и не имел в виду.

Из каюты, где танцуют остальные, доносится

взрыв смеха. Музыка играет так громко, что я чувствую, как от басов дрожат поручни. Среди гостей есть пара известных мне моделей и даже какая-то актриса — имя не могу вспомнить. Джей как-то говорил, что настоящие деньги водятся как раз у тех, кого не узнают в лицо.

На темнеющем небе загораются первые звезды. До салюта десять минут; у меня практически не остается времени спросить Джея о том сообщении. Слышно, как где-то вдалеке разыгрывается оркестр: до нас долетает разноголосица флейт, духовых и скрипок, потом вновь наступает тишина. Музыка на яхте тоже затихает, поручни больше не вибрируют. Гости высыпают на палубу, теснясь ближе к борту, где Джей предусмотрительно занял нам лучшие места.

Ты с ней покончил?

Сглотнув, я делаю глубокий вдох.

— Джей, мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— О чем же?

Он поворачивается ко мне, и тут вступает оркестр, все вокруг заполняется постепенно нарастающими звуками музыки.

Джей закрывает глаза.

— Пасторальная… — говорит он.

— Это что? — с идиотским видом спрашиваю я.

— Бетховен.

Джей сильнее прижимается ко мне. Толпа вокруг перешептывается в радостном предвкушении. Кто-то кричит: «Иди уже, а то все пропустишь! Сейчас начнется!»

В небо вспархивает россыпь розово-красных и нежно-голубых искр — как закуска перед основным блюдом. Все замирают.

Музыка нарастает, и в небе, под дружные вздохи, загораются огни фейерверков. За громкими хлопками следуют зеленые и красные вспышки, искрятся звезды, целые гирлянды огней озаряют небо. Пахнет порохом. Фейерверк и музыка волшебным образом сливаются воедино.

Похоже, просекко делает свое дело — я в необычайном восторге. Радостно поворачиваюсь к Джею, однако вижу, что его нет рядом: вокруг восторженные, задранные к небу чужие лица. Вспышки фейерверка становятся все чаще, перекрывая друг друга. Дым, затянувший небо, вновь и вновь подсвечивается яркими всполохами. Все вокруг предвкушают грандиозный финал.

Еще раз поискав глазами Джея, наконец вижу его в окне каюты. Видимо, они с Элаем о чем-то спорят: Джей качает головой, а Элай вскидыва-

ет вверх руки. Я не слишком близко знакома с Элаем, однако уверена, что это он: его внушительных размеров фигура в цветастом костюме легко узнаваема.

Ты с ней покончил?

О чем они спорят? Это из-за меня?

Ты с ней покончил?

Достигнув кульминации, музыка затихает с последним хлопком фейерверка. Шум эхом раздается у меня в ушах.

Глава 26

Сейчас

Лежа на боку, смотрю, как снег толстым слоем покрывает асфальт — словно глазурь на свадебном торте. С трудом выкинув из головы это сравнение, пытаюсь сообразить, почему я вообще лежу и смотрю, как падают снежинки, однако пульсирующая боль в висках сразу напоминает, что случилось. Вся сцена вновь, будто в обратной перемотке, проскакивает у меня перед глазами. Нечего было истерику закатывать — тогда бы не упала.

— Поднимайся, — бормочу я сама себе, чувствуя во рту привкус крови.

Сказать, конечно, легко… Где-то в глубине души мне хочется так и остаться лежать: закрыть глаза еще на несколько минуточек, раз за разом нажимая кнопку «отложить будильник», хотя Джей этого терпеть не может.

Джей, Лэйни, Мэлоди.

Надо вставать. Иначе так и останусь здесь: либо машина переедет, либо замерзну насмерть. Надо вставать.

Пытаюсь пошевелиться, и все тело пронзает боль, расползающаяся от ушибленной ноги и локтя. Во рту вместо языка какое-то месиво. Ладно, хотя бы двигаться могу — значит, ничего не сломала. Синяки не в счет.

Осторожно пробую повернуться на другой бок, и в глазах все плывет. Свет уличного фонаря ослепляет. С трудом сев, жду, пока перестанет кружиться голова.

Небо по-прежнему темное — значит, лежала я недолго. Медленно, опираясь на здоровую ногу и руку, встаю и пробую сделать шаг. Боль в ноге становится невыносимой. Замираю, чтобы отдышаться. Пульсирующая боль в локте, голове и языке сливается в одно ощущение, тем не менее я заставляю себя сделать еще один шаг, а потом еще. У меня сорок восемь часов, чтобы найти подруг. Теперь даже меньше. Выбора нет — надо идти дальше.

Промчавшаяся мимо машина вспоминается словно сон. И все-таки что-то не дает мне покоя. Перед мысленным взором всплывает смутный образ возникшего из темноты автомобиля, и я изо всех сил стараюсь удержать его в сознании, мысленно отматывая назад секунду за секундой и пытаясь разобрать подробности. Серебристая…

да, машина точно была серебристая. Довольно массивная, с квадратным носом. Картинка приобретает более четкие очертания — серебристый седан.

Ладно, пускай седан. Только что в этом толку — он ведь мимо проехал. И все равно я не могу отделаться от этого образа. Внезапно в памяти всплывает еще кое-что — «Эмбер Алерт»! Лезу в карман, чтобы проверить сообщение, и сразу одергиваю себя — телефона нет, придется вспоминать. Это было на парковке у магазина. Я тогда еще подумала о Лиссе и оглянулась, не проедет ли мимо… серебристый «Линкольн»!

Практически уверена в том, что это был он! Номер в ориентировке я не запомнила, да и рассмотреть его на такой скорости все равно бы не получилось. Не могу, конечно, на сто процентов утверждать, что это был именно «Линкольн», да к тому же серебристых седанов тысячи, если не сотни тысяч. И все-таки это вполне возможно.

С трудом передвигая ноги, бреду дальше.

Серебристый седан… Ладно, предположим, я видела ту самую машину. Как это связано с моими подругами? Вероятно, никак. В большинстве таких историй «похитителем» оказывается родитель, которому суд отказал в опеке над ребенком,

то есть отец. Что, впрочем, не всегда хорошо: некоторые папаши готовы пойти на убийство собственного ребенка — лишь бы не терять над ним контроль. «Краймлайн» такие сюжеты обычно не показывает: мы специализируемся на убийствах красивых белых девушек, а погибшие дети, как правило, не вызывают у аудитории достаточный интерес.

В любом случае маловероятно, что история с «Линкольном» имеет хоть какое-то отношение к исчезновению Лэйни и Мэлоди. Но я слишком глубоко погружена в мир криминальной хроники — в случайные совпадения верится с трудом. Облизываю губы пересохшим языком. *Продолжай идти вперед.* Отмахиваясь от крутящихся перед глазами снежинок, вновь достаю компас.

На юг. Продолжай идти на юг.

Сосредотачиваюсь на этой мысли.

Продолжай идти, продолжай идти, продолжай идти.

Помню, как мы с отцом катались в лесу на лыжах. Мама тогда осталась в домике разгадывать кроссворды — она терпеть не может лыжи. Какими непривычно узкими были беговые лыжи по сравнению с горными, на которых я каталась до этого! Мы шли и шли, голова под шапкой вспо-

тела, и все же мы выработали единый ритм и словно слились в одном потоке: я и мой отец. Весь мир казался одновременно таким огромным и таким крошечным. Похоже, сейчас я тоже вошла в этот ритм.

Вперед, вперед, вперед. На юг, на юг, на юг.

Передо мной вырастают деревянные ворота, дорога от которых ведет к едва различимому вдалеке фермерскому дому. Может, это та самая ферма, на которую обратила внимание Мэлоди?

Металлическая табличка, засыпанная снегом, со скрипом покачивается на ветру. Протянув руку, я стираю снег и вижу изображение прыгающей лошади, а сверху название места — ферма Томпсонов.

Глава 27

Июль

Еду в метро на работу. В руках джинсовая куртка, которая мне не понадобилась: утро выдалось жарким, а под землей и без того душно. По спине стекает струйка пота, и я дышу через рот, чтобы не чувствовать отвратительный запах вспотевшего тела.

Про сообщение пока решила больше не думать. Очевидно, Джей что-то не поделил с Элаем — не стоит совать нос не в свое дело. К тому же мне и так есть чем заняться: с работой и подготовкой к свадьбе времени ни на что не остается. Достав из сумки очередную книгу об убийце 666, открываю страницу с отчетом о результатах вскрытия.

ИМЯ УМЕРШЕГО: Николь Уайт
ДАТА РОЖДЕНИЯ: 04.07.1996
ДАТА СМЕРТИ: 03.05.2012
ВОЗРАСТ: 16 лет
ДАТА ПРОВЕДЕНИЯ ВСКРЫТИЯ: 04.05.2012
ПОЛ: женский

ХАРАКТЕР СМЕРТИ: насильственная

ПРИЧИНА СМЕРТИ: потеря крови, вызванная множественными колото-резаными ранами (грудной отдел, шея, руки).

НАРУЖНЫЙ ОСМОТР: хорошо развитая, ухоженная шестнадцатилетняя девушка европеоидной расы. На момент осмотра жертва была полностью одета: бюстгальтер, нижнее белье, розовая футболка, джинсы, зеленые носки (2 шт.), красные кеды. Одежда пропитана кровью, с множественными колотыми повреждениями, описанными ниже. Рядом с телом находилась черная кожаная сумочка, содержимое которой было рассыпано по полу. Среди предметов – черный мобильный телефон, открытая пачка жевательной резинки, четыре тампона, три гигиенические прокладки, губная помада, обрывок бумаги с надписью «Откровение 13:18 АДАМ», сделанной синими чернилами; буквы залиты кровью. Также обнаружены ключи от автомобиля с металлическим брелоком «Я люблю Гавайи» и розовая пилочка для ногтей. Возле головы погибшей лежала порван-

ная золотая цепочка с кулоном в виде бабочки.

Вес тела составлял 133 фунта[9], рост – 5,6 фута[10], что соответствует заявленному возрасту. Тело было холодным. Наблюдалось равномерно выраженное трупное окоченение всех групп мышц. Волосы на голове – длинные, каштановые. Радужки – карие, роговицы – помутневшие. На левом запястье татуировка синей бабочки, в области которой обнаружен порез.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВСКРЫТИЯ:

1. Общее побледнение кожных покровов, признаки массивной кровопотери.

2. Множественные колотые и резаные раны, в том числе проникающие ранения с повреждением следующих анатомических структур:

1) основание левого легкого,

2) средняя доля левого легкого,

3) верхняя полая вена,

4) пятый левый реберный хрящ,

5) селезенка,

---

[9] Сноски: 9
Около 60 кг.

[10] Сноски: 10
167,6 см.

6) левая подвздошная область.

3. Множественные резаные раны, характерные для оборонительных повреждений.

4. Токсикологическое исследование: в крови обнаружены этанол и каннабиноиды. Моча положительна на каннабиноиды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Шестнадцатилетняя Николь Уайт скончалась в результате множественных колотых ран, приведших к острой кровопотере. Патологоанатомическое исследование не выявило признаков выраженных заболеваний. Согласно результатам токсикологического анализа, в крови погибшей обнаружены этанол и каннабиноиды. Исходя из представленных данных, можно заключить, что характер смерти насильственный, а именно убийство.

Подпись Аарон Голдберг, доктор медицины

Задохнувшись от резкой боли, поднимаю глаза. Какой-то мужчина в тяжелых походных ботин-

ках наступил мне прямо на мизинец. Ужасно сконфузившись, он рассыпается в извинениях.

— Ничего, — стиснув зубы и чувствуя, как наворачиваются слезы, отвечаю я.

Палец моментально опухает, под ногтем выступает кровь.

Поезд останавливается, и невозмутимый голос объявляет название станции. Мужчина еще раз извиняется и выходит, смешавшись с толпой. Вагон заполняется людьми, все ищут место поудобнее. Чтобы отвлечься, вновь открываю заключение патологоанатома.

Поразительно, насколько сухими и равнодушными словами описано кровавое убийство. Да, на ней были розовая футболка, лифчик, джинсы и красные кеды. Только все это не дает ни малейшего представления о настоящей, живой Николь Уайт — молодой девушке, которая через год должна была пойти в старшую школу, а не жертве убийства, тело которой подлежит вскрытию. Розовая футболка с выцветшим логотипом, светло-голубые мешковатые джинсы, подвернутые снизу, салатового цвета носки, классические красные «конверсы» с потрескавшейся подошвой и голубым сердечком на левом носке — все это носил живой человек.

Список ран и близко не передает весь ужас, который испытываешь при виде фотографий с места убийства. «Множественные проникающие ранения» — за этой фразой стоят страшные, смертельные удары. И заканчивается все очевидным выводом: «Исходя из представленных данных, можно заключить, что характер смерти насильственный, а именно убийство».

Вздохнув, уже собираюсь закрыть книгу, однако тут мое внимание привлекает одна деталь: залитый кровью клочок бумаги с надписью «Откровение 13:18 АДАМ». В старом выпуске «Краймлайна», да и в полицейских протоколах, об этом практически ничего не говорится. Отчима Николь звали Адам, но эту ниточку раскрутить не удалось. Никто так и не расшифровал смысла написанного, а после задержания Эрика Майерса про эту загадочную улику и вовсе предпочли забыть. И все-таки что-то здесь не вяжется. Эта записка словно кусочек пазла, который никуда не подходит.

Задумавшись, я чуть не проезжаю свою остановку. В последний момент захлопываю книгу и выскакиваю из вагона.

* * *

ДИВАННЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Kathy: Откровение? По-моему никто так и не понял, что это значило.

Colby: А кто такой Адам?

Insook: По-моему, вы впустую тратите время. Какое все это имеет значение, если Эрик Майерс и так уже сидит?

Alex: А вдруг он невиновен?

Colby: Не в обиду — полный бред.

Mark: Согласен.

Kathy: 100 %.

Alex: Адамом звали ее отчима. Похоже, его никто в качестве подозреваемого не рассматривал.

Tom: Да, что-то такое слышал.

Insook: Ничего удивительного. Зачем бы ему понадобилось на Ли Джонс нападать?

Colby: Да и с другими двумя девчонками, которые на «А», тоже связи нет.

Insook: Извини, конечно, но меня ужасно коробит, когда их так называют.

Kathy: Меня тоже бесит. У них имена вообще-то есть: Амелия и Анджела.

Insook: Можно подумать, они не люди.

Colby: Прошу прощения, ничего такого не имел

в виду)

Insook: Нет, конечно, просто обратила внимание)

Mark: Так и не понял, кстати, почему Майерс не признался в их убийстве. Он же написал чистосердечное, мог бы тогда и про этих девушек рассказать.

Kathy: Да просто копы облажались. Припугнули бы его смертной казнью, а они болт положили.

Insook: Смертной казнью? В Нью-Йорке?

Kathy: Дело хотели передать федералам как убийство с особой жестокостью. Только что-то там не срослось, и в итоге все рассматривали на уровне штата, так что никакой смертной казни и ноль информации про Амелию и Анджелу.

Mark: Дерьмово.

Kathy: Не то слово.

Colby: А все-таки что с запиской? Что значит «откровение»?

Mark: Слышал в одном подкасте, будто копы решили, что это какой-то пароль.

Colby: Что за подкаст?

Mark: Точно не вспомню. Кажется, «Он написал убийство».

Tom: Да, я тоже что-то такое слышал про пароль. Не помню, откуда. Вычитал где-то.

Colby: Но как у нее в кармане оказалась бумажка с его паролем?

Kathy: Мы, кстати, не знаем, чей это пароль.

Alex: И от чего. Вообще, странно, конечно: стих из Библии и чье-то имя.

Insook: Да уж, как-то не сходится.

Colby: В любом случае очевидно, это как-то связано с Эриком Майерсом.

Kathy: Точно!

Insook: А ты знаешь, что это за стих?

Tom: Конечно! «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Глава 28

Сейчас

Из-за приоткрытой двери выглядывает пожилая женщина в тоненьком халате и бигуди. Не знаю уж, что я ожидала увидеть, но явно не это. На фотографии из зала суда Эстер Томпсон сидит, положив руку на Библию и устремив гневный взгляд на Эрика Майерса. Уже тогда она казалась ходячей немощью, а с тех пор прошло десять лет. Она довольно высокая — футов шесть, не меньше, — а мощному торсу позавидовал бы любой игрок в американский футбол. Понятно, почему Шардай так возмущалась, когда ее назвали просто «женой фермера».

— Здравствуйте, — выдавливаю я, едва переведя дыхание.

Ноги и кончики пальцев рук перестало покалывать — они занемели. Впрочем, Эстер не торопится открывать дверь, по-прежнему с подозрением разглядывая меня через небольшую щелку.

— Я… меня зовут Алекс, — губы не слушаются, как после анестезии. — Я заблудилась немно-

го… м-м… Можно от вас позвонить? — пытаюсь заглянуть внутрь, однако она загораживает проем. — Прошу, мне всего лишь надо позвонить.

— Мам, кто там? — доносится из глубины дома мужской голос.

— Девица какая-то, — каркает она в ответ с нескрываемым презрением.

Можно подумать, я торгаш и пытаюсь втюхать ей очередную бесполезную штуковину.

Рядом с ней появляется молодой человек в трусах и майке. Лица не видно.

— Господи, мам, да впусти ты ее! Она сейчас замерзнет насмерть! — ежась от холода, кричит он.

— Ладно, ладно, — бормочет Эстер, явно смутившись от того, что ей указали на негостеприимность.

Женщина открывает дверь чуть шире, и я спешу просочиться внутрь, пока она, чего доброго, не передумала. При свете люстры ее лицо кажется еще более старым — оно словно все покрыто сеткой морщин. Я уже отвыкла от такого: в Нью-Йорке, особенно среди коллег-журналистов, редко встретишь человека без ботокса. Эстер не сводит с меня слезящихся голубых глаз.

— Спасибо, — благодарю я, отряхивая ботинки.

— Привет, меня Ноа зовут, — говорит молодой человек.

И тут я вглядываюсь в него внимательнее. Теперь понятно, почему тот парень в магазине на заправке показался мне знакомым. Передо мной повзрослевшее лицо подростка с фотографии из подаренной мне книги. Так в передачах про пропавших без вести детей с помощью компьютерной программы на основе детских снимков конструируют образ взрослого.

Честно говоря, он по-прежнему немного смахивает на подростка (сейчас, если я правильно посчитала, ему двадцать четыре): женственные черты, низкорослый, темно-карие с золотистыми переливами глаза. Рядом со своей внушительных размеров матерью он выглядит еще более щуплым.

— А это моя мама, Эстер.

— Привет, — от неловкости я не знаю, куда деть руки. — Простите, уже так поздно… Я попала в довольно затруднительную ситуацию, — обшариваю глазами комнату в поисках телефона. — Мне очень нужно позвонить…

— Ноа! — рявкает Эстер и показывает пальцем наверх. — Иди оденься.

— Ой! — Он смущенно опускает глаза на свои

голые ноги. — Я сейчас…

Взмахнув рукой, Ноа бежит вверх по лестнице.

— А ты, — Эстер поворачивается ко мне, — снимай свои мокрые тряпки.

Я послушно стаскиваю ботинки, варежки, куртку и шапку и развешиваю на ржавых медных крючках у двери. Через пропахшую чем-то кислым кухню мы следуем в гостиную. В камине приветливо потрескивает огонь. Проходя мимо, я мельком оборачиваюсь на тяжелые настенные часы — два пятнадцать.

Над камином висит голова оленя, и в невидящих глазах мне чудится укоризна — будто это я ее туда повесила. Эстер ловит мой взгляд.

— Не обращай на него внимания, — говорит она так, словно олень выдал дурацкую шутку. — Муж у меня охотник, — глубоко засунув руки в карманы истрепанного халата, она поворачивается в сторону лестницы и кричит: — Ноа, захвати нашей гостье носки!

— Ага! — слышится ответ, сопровождаемый грохотом выдвигаемых ящиков.

Эстер с явным неодобрением оглядывает меня с головы до ног и, кивнув в сторону камина, командует:

— Садись.

Будто послушная собака, опускаюсь на пол перед камином и с наслаждением чувствую, как промокшие джинсы нагреваются от на удивление теплого бетонного пола. Я бы и их с удовольствием сняла, только будет совсем неприлично. Ладно, хорошо уже, что можно стянуть носки и свитер.

— Ну, рассказывай, — бросает Эстер, тяжело опускаясь на выцветший тканевый диван с узором из розочек. — Что там у тебя случилось?

Я принимаюсь сбивчиво объяснять про девичник и подруг, однако стоит мне упомянуть охотничий домик, она перебивает меня.

— «Хоббс Лодж»? — со смесью волнения и раздражения в голосе переспрашивает Эстер. — Что вы там вообще забыли?

— Ну… можно сказать, у нас своего рода исследование… Мне на работе поручили собрать материал по этому делу.

Несколько секунд я сомневаюсь, стоит ли упоминать, что мы с ней раньше общались — ведь в прошлый раз она высказалась в мой адрес весьма нелестно. Очевидно, сейчас я нравлюсь ей ничуть не больше.

— Я вам звонила несколько месяцев назад, помните? Меня зовут Алекс Конли, — нет, ни

намека на то, что она меня узнала. — Я вам тогда еще объяснила, что собираю материал о деле Эрика Майерса для «Краймлайна».

Во взгляде Эстер все та же подозрительность.

— Ни из какого «Краймлайна» мне никто не звонил, — резко заявляет она. — Такое уж я бы запомнила.

От неожиданности я совсем теряюсь. Похоже, она действительно забыла наш разговор.

— Понятно… — Я не знаю, как лучше описать произошедшее. Ладно, скажу как есть. — В общем, я проснулась в душе, а мои подруги пропали, и…

Я сглатываю. Очевидно, Эстер настроена враждебно и воспользуется любым предлогом избавиться от меня. Надо успеть вызвать полицию, пока я здесь.

— Мне всего лишь надо позвонить — позвать на помощь, чтобы найти подруг, — обвожу взглядом комнату в поисках телефона. Должен ведь он где-то быть! Впрочем, почему должен? Я, например, стационарный давно отключила. — Не дадите мне свой мобильный?

Проигнорировав вопрос, Эстер исподлобья сверлит меня взглядом.

— Ясно, — наконец тихо произносит она, давая понять, что устала слушать мои бредни. — Теперь

выкладывай, что тебе на самом деле нужно.

— Мне…

От ее вопроса я теряю дар речи. Что она хочет услышать?

— Ты же из-за него приехала? — давит Эстер.

Открываю было рот, но опять не знаю, что говорить. Видимо, она воспринимает мое молчание как подтверждение своих слов.

— И думать забудь, — усмехается она. — Ноа такое не интересует. Ему есть чем заняться и без девчонок, вечно бегающих по пятам.

— Э-э… — чувствую себя полной дурой. — Да нет, это тут совсем ни при чем!

На лестнице раздаются шаги, и Эстер, нахмурившись, делает знак, чтобы я замолчала. Из темного коридора появляется Ноа в тех же протертых джинсах и серой футболке и протягивает мне пару толстых вязаных носков.

— Должны подойти.

— Спасибо! — я беру носки и, понизив голос, чтобы не вызвать раздражение его сумасшедшей мамаши, спрашиваю: — Можно твой телефон взять?

— Да, только он сейчас заряжается, — извиняющимся тоном отвечает Ноа, запустив руку в волосы и подняв глаза к потолку. — Думаю,

осталось недолго.

Я тоже поднимаю глаза к потолку — как будто это поможет ускорить процесс.

— Может, у вас есть другой телефон? — спрашиваю я, размышляя про себя, по какому же номеру я звонила, когда Эстер бросила трубку.

— Стационарный, к сожалению, мы отключили. Но у мамы тоже есть сотовый.

— Ничего у меня нет, — встревает Эстер.

— Есть, мам, — устало возражает парень. — Я тебе покупал, помнишь? Такой… с большими кнопками.

— А-а-а, этот… — Она равнодушно машет рукой. — Где-то валяется.

Раздраженно тряхнув головой, Ноа садится на пол рядом со мной под свирепым взглядом Эстер. От его футболки пахнет стиральным порошком, а от тела так и веет теплом. Окинув его взглядом, замечаю еще кое-что: бледные шрамы на руках.

Вспоминаю, что сказала Эстер во время нашего прошлого разговора: «Он едва вернулся к нормальной жизни, а ты хочешь затащить его обратно на дно?»

Следы уколов.

Отвожу взгляд, пока Ноа ничего не заметил.

Глава 29

Июль

Раз от «Диванных детективов» толку оказалось мало, я надеюсь, что хотя бы мой следующий разговор с Эриком Майерсом прольет какой-то свет на историю с «Откровением».

Снова сижу в стеклянном кабинете. Мизинец на ноге по-прежнему болит. У Эрика Майерса на этот раз новый охранник — в отличие от предыдущего, худощавый и высокий, немного напоминает жирафа. Руки в татуировках.

— Хотела спросить у вас про записку, которую нашли в кармане у Николь Уайт, — начинаю я, открывая блокнот.

— Без понятия, — отвечает Майерс, даже не дав мне договорить.

— Я про ту, где было написано «Откровение», — настаиваю я и морщусь от боли, зацепив ногой корзину для бумаг. — Вы знаете, что это значит? О чем речь в этом стихе?

— Да-да, число зверя, три шестерки, — он устало вздыхает. — Я же сказал: ко мне это не имеет никакого отношения.

Нетерпеливо стучу ручкой по блокноту.

— Ладно, а как насчет имени? Адам — говорит о чем-нибудь?

— Нет, — зевая и потягиваясь, бросает он. — Ну, кроме отчима, конечно.

Говорят, полиция им занималась, однако в материалах следствия ничего не было. Помнится, в тогдашнем выпуске «Краймлайна» его упомянули, и потом эту сцену пришлось вырезать — отчим угрожал подать на компанию в суд. «Краймлайн», конечно, может позволить себе первоклассных адвокатов, но тогда, видимо, решили, что фрагмент того не стоит.

— Насколько мне известно, он вне подозрений.

— Чушь собачья, — усмехается Майерс. — Николь его боялась до чертиков.

Понимаю, что он, как и в прошлый раз, хочет перехватить инициативу, и все равно иду у него на поводу.

— С чего вы взяли?

— Она сама говорила, — насмешливо сощурившись, отвечает Майерс. — В те пару раз, что мы ходили на свидания.

— Ясно.

Свидания. После того как его отпечатки нашли на ее сумочке, он резко поменял риторику, и если

раньше утверждал, что даже знаком не был «с девчонкой», то теперь признал: да, как-то раз водил ее в кино, будучи при этом в совершенной уверенности, что Николь совершеннолетняя. Ну, не считая тех пятидесяти семи сообщений, которые он ей отправил, и того факта, что он караулил ее после школы (казалось бы, здесь уже должны закрасться подозрения о ее возрасте).

Эрик Майерс нервно мнет пальцы.

— Отчим… слишком оберегал Николь. Все пекся о ее чистоте, — при слове «чистота» он показывает пальцами знак кавычек в воздухе. — Хотел, чтобы она хранила девственность, пока замуж не выйдет, — Майерс морщится. — Отвратительно, честно говоря. Так что если уж кто и стал бы цитировать Библию, то это он.

— Ладно, — отзываюсь я.

Если все это правда, весьма занятная получается картина.

— Он следил за ней… Если Николь говорила, что идет к подруге, отчим заявлялся проверить, не наврала ли она, — Эрик ерзает на стуле, шаркая ногами по плитке на полу. — Видимо, потому она и бунтовала.

Из коридора доносится приглушенное ругательство. Повернувшись, вижу Тэмми, помощницу

Флетчера Фокса, с тремя наполовину пустыми стаканами кофе. Задрав голову к потолку, словно в молитве, она изрыгает проклятия.

— Послушайте… — едва слышно окликает меня Майерс.

Жираф-охранник оглядывается на него и тут же поворачивается обратно. Эрик наклоняется практически вплотную к камере, словно намерен открыть мне страшную тайну.

— Даже не знаю, как сказать, чтобы не показаться козлом…

Молча жду продолжения. Майерс машет рукой.

— Ладно, как ни формулируй, все равно прозвучит плохо, поэтому скажу как есть. Все почему-то думают, что Николь Уайт была сама невинность, маленький ангелочек. Так вот — нет, — он нервно прикусывает губу.

— Понятно, — бормочу я.

Пускай закапывает себя дальше — не собираюсь ему помогать.

— Николь… Все ее святой считали, а она была та еще оторва. Пила, наркотой баловалась, — Майерс обкусывает заусенцы на пальцах. — И девственницей, как верил ее отчим, она тоже не была. Николь не со мной одним на свидания

ходила. Так что раз уж подозрение всегда падает на бойфренда, знайте — были и другие.

Не припомню, чтобы мне попадалась такая информация, надо будет проверить.

— Ноа? — спрашиваю я.

— Этот сопляк? Нет, куда ему! — презрительно усмехается Майерс.

— Тогда кто?

Беру ручку, готовясь записывать.

— Райан Джонсон. Вот кто вам на самом деле нужен, — отвечает Майерс, глядя прямо в экран, и потом с улыбкой откидывается на спинку стула.

Вновь инициатива на его стороне! Молодец, Алекс, отличное интервью!

Записываю имя в блокнот. Скорее всего, из этого ничего не выйдет, однако попробовать стоит. Помнится, его упоминали в том старом выпуске, но в эфир этот фрагмент тоже не пошел. А вдруг у меня наконец получится выйти на настоящего подозреваемого и убедить Тоби выделить больше денег на расследование?

— Он раньше жил в Бруксайде в трейлерном парке, — услужливо подсказывает Майерс. — Наверное, до сих пор там.

Мимо проходит Тэмми с полными стаканами кофе. На блузке расплылось коричневое пятно.

— Ого! — Эрик слегка наклоняет голову. — Замуж собираетесь?

Я замираю. Проследив за его взглядом, вижу, что он заметил брошюру из свадебного салона у меня на столе, и тут же отворачиваю камеру в другую сторону.

— Нет, подруге помогаю.

— Ну да, — хмыкает Майерс, и по его довольной улыбке понятно, что он не верит ни единому моему слову.

* * *

Всю дорогу до дома я не могу выкинуть из головы это происшествие. Неприятно, что Эрику Майерсу обо мне многое известно. Джей и так переживает, что мы становимся «слишком близки», а я даже не упоминала, что переводила ему деньги в тюрьму. Теперь вот случайно дала понять, что помолвлена — Джей явно не обрадуется. Однако лучше сразу все рассказать, как только приду домой.

Открыв дверь, слышу, что Джей разговаривает по телефону.

— Она ничего не знает, Элай! Успокойся уже!

Он наверху, в спальне. Тихонько прикрыв дверь, подхожу ближе к лестнице и прислуши-

ваюсь.

— Говорю тебе, — ледяным тоном повторяет Джей. — Я все улажу.

Делаю еще шаг, и голос замолкает.

— Погоди секунду, — едва слышно шепчет Джей.

Вновь открыв дверь, с силой захлопываю ее.

— Я дома! — кричу я, нарочито громко топая. Отдавленный мизинец дает о себе знать, и я морщусь от боли.

— Мне пора, — шепчет Джей и, появляясь на лестнице, радостно кричит мне: — Дорогая, привет! Как дела на работе?

— Нормально, — моя оплошность с Эриком Майерсом уже кажется сущим пустяком. — Ты с кем-то разговаривал?

Джей слегка краснеет.

— Обсуждали с Элаем очередной антикриз. Ты же знаешь, как он легко заводится.

— Ну да.

Ладно, хотя бы не соврал, пусть и не сказал всей правды.

Она ничего не знает.

О ком шла речь? С кем он должен покончить? Вглядываюсь в его лицо в надежде увидеть хоть какую-то подсказку, но оно остается непроница-

емым. В криминальных историях «она» обычно жена. Ну или, как в нашем случае, невеста. С другой стороны, это же Джей, а не какой-нибудь тип из сюжета для «Краймлайна». Надо всего лишь спросить. Я бросаю сумочку на журнальный столик, а Джей прячет в карман телефон.

— Как твое расследование? — спрашивает он, опершись одной рукой о диван. — Удалось что-нибудь новое выяснить?

— Не то чтобы.

Она ничего не знает.

Ноги не слушаются, и я плюхаюсь на диван. Вдруг Джей, невольно морщась, спрашивает:

— А что у тебя с ногой?

— Ты про это… — Я осматриваю мизинец: он посинел и как будто смотрит вбок. — В метро отдавили.

— Жуть какая, — сочувственно произносит Джей. — Похоже на перелом.

— Думаешь? — вновь опускаю глаза на палец. — Вроде не так уж страшно… Попробую приложить лед.

Я порываюсь встать, и Джей жестом останавливает меня.

— Сиди, я сам принесу. Надо примотать его к другому пальцу. Я себе много раз мизинцы

ломал, когда играл в регби. Ничего, до свадьбы заживет, — он наставляет на меня указательный палец. — Не вставай.

Сидя на диване, я слышу, как он, напевая под нос, ищет все необходимое. Может, конечно, Джей великий актер, но виноватым он не выглядит.

Она ничего не знает.

Надо всего лишь спросить.

Глава 30

Сейчас

Ноа трет виски, словно у него болит голова.

— Не понимаю. На вас кто-то напал и… похитил твоих подруг? — он недоверчиво косится на меня.

— Да, — уверенно отвечаю я. — Именно так и было.

Натягиваю носки, и они тут же прилипают к мокрым ногам. Джинсы, постепенно высыхая, нагреваются, и по ногам ползет тепло. Ноа сидит перед камином рядом со мной.

— Говоришь, вы туда приехали, потому что вели расследование для «Краймлайна»?

Судя по тону, моя история до конца его не убедила.

— Да, — отвечаю я и, подумав, добавляю: — Если совсем честно, я не знала, куда мы едем. Они мне решили такой… необычный сюрприз сделать.

— Сюрприз что надо получился, — ворчит Эстер.

Ноа дергает ногой вверх-вниз.

— Все это… довольно неправдоподобно. Как так

вышло, что ты ничего не помнишь?

— Понятия не имею, — смущенно признаюсь я. — Мы довольно много выпили.

Про «Белую вдову» говорить явно не стоит — Эстер сразу меня за дверь вышвырнет.

— И ведь Эрик Майерс в тюрьме, — почти под нос себе бормочет Ноа, хлопая глазами. — Значит, это не мог быть он.

— Согласна. Хотя из наших с ним разговоров…

— На кого ты работаешь? — прерывает меня Эстер.

Повисает довольно долгая пауза. От камина волнами идет жар.

— Я говорила, «Краймлайн». Потому мы и…

— Нет-нет-нет, — каркает она, тыча в меня скрюченным пальцем. — Тебя кто-то подослал, и я хочу знать кто. Отвечай!

На глаза наворачиваются слезы, я изо всех сил стараюсь не разреветься.

— Никто, клянусь вам! Все было именно так, как я рассказала.

— Мам, — устало вздохнув, подключается Ноа, — сделаешь кофе?

— Ко-о-офе? Я вам что, служанка?

Недовольно фыркнув, она все же поднимается с дивана и, вся согнувшись и морщась от боли,

шаркающей походкой направляется в кухню. Стоит ей скрыться в дверном проеме, как Ноа пересаживается на ее место напротив меня.

— У мамы проблемы с памятью, — смущенно объясняет он. — Поэтому иногда ее… заносит.

Киваю, украдкой вытирая глаза. Это, по крайней мере, объясняет странности в ее поведении и тот факт, что она не помнит о нашем телефонном разговоре.

— Я несколько месяцев учился в колледже в Итаке, а потом пришлось вернуться. Возникли кое-какие… проблемы. — Ноа задумчиво чешет ухо. — Впрочем, думаю, нет смысла скрывать — я облажался. Подсел на героин. Пару раз лежал в рехабе.

— Мне очень жаль, что так получилось.

— Ага. Сначала я во всем винил Эрика Майерса, а потом понял, что ответственность за мои поступки лежит только на мне.

Кажется, именно такие мысли и вдалбливают в рехабах.

— Да, только на мне. Больше никто не виноват…

Внезапно засунув руку в карман, он достает монетку, протягивает ее мне, и я вижу, что это бронзовый жетон.

— Уже три года в завязке, — улыбается он.

— Здорово! — Я искренне улыбаюсь в ответ, возвращая ему жетон.

— Так или иначе… — Ноа смущенно прячет жетон в карман. — К тому моменту, когда я взял себя в руки и вернулся домой… — нахмурившись, он бросает взгляд в сторону кухни. — Я и не подозревал, насколько все плохо.

Полено в камине падает, выпуская сноп искр, и я растираю руки, еще не до конца согревшись. На стене громко тикают часы. Ноа поворачивает голову, и на его лице пляшут тени от камина, подсвечивая золотистые искры в глазах.

— Думаешь, он и правда вернулся?

Я молчу.

— Пойду проверю, не зарядился ли телефон.

Глава 31

Июль

Мне ужасно хочется спросить его. Знаю: пора раз и навсегда закрыть этот вопрос. Однако, учитывая, сколько Джей возился с моей ногой, даже неловко. Вспомнилось наше знакомство: я отдала ему свой стакан со льдом, когда он отбил пальцы, заступаясь за меня. Теперь он окружил меня заботой, невероятно нежно забинтовал палец и дал таблетку парацетамола, иначе известного как тайленол. Мы поужинали, посмотрели «Нетфликс» и уже лежим в постели, а я так и словом не обмолвилась о том сообщении.

Джей листает на планшете скучнющий экономический журнал, а я пытаюсь читать книгу, но дальше одного абзаца продвинуться никак не могу — пульсирующая боль в пальце мешает сосредоточиться, а в голове так и крутится жуткая фраза: «Ты с ней покончил?»

— Кейтлин говорит, мы идем с опережением графика, — перелистывая страницы, бросает Джей.

— Да, мне она тоже сказала, — я поднимаю

глаза от книги.

Ага, сказала — таким снисходительным тоном, словно с собакой разговаривала. Осталось разве что вкусняшку дать. К тому же она до сих пор трясет с меня дизайн пригласительных: несмотря на неоднократные напоминания Джея, я так и не удосужилась посмотреть присланные варианты. Возвращаюсь было к своей книге, но Джей кладет руку мне на колено.

— Эй, — робко улыбаясь, зовет он.

— Эй, — повторяю я, не в силах сдержать улыбку.

Во мне нарастает возбуждение. Я почувствовала это еще когда он бинтовал мой палец — ничего не могу с собой поделать. Пробегаю взглядом по волосам у него на груди, по прессу на животе, над которым он так усердно трудится, по мускулистым ногам. Заметив движение в темно-синих трусах, которые я ему подарила, провожу рукой по мягким волосам на груди, по теплой коже, и Джей, повернувшись, забирается на меня сверху.

— Какая же ты все-таки сексуальная, — говорит он, принимаясь целовать мне шею.

Ты с ней покончил?

Джей наваливается всем весом, и мне вдруг кажется, что он вот-вот раздавит меня. Я напря-

гаюсь, и Джей, почувствовав это, сразу перестает меня целовать.

— Все в порядке?

— Да, — вру я. — Просто… нога болит.

— А, точно, — смущенно бормочет он. — Прости, я совсем не подумал.

Мне стыдно, что пришлось соврать, и я запускаю руку ему в волосы.

— Ничего, можем продолжить.

— Нет, — Джей слезает с меня и накрывается одеялом. — Не переживай. Останешься сегодня здесь спать? Ты последнее время вроде перестала ходить во сне, так что, думаю, все будет нормально.

Я сглатываю.

— Ладно?

Слова вот-вот готовы сорваться у меня с языка. Надо спросить его!

Ты с ней покончил?

Она ничего не знает.

— Ладно, — только и говорю я.

Довольно улыбнувшись, Джей гасит свет и прижимает меня к себе. Лежу в темноте с открытыми глазами.

* * *

Надо все выяснить. Конечно, я доверяю Джею и, скорее всего, напрасно себя накрутила. И все же мне надо знать правду.

Именно поэтому сейчас, вооружившись фонариком, я копаюсь в бумагах у него на столе. Джей спит очень крепко, вряд ли он услышит. А даже если проснется, у меня есть прекрасное объяснение — я ходила во сне.

Впрочем, пока мне ничего найти не удалось. Открыв ящик, роюсь в бумагах… Здесь все как будто в порядке. Хотя, конечно, большую часть документов он хранит на компьютере или в облаке. Пролистав несколько контрактов (жуткая юридическая муть), документы на машину и папку со школьными фотографиями Грега, тоже не нахожу ничего подозрительного. В сейф лезть смысла нет — Джей сам как-то раз сказал мне пароль, попросив захватить его паспорт. Если уж он такой хитроумный преступник, то там я точно ничего не найду.

Ладно, посмотрим, что на столе. Куча рекламных буклетов, приглашение на концерт хора, в котором поет его сын, вырезка из какой-то экономической статьи. Я уже думаю сдаться, и тут

луч фонарика выхватывает из темноты уголок официальной на вид бумаги. Приглядевшись, вижу вверху герб Соединенных Штатов и название ведомства: «Комиссия по ценным бумагам и биржам». Сердце на секунду замирает, и я принимаюсь читать длинное письмо, написанное непонятным юридическим языком.

> «Отмечается чрезмерное изъятие криптоактивов в вашей компании. Просим описать принятые меры по выявлению существенных рисков концентраций…»
>
> Эти слова подчеркнуты, а рядом синей ручкой приписка:
>
> ТЫ
> ЭТУ КАШУ ЗАВАРИЛ. РАСХЛЕБЫВАЙ.

— БЭДж

Банк Элая Джейсона.

Я наклоняюсь над самым столом, и в этот момент в кабинете загорается свет.

— Что ты делаешь? — хрипло спрашивает Джей.

От его всегдашней спокойной улыбки не осталось и следа, взгляд холодный, подозрительный.

— Я…

Совершенно забываю заготовленное заранее

оправдание и хватаюсь за первое, что подвернулось под руку — пригласительные.

— Мне не спалось, вот и решила наконец заняться пригласительными… — Я усилием воли придаю своему голосу бодрости. — Мне вот этот вариант очень понравился — Excelsior[11].

Секунду он по-прежнему сверлит меня взглядом, однако потом выражение лица смягчается.

— Правда?

Он так обрадовался, что мне опять неловко за свою ложь. Щурясь от яркого света, Джей подходит к столу посмотреть на образец и, словно мимоходом, накрывает письмо из Комиссии другими бумагами.

— Да, — отвечаю я, пытаясь понять, на что соглашаюсь. Опустив глаза, вижу строгую однотонную карточку. Что ж, не самый плохой вариант. — Да, мне нравится.

— Я так и думал, — с гордостью заявляет Джей. — Потому и выложил этот образец отдельно, — зевнув, он трет глаза. — Ладно, пошли спать. Уже три утра.

— Ага.

Я осторожно кладу карточку рядом с толстой

---

[11] Сноски: 11
На латыни — вверх.

папкой, в которой лежат остальные образцы, и направляюсь прочь из кабинета. Погасив свет, Джей провожает меня взглядом.

Глава 32

Сейчас

В ожидании, пока Ноа принесет телефон, мы с Эстер сидим за кухонным столом. Я словно попала в прошлое, в какой-то фильм из 70-х: зеленые столешницы, темно-оранжевая плитка, все выцветшее и потрескавшееся.

Крошки трех твердых как камень печенек (тоже из 70-х?) прилипли к языку. Запиваю горьким черным кофе из щербатой керамической кружки — я беру ее обеими руками и ставлю локти на клеенчатую скатерть в цветочек. Эстер бросает на меня строгий взгляд, и я поспешно убираю локти со стола. От кружки тонкой струйкой поднимается пар, а от Эстер исходит едва различимый запах ночного крема.

— Вам не стоило и приближаться к тому дому, — глядя в сторону, говорит она. — Плохое, гиблое место.

Молча пью отвратительный кофе. Похоже, лучше вообще не вступать с ней в беседу. Мне нужен телефон — все! Я и так уже сорок минут здесь проторчала, а это на сорок минут дольше,

чем следовало.

— И Николь эта тоже зачем-то туда поперлась, — в ее словах слышен нескрываемый яд. — Поделом ей.

— Поделом? — От удивления я даже забываю, что решила молчать.

Эстер презрительно хмыкает.

— Знаю я, что ей там ночью понадобилось! Она и с Ноа такие фокусы вытворяла, прикидывалась, что занимается с ним, — лицо ее мрачнеет. — Занимается, как же! Занимается, да не тем — сиськи выкатывала, совратить его хотела.

Я сижу с открытым ртом.

— Что? — Эстер издевательски усмехается и отпивает кофе. — Думаешь, я не заметила? Я все-е-е видела. Потаскушка! Делала вид, что они друзья.

— Кто друзья? — словно из ниоткуда появляется Ноа.

— Никто.

Бросив на нее подозрительный взгляд, он достает из кармана телефон и протягивает мне.

— Вот. Сигнал не очень, но, думаю, дозвониться получится.

И тут Эстер с быстротой молнии выхватывает у него телефон.

— Я что тебе говорила? Никаких телефонов за

столом!

Яростно взглянув на сына, она открывает окно и, под мой истошный вопль, на глазах у ошарашенного Ноа швыряет телефон в снег.

— Если так надо поговорить с кем-то или отправить сообщение, или что там вы вечно делаете, иди на улицу и поищи! — Удовлетворенно кивнув, Эстер захлопывает окно, но поток холодного воздуха успевает ворваться в комнату. — Все эти ваши телефоны от дьявола…

— Мам! — возмущенно восклицает Ноа. — Господи боже!

Она встает.

— Не поминай Господа всуе, Ноа! Надо отцу сказать. Пускай выпорет тебя хорошенько.

Рядом с ней Ноа кажется мальчишкой.

— Мам, — бормочет он, — папа умер. Черт возьми, мы ведь уже это обсуждали!

— Выбирай выражения! — кричит Эстер. — Будет тебе урок. Никаких телефонов за столом!

Меня накрывает волной паники.

— Мои подруги, возможно, ранены, — медленно, взвешивая каждое слово, говорю я в надежде, что чувство сострадания все-таки возобладает над паранойей. — Они потеряли много крови. Понимаете? Мне надо вызвать полицию.

Никакой реакции.

— Ладно.

Вскочив на ноги, я обвожу взглядом кухню. Надо найти телефон и сразу отсюда убираться.

— Откуда я могу позвонить? Не найдете тот ваш телефон с большими кнопками… или вдруг у вас есть стационарный?

— Стационарный? — раздраженно переспрашивает Эстер. — Это еще что такое?

— Просто телефон. Любой! Может, в вашей комнате? Я очень быстро позвоню и уйду.

Эстер кладет ладони на стол.

— В моей комнате тебе делать нечего, — цедит она и с ледяной улыбкой добавляет: — Пойди у Ноа спроси, раз он тебе так понравился.

Глава 33

Июль

Всю неделю меня преследовали сплошные провалы. Я отправила отчиму Николь несколько сообщений, на которые он не ответил, запросила официальный доступ к информации о нем и о Райане Джонсоне, и вновь попыталась связаться с Ли Джонс. Спасибо, хотя бы Райан Джонсон согласился со мной поговорить, так что именно к нему я сейчас и еду.

Письмо, найденное у Джея, все не выходит у меня из головы. Элай именно поэтому так разозлился? Из-за неудачных инвестиций? Возможно, даже незаконных?

Я попыталась расспросить своего университетского приятеля Троя — он тоже занимается хедж-фондами, и с Джеем они не знакомы. Трой лишь отмахнулся, сказав, что письмо из Комиссии еще ничего не значит — вполне вероятно, пустая формальность. Однако он несколько замялся, когда я упомянула криптоактивы.

Крипта. Это в буквальном смысле шифр, который мне не под силу разгадать. Я прочитала все,

что смогла найти, однако ничего толком не поняла. Кого только я не просила простым языком объяснить мне, что это такое! Единственное, что удалось выяснить, — все вокруг тоже понятия не имеют, как это работает.

Уайли сказал: «Я знаю, что в крипту не стоит вкладываться». Трой попытался объяснить и лишь сильнее меня запутал. Мама ответила: «Деточка, если тебе нужны деньги, скажи». Мэлоди сообщила, что как раз сейчас читает классный сценарий, в котором упоминается крипта. Одна лишь Лэйни прямолинейно заявила: «Вообще без понятия». Единственный, кто мог бы рассказать что-то внятное, это Джей, а его, очевидно, не спросишь.

Ладно, пора уже выкинуть все это из головы. Трой прав — я должна доверять Джею. Скорее всего, письмо лишь формальность, никакого криминала. Однако слова, написанные Элаем, так и стоят перед глазами: «ТЫ ЭТУ КАШУ ЗАВАРИЛ. РАСХЛЕБЫВАЙ».

Сворачиваю к дому Райана Джонсона.

* * *

— Получается, меня по телику покажут? — пылая энтузиазмом, спрашивает Райан.

Мы сидим у него в трейлере. Все вокруг украшено в стиле «консервативный шик»: изобилие американских флагов, символика времен войны за независимость, а на подушке рядом со мной вышито «Либералы, сосите ***» (хотя, как по мне, при таком посыле можно было и не стесняться). Райан угостил меня растворимым кофе, налив его в кружку с надписью «Слезы либералов».

— Решили переснять, получается? — осведомляется он.

За эти десять лет Райан неплохо поднабрал. Помнится, в старом выпуске «Краймлайна» была его фотография: обычный подросток в спортивном костюме, в руке банка пива, лицо размыто.

— Мне очень хотелось в прошлый раз поучаствовать, но адвокат запретил.

— Да ладно? — спрашиваю я, отодвигая подальше налитую им бурду.

Уже жалею, что потратила время на эту встречу. Райана Джонсона больше заботит возможность попасть в кадр, чем угроза попасть под подозрение. Прикончить он способен разве что упаковку пива.

Пытаюсь устроиться поудобнее — от дивана воняет мокрой псиной. И, разумеется, из кухни выползает дворняга с грустными глазами;

медленно подойдя ко мне, она тычется головой в коленку, требуя внимания. Райан рассеянно треплет собаку за ухом.

— Не бойтесь, Рейган и мухи не обидит.

Интересно, он в честь президента пса назвал? Спрашивать, пожалуй, не буду.

— Возможно, снимут новый выпуск, — говорю я.

Собственно, это даже не ложь. Возможно, когда-нибудь меня пригласит пообедать Дайан Сойер[12]. В принципе все возможно.

Райан расплывается в довольной улыбке и одергивает футболку. Однако тут ему в голову приходит новая мысль.

— А где оператор?

Заверяю его, что это предварительное интервью, — тоже отчасти правда. Пару секунд его явно мучают сомнения, а потом он вновь расплывается в блаженной улыбке: видимо, даже призрачная возможность попасть в выпуск «Краймлайна» приводит его в необычайный восторг.

— И что вы хотите узнать? — спрашивает он, кладя руки на колени.

Я вытираю брюки от собачьей слюны.

---

[12] Сноски: 12
Известная американская журналистка.

— Кто, по-вашему, убил Николь Уайт?

Райан недоверчиво прищуривается.

— В смысле? Очевидно, ее парень. Тот псих с тремя шестерками.

В его голосе ни капли сомнения. С такими нервами только в покер играть — конечно, если предположить, что убийца он.

— А разве не вы были ее парнем?

Райан пожимает плечами — видимо, ему не очень приятно.

— Я бы так не сказал. Да, мы пару раз сходили на свидание, но… она была сильно младше.

Делаю пометку в блокноте.

— Сколько вам тогда было?

— Восемнадцать, — отвечает он, внимательно следя за тем, чтобы я все записала. — В целом ничего такого, конечно… не такая уж разница… Но я тогда на работу устроился, а она все в школу ходила. Мы, как бы выразиться… были на разных жизненных этапах. Понимаете, о чем я?

— Ага-а-а.

Формулировка довольно неожиданная, даром, что ему двадцать восемь. Такое, скорее, можно услышать от выпускника колледжа или давно разведенного отца троих детей.

— На самом деле тогда я встречался с Клэр, — по-

чесывая голову Рейгана, говорит Райан, — потом ее бросил, — он пожимает плечами: — Слишком много хотела внимания.

Собака ложится на пол, и по комнате расползается жуткий запах.

— Рейган! — укоряет его хозяин, рукой отгоняя от себя воздух. Собака приоткрывает один глаз и вновь опускает голову. — Простите.

— Ничего, — успокаиваю его я, хотя сама стараюсь дышать через рот. Вонь невыносимая. — В материалах дела сказано, что в момент убийства вы с Клэр смотрели «Нетфликс».

Райан сглатывает.

— Там так написано?

Я застываю, занеся ручку над блокнотом.

— А разве на самом деле было по-другому?

Он откашливается.

— Что ж, раз там написано…

Райан нервно ковыряет пальцем нитку на спинке дивана. Видимо, правды от него можно добиться, пригрозив отнять самое дорогое.

— Вы должны рассказать все, как было, Райан. Иначе мы не сможем включить вашу историю в программу.

Некоторое время он размышляет, прикусив губу: навлечь на себя подозрение или попасть

в телик?

— Допустим, все было не в точности так, как написано, — наконец говорит он. Голливудская слава перевесила.

— Я записываю.

— Клэр заснула, она после двойной смены была. И… — Райан продолжает наматывать на палец нитку, и я опасаюсь, как бы он весь диван не распустил. — Я тогда как раз сошелся с другой девчонкой — Райан.

— Ее звали Райан?

— Ага, — смеется он, — забавно, правда? Райан и Райан. Так вот, она позвала меня в гости, и я…

Рисую значок Венеры рядом с именем Райан.

— Поддались зову плоти?

Райан с облегчением смеется.

— Да, можно и так сказать, — тут он серьезнеет. — С ней мы тоже долго не продержались.

Собака на этот раз громко выпускает газы — теперь воняет еще сильнее.

— Она может подтвердить ваши слова? — спрашиваю я, соображая, как бы побыстрее выбраться наружу.

— Да, наверное, — он дергает себя за подол футболки. — Я поищу, остался ли у меня ее номер, тогда пришлю вам на почту. Но должен преду-

предить, она, скажем так, не обрадуется, если вы меня упомянете.

— Да? Это почему же? — Я поднимаюсь.

— Ну… — Райан тоже встает, — спросите об этом у нее. И с Клэр обязательно поговорите. Они с Николь вместе в церковь ходили, Клэр где-то на год постарше. И да, она мне тоже не обрадуется, — виновато добавляет он. — Клэр просто с катушек съехала, когда узнала, что я изменил ей с Николь.

— Хотите сказать, что с Николь вас познакомила Клэр?

— Да, — еще более виноватым голосом признает он. — Я забирал Клэр из воскресной школы, они там Библию изучали. Вот мы с Николь и разговорились.

— Библию? — Я замираю. Нет, таких совпадений не бывает! — Слова «Откровение 13:18» вам о чем-нибудь говорят? Или, может, имя Адам?

Секунду он рассеянно смотрит куда-то мимо меня.

— Ну, откровения есть в Библии. Собственно… Адам тоже, — Райан улыбается, довольный своей сообразительностью. — Вместе с Евой.

— Верно, — бросаю я, оставляя на столе недопитую кружку со слезами либералов. — Спасибо,

что уделили время, мистер Джонсон.

— Не проблема, — он провожает меня до двери и на пороге добавляет: — Предупредите только, когда съемочная группа приедет.

Глава 34

Сейчас

Минут через десять возвращается Ноа. С силой хлопнув дверью, он стаскивает куртку и ботинки и, все еще окутанный морозным воздухом, заходит в кухню. По его мрачному выражению сразу понятно, что телефона он не нашел.

— Мне жаль, — бормочет Ноа. — Телефона не будет.

Тупо утыкаюсь взглядом в остатки остывшего кофе у себя в кружке. Потом поднимаю глаза на Эстер, однако в выражении ее лица нет ни капли торжества или злорадства. Вероятно, она уже забыла, что произошло. Надо придумывать новый план.

— Может, до города доедем, и я оттуда позвоню? Или можно сразу в ближайший участок.

— В такую погоду среди ночи никто за руль не сядет, — безапелляционным тоном заявляет Эстер.

— Просто одолжите мне машину. Я из Вермонта, так что умею ездить по снегу, — предлагаю я.

Эстер издевательски хохочет.

— По такому снегу ты не ездила.

— Как раз по такому… — Я осекаюсь. Не стоит опускаться до ее уровня.

Надеюсь, когда она заснет, получится уговорить Ноа подбросить меня до города. Я видела, перед домом стоит внедорожник — уж он-то должен справиться. Хотя, если подумать, машина была занесена снегом, так что сначала придется ее откопать, и еще не факт, что мы не застрянем по дороге.

— Спать будешь в комнате для гостей, — безапелляционно заявляет Эстер.

Ого! Не ожидала от нее подобного приглашения! Видимо, хорошие манеры сохраняются даже при деменции. Тем не менее я не в восторге от этого плана: по мне, так лучше попытать счастья с внедорожником. Прошел уже час, и чем дальше, тем меньше у меня остается времени. Оцепенело смотрю, как за окном бушует метель.

— Я, пожалуй…

— Она права, тебе лучше остаться, — вставляет Ноа как-то уж чересчур заботливо.

Когда Эстер встает, чтобы убрать со стола, он украдкой делает мне знак, словно говорит по телефону, и кивает наверх. Может, у него есть запасной?

— Хорошо, — отвечаю я, загораясь новой надеждой. — Спасибо. Буду очень вам признательна.

— Пойдем, покажу, где взять постельное белье и полотенце.

Пока мы поднимаемся по лестнице, Эстер провожает нас тяжелым взглядом, который мы благополучно игнорируем. Наверху Ноа нарочито громко хлопает дверцами шкафа и ящиками, доставая простыни.

— Вот, — громко объявляет он. — Мыло найдешь в ванной.

— У тебя есть запасной мобильник? — шепчу я.

— Не совсем.

Ноа заводит меня в крошечную комнатку с желтыми стенами. На кресле-качалке в углу лежит желтое стеганое одеяло с оставшимися кое-где отпечатками детских ножек. Над креслом висит фотография младенца, завернутого в розовый плед.

— У тебя есть сестра? — удивленно спрашиваю я, тут же забыв про телефон. В материалах дела о ней ни слова.

— Была, — проследив за моим взглядом, отвечает Ноа и кладет белье на кровать. — Она умерла.

— Ох, мне жаль, прости, пожалуйста, — смущенно бормочу я.

— Ничего. Она умерла в младенчестве, мне тогда было всего шесть… Я и не помню ничего почти. Ладно, теперь телефон.

Подойдя к тумбочке у кровати, Ноа выдергивает ящик, и лицо его мрачнеет.

— Вот черт! Он же был здесь!

Я машинально заглядываю в пустой ящик — и без того понятно, что там ничего нет.

— Не поняла. Ты здесь мобильник прятал?

Ноа качает головой.

— Нет. На самом деле у нас есть стационарный телефон. Это я маме сказал, что отключил его, потому что она все время в полицию названивала. До сих пор думаю, что надо его отключить, но… — Он тянется через всю кровать к другой тумбочке и выдвигает ящик. — Черт возьми!

— То есть мы остались без связи.

От шока я невольно делаю шаг назад, словно меня ударили.

— Ноа! — кричит с первого этажа Эстер. — Ты знаешь правила: мальчикам нельзя оставаться в комнате наедине с девочками.

Ноа устало закрывает глаза.

— Да, мам! — Обведя взглядом полутемную комнату, он добавляет: — Неужели я его где-то в другом месте спрятал… в шкафу разве что…

— Ноа! — доносится снизу.

— Иду!

Когда Ноа направляется к двери, я резко хватаю его за футболку, и он удивленно оборачивается. Смутившись, разжимаю кулак. Сама не знаю, зачем я это сделала.

— Извини. Я просто… мне страшно.

— Ноа! — вопит Эстер.

Он поджимает губы, выпятив вперед подбородок.

— Прости, — шепчет он. — Постараюсь помочь, когда она заснет.

* * *

Заглядываю под кровать — там все в клубках пыли. На всякий случай еще раз проверяю тумбочку. Увы, в ящике лишь старенькая Библия.

За дверью раздаются медленные шаги.

— Все в порядке? — спрашивает Эстер.

— Да, — откликаюсь я. — Все прекрасно, спасибо.

Бросаюсь в ванную и включаю на несколько секунд воду — пусть думает, что я умываюсь перед сном. По раковине растекаются ржавые круги. Дождавшись, когда шаги затихнут, заглядываю под раковину, но там только старые чистящие

средства и упаковка туалетной бумаги. Роюсь в темноте, ощупывая покрытые въевшейся грязью стены, — ничего. Вновь заглядываю в шкаф: пара проволочных держателей для одежды, запах средства от моли… Телефона нет.

В унынии опускаюсь на кровать. Скорее всего, Эстер и этот телефон выкинула. Значит, нет смысла попусту терять время. Незаметно выбраться из дома труда не составит. Насильно удерживать меня они не станут, да и Эстер обрадуется, если я уберусь отсюда. Ноа, конечно, рад бы помочь, однако не в состоянии сладить со своей мамашей. Оставлю ему записку под дверью: глядишь, найдет телефон и сам позвонит в полицию.

Смотрю в окно: туда, где в снегу валяется его мобильник. Ветер с глухим воем бьет в стекло, и я уже чувствую, как мороз кусает щеки, как немеют пальцы. Не хочу снова там оказаться!

Может, переждать еще часок? Вздремнуть немного, восстановить силы, и тогда вновь бросаться на борьбу со стихией. Но, сколь ни велик соблазн, внутренний голос категорически против такого решения. Закрыть глаза хоть на часок ужасно хочется, однако это будет еще один час, потерянный впустую.

Что ж, значит, пришло время собирать рюкзак

и двигаться дальше. Хорошо, что удалось посушить одежду и подзарядиться кофе. С ужасом глядя в окно, поднимаюсь на ноги.

В качестве жеста отчаяния решаю в последний раз проверить шкаф. Верхняя полка кажется пустой… А вдруг Эстер задвинула его подальше? Ей роста точно хватило бы. Я пячусь — и все равно не могу ничего разглядеть. Тогда, наоборот, подхожу вплотную и подпрыгиваю. Колоссальный успех — достаю кончиками пальцев до края полки. Эх, сейчас бы Лэйни сюда! В общежитии мы всегда звали ее, если нужно было достать что-то со шкафа (от Мэлоди в таких ситуациях толку было мало). Увы, ни Лэйни, ни Мэлоди сейчас рядом нет.

К горлу подступает комок.

— Не раскисай! — одергиваю я себя.

Оглядевшись, замечаю кресло-качалку. Попробовать?

Из коридора вновь доносятся шаркающие шаги, и я на секунду замираю, а затем принимаюсь нарочито громко расправлять одеяло и взбивать подушку. Шаги удаляются.

Выждав некоторое время, поднимаю кресло, чтобы не шуметь, и несу его к шкафу. Настороженно прислушиваюсь — тишина. Забравшись

на скрипящее кресло, я выпрямляюсь на дрожащих ногах и подаюсь чуть вперед, балансируя, как на доске для серфинга. И тут в глубине шкафа я что-то замечаю. Крепко вцепившись обеими руками в край полки, поднимаюсь на цыпочки, чтобы разглядеть получше…

Прекраснее зрелища в моей жизни еще не было: в дальнем углу полки стоит телефон!

Из коридора доносится сердитый окрик Эстер, и от неожиданности я чуть не лечу на пол.

— Алекс, тебе еще что-то нужно? Погаси, наконец, свет! Мы тут вообще-то спать пытаемся.

С трудом удержав равновесие, я хватаю телефон.

— Нет-нет, спасибо, все в порядке!

Осторожно спускаюсь с кресла и гашу свет. Шаги удаляются.

Глава 35

Август

Сидя с мамой в кафе, я мысленно перебираю оставшиеся у меня варианты. Отчим Николь так и не перезвонил, с Райан — той, что должна подтвердить алиби Райана Джонсона — связаться тоже не получилось. С другой стороны, она запросто могла согласиться прикрыть его, раз Клэр спала и ничего не видела. Выходит, среди возможных подозреваемых отчим, Райан и Райан, и ни у кого из них, по счастливой случайности, не выбиты на запястье три шестерки. Разношерстная компания, ничего не скажешь. Вряд ли Тоби будет готова всерьез рассмотреть кого-либо из них в качестве потенциального убийцы — уж в эфир такое она точно не выпустит.

— О чем задумалась? — спрашивает мама, допивая кофе.

— Да так, пустяки.

Ни к чему ей выслушивать мое нытье по поводу дела о серийном убийце.

Мама отворачивается к окну, и в чертах ее лица я вижу себя. Она буквально моя копия (точнее, я

ее), только более стройная и хрупкая — я унаследовала от отца склонность к полноте. Или, как говорит Джей, сочность.

Мама украдкой бросает взгляд на свою огромную сумку, стоящую на соседнем стуле. Она старается не выпускать ее из поля зрения: в «большом городе» кто угодно может забежать в ресторан, схватить сумку и скрыться.

— А Мэлоди с Лэйни придут?

Их имена сливаются в одно, Мэлоди-с-Лэйни, как нечто совершенно неотделимое друг от друга — как арахисовая паста с джемом.

— Ага, — отвечаю я, дожевывая сэндвич с индейкой. — Надеюсь. Если одна не задержится на репетиции, а другая на тренировке.

— Понятно, — говорит мама и, бросив очередной взгляд на сумку, которая — кто бы мог подумать! — по-прежнему лежит на стуле, добавляет: — А Джей?

— Нет, у него не получится.

Мама, задумчиво улыбаясь, помешивает суп.

— До последнего не была уверена, что ты согласишься. Вас, миллениалов, не поймешь.

— Я из поколения Z.

— Да-да, конечно.

Окинув меня оценивающим взглядом, она

делает глубокий вдох, и я уже знаю, что за этим последует.

— Ты уверена? — с тревогой в голосе спрашивает она. — Это серьезное, очень серьезное решение, а ты еще такая молоденькая. Совершенно не обязательно выходить за первого…

— Мам! — резко перебиваю я. — Я не выхожу за первого встречного. У меня до этого полно парней было.

— Да, но с ним вы и полугода вместе не провели, — возражает мама, наклонившись ко мне через стол. — Как ты можешь быть уверена, что знаешь его достаточно хорошо?

Ты с ней покончил?

Ты эту кашу заварил. Расхлебывай.

— Уверена, — отмахнувшись от внутреннего голоса, говорю я.

Мама нервно мнет в руках салфетку.

— Я всего лишь хочу сказать, что ты очень молода.

— Мам! — в бессильном отчаянии повторяю я. — Сколько тебе было, когда вы с папой поженились? Двадцать три? Ну, а мне сейчас двадцать шесть.

— И мы обе прекрасно знаем, чем это закончилось, — заявляет она с саркастичной улыбкой,

которая ей совсем не идет.

Отпиваю кофе.

— Хорошо, не самый удачный пример, и все-таки… Я в своем решении уверена. Я люблю его.

— Ладно, ладно! — Мама поднимает руки в знак того, что сдается. — Хотела убедиться, — официант, наверное, в сотый раз подливает ей кофе, и она кивает. — Я за тебя переживаю, — она берет меня за руку и гладит большим пальцем. — Такая у нас работа. Сама когда-нибудь поймешь: мамы волнуются за своих детей.

Боюсь, мне придется понять это довольно скоро. Хотя вряд ли я смогу испытывать к Грегу по-настоящему материнские чувства. От всех этих мыслей у меня подскакивает давление.

— Слушай, — я перевожу тему, — ты ведь умеешь загадки разгадывать?

Мама слегка улыбается.

— Да, пожалуй.

Когда-то они с отцом наперегонки решали кроссворды, и мама всегда выигрывала. Интересно, она по-прежнему их любит?

— Как думаешь, что может означать фраза «Откровение 13:18» и имя Адам сразу после?

Мама морщится.

— В этом стихе «Откровения» речь идет о числе

зверя.

— Именно.

Я сама такое не вспомнила — пришлось гуглить.

Нахмурившись, она продолжает попивать кофе.

— Название какой-нибудь группы?.. — мама немного оживляется. — Или кодовое слово? Тогда к чему? — рассмеявшись, она поднимает на меня глаза. — Из меня так себе помощник вышел.

— Не переживай, все в порядке.

— Откуда это вообще? — спрашивает она, опуская на стол пустой стакан.

— Ну…

Я поднимаю руку, давая официанту знак, что платить буду я. Мама тоже могла бы: она недавно ушла из школьной библиотеки и получила в свое распоряжение неплохие пенсионные накопления, — но она крайне бережлива, и сумма в счете повергнет ее в шок.

— Это для дела, над которым я работаю.

— Понятно.

Мама утрачивает интерес. Ей прекрасно известно, о каком деле речь, и вдаваться в подробности она не желает. Собственно, я тоже. Ни к чему рассказывать ей про клочок бумаги в кровавых

пятнах, найденный в кармане у убитой девушки, которой, как и Лиссе, не суждено было в полной мере насладиться жизнью.

* * *

— Ну, что думаешь? — поворачиваясь из стороны в сторону, спрашиваю я.

Чувствую себя совершенно по-идиотски: словно прохожу кастинг на роль Золушки. Впрочем, со своим сломанным мизинцем я бы в хрустальный башмачок не влезла.

— Довольно мило, — отвечает мама.

Ясно, не нравится. И она явно чувствует себя не в своей тарелке в этом дорогущем магазине. Да и я тоже, если честно. Примеряю уже третье платье: в два предыдущих, к вящему отвращению нашего консультанта Чандры, я еле влезла. Вернувшись в благоухающую персиками примерочную, напяливаю очередное платье и, услышав звон открывающейся двери, выглядываю в зал.

— Прости, пожалуйста! — задыхаясь, выпаливает Мэлоди. — Репетиция сильно затянулась.

Лэйни в подтверждение делает большие глаза.

Мама бросается обнимать обеих. Джея она не переносит, зато моих университетских подруг бесконечно любит.

— Много мы пропустили? — спрашивает Мэлоди, плюхаясь на диван и источая вокруг себя аромат духов.

Лэйни садится рядом, вытянув длинные ноги.

— Три платья.

Повернувшись к зеркалу, с сомнением разглядываю то, что сейчас на мне: рукава как будто подчеркивают полноту рук.

— Как вам это?

Лэйни слегка качает головой, что, как и в случае с маминым «довольно мило» на самом деле означает «снимай немедленно». Мэлоди, не скрывая эмоций, проводит большим пальцем по горлу. Ухожу обратно в примерочную натягивать очередное платье, оставив маму болтать с моими подругами. Нарядившись, вновь выхожу в зал с тройным зеркалом в полный рост.

— Думаю, он собирается попросить моей руки, — щебечет Мэлоди. — На днях его видели рядом с магазином Тиффани.

— Кто? — спрашивает Лэйни, не поднимая глаз от телефона. — Твой студент-медик?

— Прекрати его так называть! — возмущается Мэлоди и задумчиво добавляет: — Хотя-я-я, вообще-то, сдавала ему кровь…

Лэйни морщится от отвращения.

— В смысле?

— Да всего-то пару пробирок. Он учился брать кровь из вены.

— Кхм, — вмешиваюсь я. — Скажете что-нибудь? Или мне стоять тут весь день как столб?

Мэлоди поворачивается ко мне.

— Здесь мне вырез больше нравится… Как думаешь, Лэйни?

— Ага, классно, — мельком взглянув на меня, бормочет та и утыкается обратно в телефон.

— Мне цвет не очень нравится… Ты как будто сливаешься с ним, — качает головой мама.

Она, как всегда, права. Я вновь возвращаюсь в примерочную, оставив дверь слегка приоткрытой. Осторожно расстегиваю пуговицы и стягиваю с себя платье, а Чандра уже протягивает следующее.

— «Каролина Эррера», — объявляет она с фальшивым европейским акцентом. — Потрясающая модель.

Киваю, притворяясь, что имя этого дизайнера, как и всех остальных, мне о чем-то говорит. Выхожу из примерочной и осторожно, стараясь не наступать на больной палец, кружусь на месте, делая вид, что танцую.

— Давай «Уай-эм-си-эй»[13] — задорно предлагает Мэлоди, хлопая в ладоши над головой.

Лэйни зевает. Я стою, прислонившись к зеркалу, и гляжу на свои бесчисленные отражения.

— У меня в нем задница огромная.

— Вроде ничего, — Лэйни пожимает плечами.

— Нет, оно однозначно тебя полнит, — соглашается Мэлоди.

Лэйни вновь пожимает плечами.

— А мне кажется, нормально.

— У тебя прекрасное тело, — начинает мама в своей обычной манере. — Просто это платье не подчеркивает его достоинств.

Ну, то есть да — задница огромная.

По дежурно улыбающемуся лицу консультанта пробегает тень отчаяния. Облачаюсь в следующее платье — по словам Чандры, от Клэр Петтибон.

— Красивое… — начинает мама тоном, подразумевающим, что дальше будет «но».

— Но тебе не идет, — заканчивает за нее Мэлоди.

Кажется, этому не будет конца! Я обливаюсь потом, палец болит, и уже совсем ничего не хочется. Мэлоди развалилась на диване, а Лэйни с кем-то

---

[13] Сноски: 13
Песня «Y.M.C.A.» американской диско-группы Village People.

переписывается: судя по улыбке, с Руби. Однако, когда я в очередной раз выхожу из примерочной, все ахают.

— Что?

Я оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, что случилось.

— Вот оно! — пищит Мэлоди, прижав ладони ко рту. — То, что нужно!

— Великолепно, — вторит мама, и в глазах у нее блестят слезы.

Придирчиво оглядываю себя в зеркале — да, они правы. Как ни странно, в этом платье я прямо настоящая невеста.

— Мне нравится.

— А кто дизайнер? — спрашивает Мэлоди.

— Вера Вонг, — отвечает Чандра.

Ее имя даже я слышала — значит, платье не из дешевых. Задавать вопросы о цене, наверное, не очень прилично, но заплатить хочет мама, а она спрашивать уж точно не будет.

— Сколько оно стоит?

— Платье? — опешив, уточняет Чандра.

Киваю. Похоже, здесь и правда не принято спрашивать цену.

— Тридцать восемь.

— Ага.

Тридцать восемь сотен, конечно, дороговато для платья, однако не так много, как я боялась. Мама однозначно такое потянет.

Подавшись чуть вперед, Мэлоди уточняет:

— Тридцать восемь сотен или тысяч?

Чандра лишь холодно улыбается.

— Тысяч.

Теперь пришел мой черед ахать.

— Нет, я никак не могу…

Мама в шоке — стоит как громом пораженная. Я начинаю расстегивать платье.

— Думаю, на сегодня достаточно. Продолжим в другой раз.

Мама молча прикусывает губу, и я убить себя готова за то, что поставила ее в такое идиотское положение.

— В следующий раз я могу тебе позвонить по видео.

Только из другого магазина — такого, где для покупки платья не придется закладывать дом.

— Ммм… Думаю, я смогу еще раз приехать, — выдавливает мама, обмахиваясь рекламным буклетом.

Ухожу в примерочную и надеваю свою обычную одежду — огромное облегчение после целого дня в офисе!

— Идем?

Мама рассеянно кивает, словно не может прийти в себя после смертельной схватки. Мэлоди встает, хватая из вазочки на столе печенье, а Лэйни застегивает куртку, держа в руках ключи на цепочке с миниатюрным шлепанцем. Я вешаю на плечо сумочку, и тут к нам вновь подбегает Чандра, светясь искренней, чуть ли не торжествующей улыбкой.

— У меня прекрасные новости! — объявляет она, прихлопнув в ладоши.

Мы удивленно таращимся на нее.

— Мы сейчас говорили с Кейтлин, с платьем все решено.

Она едва ли не пищит от восторга, и мы в недоумении переглядываемся.

— Нет! — раздраженно бросаю я. — Еще вообще ничего не решено.

Чандра лишь пожимает плечами.

— Думаю, это вам лучше обсудить с Кейтлин. — Ей явно не хочется упустить огромную комиссию от продажи платья. — Ваш жених уже оплатил его.

Глава 36

Сейчас

У нее дисковый телефон. Не имитация, нет — настоящий дисковый телефон. В тусклом свете луны я пытаюсь найти розетку. Лампу включать боюсь — не хватало еще привлечь внимание. Сунув ладонь за тумбочку, провожу по стене — ничего. Перелезаю через кровать и проверяю за второй тумбочкой — тоже пусто. Розетки ведь должны быть в каждой комнате!

Стоя на коленях, запускаю руку как можно дальше за изголовье кровати и наконец нащупываю, что мне нужно. Ровно в этот момент из коридора доносится какое-то бормотание.

Медленно поднявшись, я на цыпочках крадусь к двери и прислушиваюсь. Похоже на голос Эстер: звучит раздраженно, однако слов не разобрать. После каждой фразы следует пауза и вновь злобное шипение. Мужского голоса не слышно, значит, разговаривает она не с Ноа.

Звонит кому-то по телефону, которого у нее якобы нет? Или ей мерещатся голоса и она сама с собой беседы ведет? Ладно, сейчас не до того. Надо

позвать на помощь и как-то выбраться из этой дыры. Бросаюсь к кровати, просовываю провод за изголовье и, скрестив пальцы, втыкаю вилку. В трубке раздается сладостный гудок. Теперь надо умудриться в темноте бесшумно набрать на диске номер.

С оглушительным жужжанием набираю 911. Накрыв телефон подушкой, чтобы заглушить шум, я подношу трубку к уху. Видимо, что-то не так: звонок не проходит. Прежде чем попробовать заново, решаю позвонить Джею. Медленно вращаю диск, напряженно прислушиваясь после каждой цифры. Мне не часто приходится вбивать его номер вручную; надеюсь, не ошиблась.

Есть! Раздаются гудки дозвона. Затаив дыхание, жду.

— Давай, ответь, ну же! — шепчу я, отчаянно стискивая пальцами трубку. С каждым гудком сердце сжимается.

— Ответь уже! — молю я.

В трубке гудки, автоответчик не включается. Странно… Я вполне могу понять, что он занят с Грегом и поэтому не подходит к телефону, но с автоответчиком-то что?

Вешаю трубку. Ладно, может, в этой кромешной тьме я ошиблась номером. Прежде чем еще раз

набирать 911, решаю попробовать дозвониться до Лэйни и Мэлоди. Вдруг получится хоть чем-то им помочь? Набираю номер Лэйни — звонок проходит! После четвертого гудка включается голосовая почта.

— Привет, это Лэйни. Оставьте сообщение.

Коротко и ясно — в этом вся Лэйни.

— Привет. Пытаюсь связаться с вами.

Тут же понимаю, насколько глупо это звучит. А что сказать? *Надеюсь, ты не умерла?* Даже если она сможет перезвонить, у меня-то телефона нет!

— Надеюсь, с вами все в порядке… Не знаю, что произошло, но я сделаю все, чтобы вас найти. Я сейчас на старой ферме Томпсонов. Пытаюсь вас найти, — больше ничего в голову не приходит. — Ммм… пока.

Повесив трубку, слышу в соседней комнате ворчание. Вновь накрываю телефон подушкой и прислушиваюсь. Все замолкает. Выждав еще минуту, набираю номер Мэлоди, по-прежнему закрывая телефон подушкой, чтобы заглушить жужжание диска. Получается со второго раза.

— Мэлоди приветствует вас! Мне ужасно жаль, что пропустила ваш звонок. Оставьте сообщение, и я перезвоню, как только смогу! Оревуар!

Записываю еще одно бестолковое сообщение и задумываюсь, как быть дальше. Можно, конечно, позвонить маме, но не хочется ее напрасно пугать. Отцу звонить смысла мало: он отвечает через раз. Пожалуй, попробую еще раз набрать 911, и, если не получится, буду дозваниваться до Джея.

В этот раз звонок проходит, и после первого же гудка диспетчер берет трубку. Сердце бешено колотится, ладони вспотели.

— Здравствуйте, вы позвонили в службу спасения 911, что у вас случилось?

Прикрыв рукой трубку, я шепчу:

— Мне нужна помощь. Мои друзья пропали. Они ранены, и я не знаю, где они, — меня накрывает волной паники. — На улице жуткая метель и…

— Мэм, — прерывает диспетчер, — назовите, пожалуйста, ваше имя и адрес.

— А, да, конечно. Меня зовут Алекс Конли. Не знаю, какой здесь точный адрес, но улица…

Я не успеваю договорить — нас разъединяют.

— Алло? — бешено жму на рычаг. — Алло?

В трубке не слышно ни звука.

— Какого черта!

Наклонившись, я выдергиваю и заново втыкаю

вилку. По-прежнему тишина.

И тут под дверью загорается полоска света.

— Алекс, — издевательским тоном зовет Эстер. — Ты пыталась куда-то позвонить?

Глава 37

Август

Страшно визжат тормоза, и поезд останавливается.

— Ну и насколько это странно, по-вашему? — спрашиваю я.

Мы в вагоне все втроем — сразу после истории с платьем. Я еду домой — остаток дня поработаю удаленно.

Лэйни поудобнее перехватывает поручень.

— Он просто хотел сделать тебе приятное.

— Ну да, — соглашается Мэлоди, немного подвинувшись, чтобы пропустить других пассажиров. — Ты придаешь этому слишком большое значение.

— Не знаю…

Поезд трогается, и я внимательно слежу, чтобы мой мизинец не оказался вновь в опасной близости от чьих-нибудь каблуков. Лэйни покрепче хватается за ручку, а Мэлоди берется за вертикальный поручень — выше ей не достать.

— Получается прямо как в том фильме — «Красотка».

— Да, есть немного, — подтверждает Мэлоди.

— Словно он меня спасает… А мне спасатели не нужны! — или показушно сорит деньгами. *Она ничего не знает.*

Вагон подскакивает, и Лэйни пригибает голову.

— Верни его, и все. Выберешь платье, которое будет по карману твоей маме.

— А, кстати, что она сама говорит? — спрашивает Мэлоди, поправляя лямку рюкзака.

— Ну, ты же ее знаешь, — я пытаюсь удержать равновесие. — Не хочет, чтобы мы из-за нее ругались.

Какое-то время мы молчим. В другом конце вагона маленькая девочка что-то шепчет на ухо отцу, показывая пальцем в нашу сторону. Наверное, удивляется росту Лэйни. Мужчина улыбается.

— Думаешь, это попытка… тебя контролировать? — повернувшись ко мне, спрашивает Мэлоди.

Она, как всегда, попадает в яблочко. Пытается ли Джей и правда меня контролировать, или проявляет так свои чувства? Как в тот раз, когда я позвонила в бухгалтерию Стэнфорда узнать, почему с моей карты перестали списывать еже-

месячные платежи, а мне сказали, что мой долг перед университетом погашен. Кто-то заплатил за меня сто тысяч долларов.

— Не знаю, — искренне говорю я.

После некоторого молчания Мэлоди, роясь в рюкзаке в поисках жевательной резинки, спрашивает:

— Вы не задумывались, что, когда вот так едешь в поезде, все совершенно как в первой сцене фильма «Музыкант»?

— Нет, — в один голос отвечаем мы.

Маленькая девочка с другого конца вагона, держа что-то в руках, направляется к нам. По дороге она оглядывается на отца, и тот ее подбадривает. Немного не доходя до нас, она останавливается.

— Вы… вы… Лэйни Тревор?

— Ммм… — низким голосом отвечает Лэйни, — да.

Радостно улыбаясь, девочка протягивает ей листок бумаги и ручку.

— Можно взять у вас автограф?

Покраснев как рак, Лэйни бормочет:

— Да, конечно.

Поезд резко останавливается, и девчушка чуть не падает — Лэйни приходится схватить ее за воротник, чтобы удержать на ногах. Та тоже

краснеет.

— Спасибо, — говорит она.

Лэйни возвращает ей листок с автографом.

— Пожалуйста.

* * *

По дороге к дому я рассказываю Уайли про звонок Элая и письмо — не могу больше держать все в себе.

День выдался ужасно душный, от ливневок поднимается какой-то помойный запашок.

— Спроси у него, — советует Уайли. — Наверняка найдется логичное объяснение.

— Да я и сама знаю, что надо спросить, — соглашаюсь я, остановившись на углу подождать, пока мимо пронесется такси. — Только чем дальше, тем сложнее это сделать.

В трубке раздается хруст чипсов.

— Одно я знаю точно: если вы намерены пожениться, у вас не должно быть друг от друга секретов.

— Ну да, — усмехаюсь я, переходя дорогу в толпе людей. — Джози ты уже рассказал, как переспал с ее двоюродным братом?

— Всего однажды! — начинает защищаться Уайли. — Мы тогда даже не встречались. Да он

и вовсе не двоюродный брат. Троюродный или еще дальше.

— А, ну это, конечно, меняет дело.

— Не переводи разговор.

— Я не…

— Еще как! Слушай, все просто. Если ты ему доверяешь, спроси и постарайтесь вместе во всем разобраться. Или ты боишься, что он скрывает от тебя нечто ужасное? Что он скотоложец или типа того?

— Скотоложец?!

На мое восклицание оборачиваются прохожие: нью-йоркцев сложно удивить, однако, кажется, это перебор.

— Или типа того, — подчеркнуто повторяет Уайли. — Черт! Прости, мне пора бежать. Через три секунды совещание. Обещай, что поговоришь с ним.

— Ладно, ладно, поговорю.

Я как раз подхожу к дому и, повесив трубку, чувствую, как телефон снова вибрирует в руке — пришло сообщение.

Можем встретиться, но где-нибудь поближе ко мне. Я живу в Долине Гудзона.

Хорошо, спасибо. Назовите время и место.

Как насчет субботы?

Меня устраивает.

Отлично, тогда в час дня, бар «Купер», Дженесси-стрит, 1414.

До встречи.

Номер Адама Редмонда — отчима Николь.

Губы сами собой вытягиваются в улыбку — наконец-то хоть что-то получилось!

* * *

— Я ни в коем случае не хотел поставить тебя или твою маму в неловкое положение, клянусь!

Мы с Джеем сидим на диване, Бабушка устроилась на вышитой подушке рядом со мной. Джей нервно запускает пальцы в волосы.

— Поставь себя на мое место. Кейтлин сказала, тебе очень понравилось платье, и ты ужасно

расстроилась, что не можешь его купить.

От злости я стискиваю зубы.

— Ты хоть раз замечал за мной подобное поведение?

Джей смущенно пожимает плечами.

— Как будто нет.

— Значит, Кейтлин ввела тебя в заблуждение.

— Возможно. Или ее ввела в заблуждение продавец из магазина.

— Может, и так, — соглашаюсь я, и Бабушка прыгает мне на колени. — Как бы то ни было, мы с мамой выберем что-нибудь другое, — а про себя добавляю: и НЕ в магазине, который посоветовала Кейтлин. — Но спасибо тебе за заботу.

Джей кивает и хлопает себя по коленке, напугав кошку.

— Ладно, с этим разобрались, — облегченно вздыхает он, поднимаясь на ноги. — Остался самый главный вопрос: чем сегодня будем ужинать? Карри?

У меня с языка чуть не срывается, что это не самый главный вопрос.

Ты с ней покончил? Сейчас или никогда.

— Или хочешь китайской еды? — спрашивает Джей, неправильно истолковав мое молчание.

— Джей, мне нужно задать тебе один вопрос.

— Ла-а-адно, — выдавливает он, явно напрягшись из-за моего тона, и медленно опускается на диван.

Во рту все пересохло.

— Что? — встревоженно спрашивает он. — О чем ты хотела спросить?

— Когда мы дегустировали свадебное меню, — глубоко вдохнув, начинаю я, — мне на глаза случайно попалось сообщение от Элая. Твой телефон лежал экраном вверх, и оно высветилось, так что я невольно прочитала. Он спрашивал, покончил ли ты с ней.

Лицо Джея приобретает какой-то землистый оттенок, на лбу выступают капли пота.

— А на днях, когда я вернулась пораньше, услышала ваш с ним разговор, — о том, что рылась в бумагах у него в кабинете, лучше не говорить. — Ты сказал: «она ничего не знает». Честно, я не хотела подслушивать, так получилось.

Джей, опустив голову, молча смотрит на свои руки.

— Ну и, собственно, вопрос в том, о ком речь. Кто это — она?

Нахмурившись, он качает головой.

— Никто. Это… не то, что ты подумала.

Слова даются мне с трудом, однако если я не

сделаю этого сейчас, то, возможно, не решусь никогда.

— Ты замешан в каких-то махинациях? Вместе с Элаем? Что-то типа финансовой пирамиды?

Джей поднимает голову.

— Нет, конечно! Как тебе такое в голову пришло?

Пожимаю плечами. Надо дать ему возможность самому признаться.

— Или это как-то связано с криптой…

На секунду у него на лице появляется озадаченное выражение, однако он сразу поджимает губы.

— Ты про письмо? — прямо спрашивает он. Злости в его голосе нет — только досада. — Тогда ночью у меня в кабинете ты искала не пригласительные. Ты рылась в моих бумагах.

Меня захлестывает волной стыда.

— Но это правда? — тихонько спрашиваю я. — У тебя проблемы?

Джей секунду молчит, словно пытаясь взять себя в руки.

— Послушай, мы оба знаем, что Элай бывает довольно резким, и я прекрасно понимаю, почему ты ему не сильно доверяешь. Однако ничем противозаконным мы с ним не занимаемся, — он

вздыхает. — Ты, наверное, слышала, что рынок криптовалют обвалился.

— Кажется, слышала.

— У нас были вложены… определенные средства. Поэтому приходится отчитываться перед властями. Вот и все. Стандартная процедура, Алекс. В нашем деле такие письма все получают.

Я сосредоточенно глажу кошку.

— И кто же тогда «она»? Кого он имел в виду?

— Член совета директоров. Она… задает очень много вопросов, — Джей стискивает пальцами колени. — И правильно делает — у нее работа такая. Только Элай из-за этого нервничает.

Обдумываю его объяснение. Весьма правдоподобно: не исключено, что проблема действительно в назойливом члене совета директоров. Но почему тогда Джей усиленно старался все от меня скрыть?

— Алекс, мы должны доверять друг другу, иначе у нас ничего не выйдет, — Джей проводит рукой от себя ко мне. — Согласна?

Киваю.

— Да, согласна.

Он пристально смотрит на меня.

— Если ты считаешь, что тебе рано выходить замуж, ничего страшного… скажи прямо. Я люб-

лю тебя и хочу провести с тобой всю оставшуюся жизнь. Но если ты не готова на такой шаг, я пойму. Ты сейчас начинаешь собственную карьеру, и я знаю, как ты переживаешь из-за Грега, и…

— Я готова, — перебиваю я.

Джей прав: я должна ему доверять. Он полная противоположность Криса, а мама на его счет ошибается. Я действительно очень люблю его — точно знаю.

— Я готова, — повторяю я.

Глава 38

Август

Хотя следующим утром мы, как обычно, целуем друг друга на прощанье, некоторое напряжение все равно остается. Джей по понятным причинам обижается, что я рылась в его бумагах; я, конечно, чувствую себя виноватой.

И все же мне не дает покоя эта история. Такое ощущение, что Джей был со мной не до конца откровенен. Ладно, надо выкинуть все из головы и сосредоточиться на встрече с Адамом Редмондом — отчимом Николь. Сейчас он живет в Долине Гудзона, примерно в часе езды от своего прежнего дома, и работает учителем английского в старших классах. Я захожу в выбранный им бар, и после залитой ярким солнечным светом улицы глаза не сразу привыкают к царящей здесь темноте.

Внутри бар выглядит довольно удручающе: пустой и мрачный, словно торговый центр после закрытия. В углу стоит забытый всеми бильярдный стол, у другой стены — музыкальный автомат. Длиннобородый бармен протирает

стаканы — прямо-таки классический персонаж из фильма. За стойкой сидит один-единственный посетитель со стаканом в руках.

— Мистер Редмонд? — спрашиваю я, присаживаясь рядом, и, получив в ответ кивок, представляюсь: — Алекс Конли.

Надо признать, внешность у Адама Редмонда весьма приятная: высокий, широкоплечий, подернутые сединой светлые волосы, бледно-голубые глаза. Ему самое место на Уолл-стрит, а не в занюханном баре.

— Выпьете чего-нибудь? — спрашивает он, разворачиваясь лицом к стойке.

— Колу, пожалуйста, — прошу я бармена.

Адам залпом допивает содержимое бокала и стучит по стойке, показывая бармену, чтобы повторил. Тот понимает его без слов: похоже, Редмонд здесь завсегдатай.

— Так, — бросает Редмонд, и я чувствую исходящий от него легкий душок алкоголя.

— Так, — решительно отвечаю я и, улыбнувшись, кладу на стойку свой блокнот.

— Очевидно, у вас ко мне какие-то вопросы, — с ноткой презрительности продолжает он. — Что ж, спрашивайте, мне скрывать нечего.

— У меня был разговор с Эриком Майерсом, —

говорю я, пока бармен ставит передо мной стакан.

Редмонд морщится.

— Да неужто.

— Я собираю материал для выпуска в честь годовщины…

Адам горько усмехается.

— Годовщина та еще.

Терпеливо киваю.

— Понимаю, ему не очень-то можно доверять, и даже вполне вероятно, что он врет, однако… Майерс сказал, что у вас с вашей падчерицей были непростые отношения.

Адам дергает плечом и какое-то время молча смотрит на свой стакан, а потом говорит:

— Пожалуй, так.

Настолько откровенного ответа я не ожидала.

— Из-за?..

Он сжимает стакан в ладонях.

— Послушайте, что я вам скажу, Алекс Конли. Когда женишься на женщине с детьми, нравится тебе это или нет, детей тоже получаешь в придачу. Я любил ее мать. Безнадежно любил. А вот дочь полюбить, как ни ужасно, у меня не получилось.

Что-то мне эта ситуация напоминает…

— Скажу откровенно, как перед богом: я ей не нравился, и это было взаимно. Но убил ее, конечно, не я, — печально улыбнувшись, он показывает мне запястья. — Сами смотрите — никаких татуировок.

— Почему? Почему она вам не нравилась?

Надо сказать, его признание меня несколько поразило.

— Послушайте, — начинает Адам, отодвинув стакан в сторону. — Моя жена разве что не за святую ее держала. Но я-то видел… — Он облокачивается о стойку, и его лицо мрачнеет. — В ней было нечто порочное, нечто очень темное.

Я отпиваю колы. Не намекает ли он, что в ней сидел зверь? Тот самый, число которому 666?

— Что вы имеете в виду?

— Несдержанность, — сделав большой глоток, отвечает он. — Алкоголь, наркотики, секс — это все нечистые помыслы. И она потакала своим прихотям, — Адам медленно крутит в руках стакан. — Я хотел помочь ей, пытался что-то сделать. Разговаривал с ней о самоуважении и достоинстве, о том, что она должна блюсти собственную чистоту, — нахмурившись, он не сводит глаз со стакана. — Поздно. Ее уже невозможно было удержать, и, в конце концов, дьявол взял свое, —

подняв глаза на заставленные бутылками полки, Адам вздыхает: — Впрочем, как и всегда.

Я не знаю, что говорить. Можно, конечно, удариться в философский диспут о природе дьявола, однако, думается мне, что все рассуждения мистера Редмонда в конечном итоге сведутся к типичным женоненавистническим тезисам. Лучше сменить тему.

— Откуда у нее в кармане взялась записка с вашим именем?

— Не было там моего имени! — сразу ощетинивается он, поднося дрожащей рукой стакан к губам. — Надпись заляпана кровью, там могло быть что угодно: МАДАМ, например, или любое другое слово!.. Нет, это было не мое имя. Я уже говорил полицейским.

Делаю пометку в блокноте.

— Ладно, а где вы были в ночь убийства?

— Вы что, детектив? — слегка поерзав на стуле, Адам продолжает: — У меня была встреча. Полиция сняла с меня все подозрения, я даже полиграф проходил.

Он раздраженно машет рукой, давая понять, что тема закрыта, а я тщательно записываю все в блокнот. Надо проверить его слова, когда придет досье из полиции. Пока этот разговор не дал мне

никаких новых зацепок, и единственное, что я выяснила, так это что отчим с падчерицей друг друга недолюбливали. И все же меня несколько смущает его уверенность в собственной святости. А вдруг он пытался наставить Николь на путь истинный и переусердствовал? Впрочем, вряд ли Тоби на такое купится.

— Вам говорит о чем-то фраза «Откровение 13:18»?

Адам с улыбкой кивает.

— Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, — Сделав еще глоток, он добавляет: — Я знаю этот стих.

— Число его шестьсот шестьдесят шесть.

— Именно. Судя по всему, Эрику Майерсу эти строки тоже были известны.

— Угу.

Видимо, и здесь тупик.

— А Ли Джонс вы знаете? Еще одна его жертва.

Редмонд качает головой.

— Знаю только, что, когда она дала показания, полицейские наконец-то поверили, что я ни при чем, хвала Господу! Больше мне о ней ничего не известно.

— А как насчет Амелии Адамс или Анджелы Атвуд? С ними вы не были знакомы?

— Нет, дорогуша, ни одну из них не знаю.

Повисает тягостное молчание, и какое-то время мы сидим, потягивая из своих стаканов: я колу, он бренди. Потом Редмонд вдруг резко поворачивается ко мне.

— Алекс Конли, вы верите в Бога?

— Э-э-э… — от неожиданности запинаюсь я. — Думаю, скорее, да… Не знаю.

Он кивает и вновь отворачивается.

— Хотя бы честно…

Закрыв блокнот, я спрашиваю.

— А вы? Верите в Бога?

— Верил когда-то, — отвечает он и делает еще глоток.

Глава 39

Сейчас

Тупо таращусь на замолкшую трубку. Она что, провода перерезала?

— Я звонила в службу спасения. Мне нужно помочь друзьям.

— Да неужели? — доносится из-за двери приглушенный голос Эстер. — А может, ты пыталась Ноа во что-нибудь втянуть?

Пыталась Ноа во что-нибудь втянуть? Кладу трубку и решительно иду к двери, намереваясь поставить Эстер на место.

— Нет, я пытаюсь…

Дергаю ручку, но она не поворачивается.

— Эстер, выпустите меня немедленно! Слышите?

— Я сразу сказала ему, что от тебя будут одни неприятности, — недовольно ворчит Эстер. — В тот самый момент, когда увидела тебя. Ты такая же, как и та, Николь.

— Ладно, послушайте… — Я стараюсь говорить спокойно, чтобы убедить ее. — Клянусь, ваш сын тут вообще ни при чем. У меня и в мыслях не

было встречаться с ним. И вообще, у меня свадьба скоро, я же говорила.

Старуха в ответ лишь недоверчиво хмыкает.

— Эстер, у меня был девичник!

— Ну да, рассказывай.

Еще раз безуспешно дергаю ручку.

— Я не вру! Мои подруги в беде, они ранены!

Пару мгновений жду, не взыграет ли в ней сочувствие, однако слышен лишь странный металлический звук. Очевидно, ее не переубедить, так что нечего зря терять время.

— Ноа! Ноа! — кричу я, стуча кулаками в дверь.

— Замолчи сейчас же! — шепотом требует она. — Только попробуй разбудить его — пожалеешь.

— Ноа! — ору я еще громче, всем телом наваливаясь на дверь. — Ноа, помоги!

Ударив ногой в дверь, замечаю, что петли начинают шататься. Может, я и сама справлюсь? Еще раз с размаху бью ногой в дверь. Будь здесь Лэйни, она бы в два счета ее выломала.

— Предупреждаю, — рычит Эстер.

Продолжаю бить ногой в дверь. Из другого конца коридора доносится звук поспешных шагов.

— Какого черта! Что здесь происходит?

— Она заперла меня в комнате! — кричу я, наваливаясь на дверь.

— Господи, опять!

Опять?

— Ладно тебе, мам, убери его. Мы ведь уже говорили: это опасно, — в коридоре слышится какая-то возня. — Мам, хватит! Это плохо кончится, ты кого-нибудь ранишь.

— Она дьявольское отродье, сынок, — судя по голосу, Эстер пытается отбиться от него: — Ее нельзя выпускать.

— Господи, мам, прекрати! Прошу тебя! Немедленно!

За дверью явно происходит потасовка, ручка вращается туда-сюда.

— Для твоего же блага! — кричит она, наваливаясь всем телом на дверь.

— Мне придется вызвать доктора Сингха, — грозит Ноа. — Ты этого добиваешься? Теперь он точно выпишет тебе препараты, вот увидишь.

— Я не позволю ей навредить тебе! Ты опять сорвешься! А я-то знаю, чего тебе стоило прийти в норму!

Схватив рюкзак, я отхожу на несколько шагов и изо всех сил бросаюсь вперед. Петли слетают, дверь распахивается, и передо мной предстает

заспанный, удивленный Ноа и перекошенное от ярости лицо его мамаши. В руках у нее дробовик, и она направляет дуло в мою сторону.

— Мам, нет! — вопит Ноа, прижимая ее к стене, и кричит уже мне: — Быстрее! Беги отсюда!

Едва протиснувшись мимо них, я сломя голову несусь вниз по лестнице. На последней ступеньке я оступаюсь и подворачиваю ногу. Рыча от боли, хватаю висящие перед камином шапку, куртку и варежки и кое-как натягиваю на себя: они еще влажные, но хотя бы прогрелись.

— Мам, стой! — доносится крик Ноа.

Обернувшись, я вижу, как Эстер спускается вниз — гораздо быстрее, чем можно ожидать при ее больных ногах, — а Ноа бежит за ней по пятам. Дуло дробовика скачет вверх-вниз при каждом шаге. Залезаю в мокрые, холодные ботинки, рывком открываю дверь и бросаюсь прочь, задыхаясь от боли.

Бежать не получается: нога болит невыносимо, а на подошвы налипают огромные пласты снега. Хочется оглянуться, но нельзя терять ни секунды. Прихрамывая, продолжаю двигаться вперед. За спиной слышны приглушенные голоса.

— Для твоего же блага, сынок!

— Мам, нет…

Вперед, вперед! Как можно быстрее! Беги, Алекс, беги!

Сзади раздается выстрел.

Глава 40

Август

Прошла неделя, а на мой официальный запрос об Адаме Редмонде и Райане Джонсоне так никто и не ответил. Зато мне удалось наконец дозвониться до Райан — той, что женщина.

— Простите, — произносит она с явным лонг-айлендским выговором. — Не подумайте, что я скрываюсь, у меня просто… не лучшие воспоминания о том времени.

Я стучу ручкой по столу.

— Да, Райан предупреждал, что вы не обрадуетесь упоминанию о нем.

— Еще бы я обрадовалась! Этот козел меня триппером наградил.

Уайли гогочет, и я отключаю громкую связь.

— Понятно, — говорю я, делая пометки в блокноте. — Но вы уверены, что в ту ночь он был с вами?

Уайли жестом спрашивает, принести ли мне кофе, и я качаю головой.

— Конечно, уверена! Забудешь такое! — фыркает она, прибавив еще несколько непечатных

словечек.

Что ж, я бы на ее месте тоже не стеснялась в выражениях.

— Он провел у вас всю ночь? — спрашиваю я, хотя и понимаю, что не очень-то имею на это право.

Я перебираю в голове вопросы, какие обычно задают копы в фильмах, раз уж настоящие полицейские не удосужились проверить выдуманную Райаном историю. Это единственная возможность накопать что-то новое.

— Всю ночь? — повторяю я.

— Да, мать его. Всю ночь, — судя по звуку, она изо всех сил долбит по клавиатуре. — Естественно, когда я проснулась, его уже не было. Сказал, что ему на работу рано. Готова поспорить, побежал обратно к Клэр. Я тогда для него была запасным аэродромом.

В трубке раздается громкий чавкающий звук.

— Потом я его, конечно, послала куда подальше. Только вот этот засранец успел меня заразить.

Следует очередная порция ругательств, витиеватостью которых сложно не восхититься.

— Если вы звоните спросить, мог ли он убить Николь Уайт, ответ нет. Совершенно исключено.

Надо же, какая категоричность!

— И почему вы так в этом уверены?

— Потому что он идиот, — раздраженно бросает она. — Райан слишком тупой, чтобы совершить убийство, да еще и следы успешно замести, — снова чавкающие звуки и стук клавиатуры. — Да, он козел, но не убийца.

— Пожалуй, — соглашаюсь я, наблюдая, как Уайли пробирается на место со стаканом кофе. — Спасибо за информацию.

Что ж, еще один не самый приятный тип, который ну никак не может быть убийцей и у которого при этом нет алиби.

— Кстати, раз уж мы с вами разговариваем… Не в курсе, что значит надпись «Откровение 13:18 Адам»?

— Чего? — судя по голосу, мои расспросы ей уже надоели. — Что-то из Библии. Спросите у Райана, он ведь ходил с Николь в воскресную школу.

— Райан? В воскресную школу? Я думала, это Клэр ходила…

— Оба ходили, если мне не изменяет память, — она шумно прихлебывает. — Неудивительно, что Николь была такой безбашенной.

Спешно открываю чистую страницу в блокноте.

— Я в курсе, что Николь посещала школу, но

при чем тут ее безбашенность?

— Очевидно, это была форма протеста. Она не ладила с учителем. Не помню, как его звали, ну… этот… отчим ее.

* * *

— Думаю, полиции все это было известно, — скучающим тоном заявляет Тоби.

Она крутится на кресле из стороны в сторону, ноги едва достают до пола — словно ребенок, решивший поиграть в кабинете отца.

— Мне нигде про это не попадалось, — возражаю я, нервно вцепившись в подлокотники своего кресла. — Складывается впечатление, что расследование свернули, стоило им выйти на Эрика Майерса.

Тоби пожимает плечами, что, впрочем, непросто заметить под огромным блейзером.

— Хочешь сказать, у них не было оснований?

— Были, — признаю я, ежась под включенным на полную мощность кондиционером. — Я и не говорю, что он не убивал. Просто мне кажется, этим стоит заняться. Никто так и не смог объяснить, что значит записка со стихом из «Откровения»…

— Так ведь она тоже указывает на три шестерки, — с сомнением в голосе возражает Тоби.

— По всей видимости, — соглашаюсь я. — Однако это еще может быть связано с воскресной школой, куда ходили Николь, Райан Джонсон и Клэр — его бывшая. А преподавал там отчим Николь. Как-то слишком много совпадений получается.

Тоби задумчиво смотрит в сторону.

— Объясни еще раз. С кем встречался этот Райан? С еще одним Райаном?

Выдыхаю и подаюсь чуть вперед, поставив локти на колени.

— Так. Райан-мужчина познакомился в воскресной школе с Клэр, и они начали встречаться. Там же он встретил подругу Клэр, Николь, которую потом убили, и изменил Клэр с ней. При этом он продолжал спать с Клэр, а в ночь убийства незаметно выбрался из дома и изменил Клэр с Райан-женщиной. Но от нее он ушел рано утром. Куда — неизвестно. Может, поехал на работу, может, вернулся к Клэр, а может, встретился с Николь и убил ее. Ко всему этому следует добавить, что преподавателем в воскресной школе был отчим Николь.

Тоби удивленно присвистывает.

— А этот Райан-мужчина парень не промах, я смотрю.

— Да уж.

Впрочем, мораль всей истории заключалась не в этом.

— Ладно, предположим, это отчим. Или… Райан-мужчина. Любой из них.

— Ага, — подхватываю я, радуясь, что она хотя бы теоретически рассматривает такую возможность.

— Тогда при чем тут Ли Джонс? На нее ведь напали до убийства Николь. Какая тут связь? — Тоби вставляет карандаш себе за ухо. — И как насчет двух других девушек?

Повисает долгая пауза. Я уже думала над этим, однако ни к какому внятному объяснению не пришла.

— В случае с Николь я могу допустить, что убийца — отчим или бывший парень, — поджав губы, говорит Тоби. — А дальше? Он вдруг решил стать серийным маньяком?

Я потираю заледеневшие руки.

— Вина Эрика Майерса в убийстве тех девушек не доказана. Может, это вообще не его рук дело. Что, если нет никакого серийного убийцы, и все эти истории не имеют ничего общего? Остается тогда найти связь между Николь Уайт и Ли Джонс.

Карандаш Тоби падает на пол, и моя начальница лезет за ним под стол. Вынырнув обратно, словно Ариэль в мультике, она спрашивает:

— Ну и? Ты нашла связь?

Трясу головой.

— Городок у них маленький, всякое возможно.

Тоби задумчиво качает головой из стороны в сторону.

— Есть еще одна проблема. Как быть с татуировкой? — она вновь принимается кружиться в кресле. — Ни у Райана, ни у отчима ничего подобного нет.

— Да, тут загвоздка.

Посмотрев куда-то мимо меня, Тоби зажмуривается, а потом вновь обращается ко мне:

— А что говорит по этому поводу Ли Джонс?

— У меня пока не получилось с ней связаться.

В упор посмотрев на меня, Тоби глубоко вздыхает.

— Я не выделю на этот проект больше ни цента, пока ты хотя бы основного свидетеля не опросишь. У тебя осталось два месяца, Алекс, сделай уже что-нибудь.

Глава 41

Сейчас

От грохота следующего выстрела у меня чуть не лопаются барабанные перепонки. Втягивая ртом холодный воздух, я бегу изо всех сил, но все равно слишком медленно — словно во сне, когда за тобой гонится безумный маньяк, а ты еле-еле передвигаешь ноги. Только сейчас все по-настоящему.

Еще один выстрел. Крик. До меня не сразу доходит, что крик этот вырывается из моего же рта. Что-то падает рядом, поднимая фонтан снежных брызг, — пуля.

Под тяжестью налипшего снега ботинки чуть не слетают с ног. Я бегу зигзагами, чтобы сложнее было целиться, и пригибаюсь при каждом выстреле, представляя, как раскаленный метал разрывает кожу, позвоночник, легкие, ребра, а грудная клетка заполняется кровью.

Может, так мне и надо? Если я сама напала с ножом на друзей, будет справедливо получить пулю в затылок.

Тем не менее я не останавливаюсь. Пули вспа-

рывают снег вокруг меня, а я продолжаю бежать до смешного медленно, и все же с каждым шагом расстояние между нами увеличивается и попасть в меня все труднее. Выстрелы замолкают, однако обернуться я не смею. Даже если Ноа удалось угомонить мать, это ничего не значит. Я еще недостаточно далеко — пуля достанет.

Через какое-то время добираюсь до подъездной дорожки, на которой еще видны мои следы, наполовину занесенные снегом. Я стараюсь наступать прямо в них и немного ускоряюсь. Как же бесполезно я потратила время: не добилась ровным счетом ничего! Даром что не схлопотала пулю от выжившей из ума жены фермера.

Теперь можно и оглянуться. Дом, освещенный лунным светом, одиноко возвышается на холме. Ни Ноа, ни его матери не видно. Я немного замедляю шаг, чтобы перевести дыхание. Похоже, опасность миновала, а силы надо беречь — мне еще Мэлоди с Лэйни искать.

Задрав голову, я смотрю, как то появляется, то снова исчезает за облаками луна, и ледяной ветер обжигает оголившуюся полоску кожи на шее.

Достаю мой верный компас. Не стоит ли вернуться в охотничий домик? Вдруг они там, ждут меня? Ну да, или убийца…

Если только…

Нет! Гоню непрошеную мысль прочь. Я не могла этого сделать!

Бросаю последний взгляд на угрюмый дом позади и поворачиваюсь к не менее угрюмому виду прямо перед собой. Ветер кружит вихри снега. Выбора нет — надо возвращаться на дорогу. Может, еще какая-нибудь машина попадется.

* * *

Плетусь вдоль уходящей в бесконечность дороги. От адреналина, подскочившего, пока я спасалась бегством, ничего не осталось. Зато на ферме мне хотя бы удалось отдохнуть, согреться, немного подсушить одежду и утолить голод печеньем. И кофеин придает сил.

В отличие от физического, мое эмоциональное состояние оставляет желать лучшего. Вместо того чтобы сосредоточиться на задаче, мозг то и дело скатывается в самокопание, подсовывая мне все новые и новые картинки, от которых я тщетно отмахиваюсь: кровь, пропитавшая овечью шкуру; кровавые брызги на подушках; резинка с прилипшими к ней волосами Лэйни; длинное острое лезвие, блестящее от крови; теплая рукоятка ножа в моей ладони; рука поднимается и…

— Хватит! — кричу я сама себе. — Хватит! Хватит!

Усиленно моргаю, чтобы отогнать видения, зажмуриваюсь, вновь открываю глаза. Вокруг снег. Снег, снег, бесконечный снег.

И тут я кое-что замечаю: едва различимое темное пятно в ареоле света. Пятно растет, становится слышен гул мотора. Мне страшно даже пошевелиться: а вдруг это мираж, и стоит мне махнуть рукой, он исчезнет?

Темное пятно превращается в машину.

Осторожно выхожу на дорогу. В прошлый раз мне сильно повезло — я могла и не очнуться после удара головой. Сейчас надо быть внимательнее. Машина все ближе, я уже слышу мерный рев двигателя, шуршание колес и скрип дворников. Ближе, ближе, и вот передо мной пикап — теперь это совершенно точно не серебристый седан.

Я неуверенно машу рукой, и автомобиль замедляет движение, а потом и вовсе останавливается, окруженный облаком выхлопных газов. Сердце трепещет от радости. Машина остановилась! Неужели мне, наконец, повезло!

Стекло опускается, и водитель, перегнувшись через пустое пассажирское сиденье, спрашивает:

— Подвезти?

Глава 42

Сентябрь

— Лилии?! — в ужасе спрашивает мама, выговаривая слово так, будто это ругательство.

— Не знаю, — рассеянно бормочу я.

Я пытаюсь «сделать уже что-нибудь», как выразилась Тоби, и мне сейчас совершенно не до свадебных приготовлений. Хотела спросить у Райана насчет воскресной школы, а он не берет трубку. По-прежнему безуспешно пыталась связаться с Ли Джонс. И хорошо бы еще Адама Редмонда спросить про школу, однако — надо же, как удивительно! — он тоже не отвечает на мои звонки.

С запиской разобраться по-прежнему не получается. Кажется, эта затея исходно обречена на провал. Даже если на бумажке действительно записан пароль (в чем, опять же, уверенности нет), выяснить, от чего он, не представляется возможным.

— Ты вроде бы говорила, что хочешь розы, — до безумия раздражающе ноет мама.

— Какая разница, мам, — бросаю я, разглядывая

увеличенную фотографию слова АДАМ в книге. Неужели Адам Редмонд прав, и кровь залила остальные буквы? МАДАМ? Все равно ничего не понятно. — Видимо, Кейтлин решила, что они лучше подходят к убранству ресторана, и Джей с ней согласен.

Мама молчит. Я прекрасно знаю, о чем она думает. *А чего хочет Алекс?* Только вот Алекс нет никакого дела до цветов.

— Честно, не думаю, что будет сильно хуже.

Я вбиваю имя Эрика Майерса в «ТикТок», и поиск выдает мне тринадцать профилей, ни один из которых, впрочем, ему не принадлежит. Десять лет назад, пожалуй, и «ТикТока» еще не было.

— Ладно, раз тебе нравятся лилии… — разочарованно тянет мама.

Я глубоко вздыхаю.

— Мам! Выбери пока розы, они тоже очень хорошо смотрятся. Буду крайне благодарна, если ты этим займешься.

— Ой, хорошо! — радостно откликается мама. — Подожди, мне флорист звонит по другой линии. До связи!

Она кладет трубку, а я продолжаю шерстить почтовые сервисы, Yahoo, WhatsApp и даже AOL. В ходе следствия полицейские проверяли почту

Майерса, однако ничего подозрительного там не нашли. Не думаю, что у него есть еще один ящик — компьютерным гением его точно не назовешь. И вряд ли он умеет пользоваться зашифрованными сайтами или менять IP адреса. Продолжаю перебирать возможные варианты логинов, и тут ко мне подсаживается Уайли.

— Как жизнь?

— Никак. Чуть не поругалась с мамой из-за того, какие цветы должны быть на свадьбе: выбор между розами и лилиями.

— Надеюсь, вы остановились на лилиях, — говорит Уайли, делая глоток кофе. — Розы старомодны.

— Спасибо, ваше мнение крайне важно для нас и не будет принято к сведению.

Я прокручиваю выпуск «Краймлайна» десятилетней давности, пытаясь найти фрагмент с запиской, хотя, помнится, ничего полезного там не было. Они лишь сыпали различными догадками и предположениями, нагнетая интригу в фирменном стиле Флетчера Фокса.

— Кстати, — стягивая с волос резинку, Уайли поворачивается ко мне: — Что сказал твой мачо насчет тех сообщений? И не говори, что «забыла» спросить.

— Нет, не забыла, — отвечаю я, отпивая из чашки с изображением Бабушки. — Я идиотка, понавыдумывала всякого, а это стандартное письмо, никаких финансовых пирамид нет.

Уайли собирает волосы в хвост.

— Издержки производства, надо полагать, — бросает он и отворачивается к своему компьютеру.

Уайли сейчас занимается делом жены, убившей мужа за измену.

Наконец я нахожу нужный мне фрагмент видео. Все именно так, как я и думала, — никакой полезной информации. Камера то подъезжает ближе, то удаляется, и меня начинает от этого мутить.

— Уф, все без толку.

— Сделай перерыв, — предлагает Уайли.

Широко потянувшись, он начинает петь «Сделай перерыв» из «Гамильтона». Надо сказать, Уайли никогда не упустит случая спеть что-нибудь из этого мюзикла.

Он все еще продолжает петь, и тут приходит спасение в виде Бенджи — худенького, застенчивого разносчика писем. Уайли, замолчав, принимается разбирать корреспонденцию. Я следую его примеру и проглядываю свою неболь-

шую стопку. Буклет с рекламой круиза на Гавайи вместе с каталогом магазина одежды сразу летят в мусорку (Кейтлин продолжает слать эти брошюры, хотя я сказала Джею, что мы скорее разведемся, чем поедем в круиз).

Тут на глаза мне попадает конверт с написанным от руки адресом. Сразу вспоминается, что подобный я получила несколько месяцев назад от Эрика Майерса. Однако здесь не указан обратный адрес — значит, письмо не от него.

Один наш преподаватель на факультете журналистики, помнится, говорил, что лучшие наводки приходят оттуда, откуда вообще не ожидаешь. Поэтому я вскрываю конверт и достаю сложенный втрое листок бумаги.

Внутри большими корявыми буквами, словно кто-то неумело рисовал пальцем, написано:

666
ТЫ СЛЕДУЮЩАЯ ТВАРЬ

Спустя мгновение я понимаю, что текст написан не краской.

Это кровь.

* * *

— Отправим в лабораторию, пусть определят ДНК, — говорит Хуанита, рукой в перчатке придерживая записку. — Понадобится время. Недели две, не меньше.

— Ладно, — откликаюсь я. Сердце только-только перестало бешено колотиться. — Думаешь, ее послал тот же человек, что и ту первую, с цветами?

— Возможно. Ее мы еще раз тщательно изучим, хотя вряд ли получится найти что-то новое.

Пытаюсь продумать возможные варианты. В тюрьме такое бы не пропустили. Кто тогда? Адам Редмонд? Нет, он, вероятно, посчитал бы подобное ниже своего достоинства. Райан Джонсон? Опять же, он производит впечатление легкомысленного, но безобидного человека. Хотя, с другой стороны, он наврал насчет воскресной школы, и алиби у него нет.

Конечно, нельзя отметать вероятность, что это кто-то из «Твиттера» или очередной психопат с форума «Диванных детективов».

— Что думаешь? — спрашиваю я Хуаниту. — Может, я разворошила осиное гнездо?

Та пожимает плечами, заклеивая полиэтилено-

вый пакет с запиской.

— Не исключено, что это операция под чужим флагом.

Она протягивает мне бутылку воды.

— В смысле?

Я откручиваю крышку и дрожащей рукой подношу бутылку к губам.

— Довольно стандартная схема. Заключенный подговаривает кого-то из своих приятелей на свободе отправить письмо с угрозами. Выглядит так, словно кому-то еще очень не нравится, что ты суешь нос не в свое дело. Тогда логично предположить, что исходный подозреваемый…

— Эрик Майерс.

— Да. И получается, что он невиновен.

Секунду раздумываю над ее словами. Не знаю уж, много ли у Эрика Майерса «приятелей» на свободе. Мимо проходит сын директора в своей всегдашней футболке и машет нам рукой в знак приветствия. Мы обе делаем вид, что не заметили.

— Как бы то ни было, отпечатки тоже снимем. Если понадобится, проведем почерковедческую экспертизу, — Хуанита зевает, прикрывая рот кулаком. — Дай знать, если еще что-то подобное получишь.

— Хорошо.

Пожалуй, больше ничего не сделаешь. Если это и правда операция под чужим флагом, значит, убийца Эрик Майерс. Но что, если все обстоит по-другому? Что, если я вот-вот докопаюсь до истины, и кому-то это очень не нравится?

Уж как минимум Тоби может посчитать это убедительным аргументом не закрывать проект.

Глава 43

Сейчас

Не в силах вымолвить ни слова, я киваю.

Мне все это снится, так не бывает! Это какое-то невероятное везение, что мимо проезжала машина, и водитель остановился. Я не замерзну насмерть, найду подруг, нас спасут, и мы все наконец окажемся в безопасности.

— Залезай, — командует водитель. На вид ему лет сорок, армейская стрижка, темные с проседью волосы, щеки и раздвоенный подбородок заросли щетиной. — Нечего в такую погоду на улице делать.

Секунду колеблюсь, пытаясь оценить вероятность того, что он попытается меня убить. Впрочем, выбора нет. Я неуклюже лезу внутрь. На подножке нога соскальзывает, и я едва не падаю.

— Осторожнее, — говорит водитель, протягивая мне руку.

Даже сквозь варежки я чувствую, какая теплая и плотная у него ладонь, и от этого его жеста удивительным образом расслабляюсь.

— Стив, — представляется он.

— Алекс, — отвечаю я, переводя дыхание.

Меня окутывает тепло салона. Стив поднимает стекло, и машина заполняется запахом автомобильного ароматизатора. Легкие не сразу адаптируются к прогретому, пропахшему химией воздуху, и я закашливаюсь. Часы на панели показывают 3:10.

— Все в порядке? — спрашивает он, кивая на мое лицо. — У тебя губа опухла.

— Да, — задыхаясь от кашля, выдавливаю я. — Упала.

— Хм. Куда направляешься?

Стив выруливает с обочины. Под облегающей черной футболкой выступают мощные мышцы. На зеркале висят солдатские жетоны. Он похож на актера из какого-нибудь пошлого сериальчика про «морских котиков».

— Я…

Даже не знаю, что ответить. Можно вернуться в домик… И что мне это даст? А если там убийца?

— Честно говоря, у меня проблемы, — по-прежнему дрожа от холода, признаюсь я. — Будет здорово, если вы подбросите меня до полицейского участка.

— В полицию? — как-то испуганно переспрашивает он.

Его огромные ладони сжимают руль, и я вижу на мизинце внушительное кольцо с голубым камнем, вокруг которого идет гравировка: «Армия США». Не «морской котик», но довольно близко.

— Что у тебя стряслось? — спрашивает Стив.

Я отвечаю не сразу.

— На моих друзей напали.

Он удивленно поднимает брови.

— В каком смысле напали?

— Мы сняли домик через сайт, и к нам кто-то ворвался, — начинаю я. — Не знаю, что именно произошло, только… моих подруг похитили, — меня душит кашель. — А потом я оказалась на ферме и…

— Погоди, — Стив поднимает руку, — успокойся, отдышись, — он делает глубокий вдох и выдыхает, призывая последовать его примеру: — Давай начнем с самого начала.

— Ладно, — медленно выговариваю я.

Из печки идет горячий воздух, становится жарковато. Я расстегиваю куртку.

— Мы с подругами сняли охотничий домик. Выпили лишнего. — Пожалуй, не стоит упоминать при нем «Белую вдову». — Отмечали мой девичник.

— Поздравляю, — кивнув, вставляет он.

— Спасибо, — мне сейчас не до обмена любезностями. — Я проснулась в душе, в другой комнате. Понятия не имею, как там оказалась, может, ходила во сне, — про расстройство поведения во сне тоже рассказывать не буду — слишком долго объяснять. — Когда я вошла в гостиную, там все было в крови, — от горячего воздуха в носу пересохло, — а моих подруг нигде не было.

Глаза Стива расширяются.

— Кровь, говоришь?

Киваю.

Стив стучит большим пальцем по рулевому колесу.

— И сколько вас было? — спрашивает он, по-военному сразу переходя к делу.

— Кроме меня, двое. Лэйни и Мэлоди, мои лучшие подруги.

— Так.

Он держится обеими руками за руль, прямо как по учебнику, и это странным образом напоминает мне о тех временах, когда отец учил меня водить машину. В горле першит, и я снова закашливаюсь.

— И они пропали, — уточняет Стив, — а повсюду в помещении была кровь. Так?

— Да, много крови, — чувствую себя как в

дурацком сериале про полицейских. — Мы остановились в «Хоббс Лодж».

На лице Стива появляется презрительное выражение.

— Дом 666? Вы, что ли, из тех, кто с ума сходит по всяким историям про маньяков?

Горячий воздух дует мне прямо в лицо.

— Это было частью… вечеринки. Они думали, получится забавно.

— Молодую девушку зарезали как свинью, — говорит Стив, навалившись на руль. — Уписаться можно от смеха.

Я оттягиваю пальцем воротник свитера — шея вспотела.

— Нет, конечно, веселого мало, вы правы. И все же… Им, вероятно, требуется помощь. Поэтому мне и надо в полицию.

Стив кивает, не говоря ни слова. Понятия не имею, куда мы едем. Он нервно стучит пальцами по рулю, и кольцо тихонько позвякивает.

— Или я могу позвонить, если у вас есть телефон.

Он по-прежнему молча смотрит вперед на дорогу. На лице явное сомнение.

Тут мне приходит в голову, что я ничего не знаю об этом парне. Вдруг у него есть причины лишний

раз не привлекать к себе внимание полиции?

— Послушайте, — я сглатываю, — не надо в участок. Дайте мне телефон. Я позвоню и все, вы тут вообще ни при чем.

Он слегка косится в мою сторону.

— Звонить-то ты будешь с моего номера.

— Мы скроем номер. Высадите меня где-нибудь, где есть адрес, и полицейские за мной приедут.

Стив прикусывает губу — видимо, обдумывает мои слова.

— Откуда мне знать, что ты все это не сочинила? — Он поворачивает голову, и свет фонарей отражается в его карих глазах. — На тебе ни пятнышка крови.

— Ну да, я ведь все смыла.

Я уже почти забыла об этом, а сейчас перед глазами встает картинка: я маниакально намыливаю руки, и в раковину стекает красная от крови пена. Однако его замечание наводит меня на новую мысль, которая пусть немного, но успокаивает. Будь это моих рук дело, я вся была бы в крови, а на руках остались бы порезы. Вспоминаю наши разговоры с Эриком Майерсом — словно из другой жизни. *На мне нашли бы что-нибудь. Кровь, пот…* И все же я помню ощущение рукоятки ножа в своей ладони, вижу, как опускается

моя рука.

— Мне всего лишь нужно позвонить.

Секунду Стив пристально смотрит на меня, а потом, вздохнув, нерешительно достает из кармана телефон. Однако, прежде чем он успевает отдать его мне, раздается шум радиопомех.

Поступило сообщение, код 10–22. Повторяю, код 10–22.

Голос доносится из небольшого устройства на панели. Я показываю на него пальцем.

— Это… это…

— Да, приемник настроен на полицейскую частоту, — кивнув, подтверждает Стив. — Предпочитаю быть в курсе событий.

И это меня он называет помешанной? Ладно, пожалуй, лучше не комментировать — телефон он по-прежнему держит в руке. Вспомнив, чему нас учили в университете, решаюсь прибегнуть к лести.

— Надо же, — стараясь придать голосу слащавые нотки, говорю я. — Вы знаете, что значит каждый код?

— Ага.

Стив кладет телефон на кресло рядом с собой, и я едва сдерживаюсь. Стоит лишь протянуть руку…

— Знаешь, например, что значит 10–22? — спрашивает он с некоторым самодовольством.

— М-м-м… — я не свожу глаз с телефона. — Нет. Что?

Из приемника вновь доносится перемежающийся помехами голос.

…возможно, вооружен и крайне опасен. Белый мужчина…

— Побег из тюрьмы, — говорит Стив и, постучав пальцем по виску, добавляет: — Все здесь, все коды до единого.

Меня прошибает холодный пот.

— Простите, вы сказали…

— Да, 10–22, побег.

Глава 44

Сентябрь

— По-моему, нельзя это так оставлять, — говорит Джей, приподнимаясь на локтях. — Сначала цветы, теперь письмо. Всему должен быть предел.

На улице еще жарко, и мы лежим на одеяле, читая перед сном и периодически переговариваясь. Джей спит без майки, так что рядом со мной сейчас в буквальном смысле модель из рекламы мужского белья.

— Мне не нужна охрана, — отвечаю я, уткнувшись в очередной триллер.

Джей вздыхает.

— Хотя бы подумай над этим, — просит он, листая на планшете журнал по экономике. — Ради меня.

— Ладно.

Улыбнувшись, я возвращаюсь к книге.

— Странно это все, конечно.

— Что тебе приходят письма, написанные кровью? Да уж, странно — не то слово! — Джей барабанит пальцами по планшету.

— Да нет, я про эту историю с отчимом, — мы обсуждали ее чуть раньше. — Что Адам был учителем в воскресной школе.

Приходит новое сообщение. Взяв с тумбочки телефон, я вижу фотографию двух вариантов роз, которые по цвету едва отличаются друг от друга. «Брайдал Акито или Ла Перла? — спрашивает мама. — Если очень хочешь, можно оставить лилии». Показываю картинку Джею.

— Брайдал Акито, — с непоколебимой уверенностью заявляет он.

Джей всегда все делает и говорит с непоколебимой уверенностью. Если бы ему пришлось сажать самолет, он бы и это сделал с непоколебимой уверенностью. Правда, надо отметить, что управлять самолетом Джей как раз умеет.

— Кстати, моя мама тоже предпочитает розы, а не лилии, — добавляет он.

Я улыбаюсь — теперь Джей всячески старается меня задобрить. Его мать меня терпеть не может, однако воспитание не позволяет ей заявить об этом в открытую. Когда мы впервые созванивались с ней по видео, она натянула на лицо улыбку, холоднее которой мне видеть еще не приходилось, а как только речь зашла о бывшей жене Джея, Эмили, моментально растаяла. Справедли-

вости ради, моя мама Джея тоже не жалует.

И тут мне в голову приходит новая мысль.

— Мамы…

Я так сосредоточилась на отчиме, что даже не подумала о матери!

— Да уж, — отзывается Джей. — Что бы мы без них делали…

Выключив планшет, он кладет его на тумбочку.

— Я не об этом. Может, мама что-нибудь знает…

Джей поворачивает голову.

— Знает о чем?

— О записке с «Откровением».

Возможно, в полной версии интервью что-то есть. Вдруг она упомянула важную деталь, а никто просто не обратил внимания?

— А, ты об этом… — В голосе Джея слышится усталость. Подняв руку, он смотрит на часы. — До завтра потерпит? Уже полночь.

— Да, ты прав, лучше завтра.

Отложив книгу, я собираюсь погасить свет и отправиться в другую комнату спать, как вдруг мне приходит в голову, что рядом со мной вообще-то модель из рекламы нижнего белья. Слегка улыбнувшись и получив улыбку в ответ, я прово-

жу ладонью по его животу.

— М-м-м-м…

Джей поворачивается и принимается целовать мне шею и лицо, щекоча меня своей бородой.

— М-м-м-м… — мурлычу я в ответ, стягивая с него трусы.

Я глажу ладонями его мускулистые бедра и едва успеваю переводить дыхание между поцелуями, а Джей коленом раздвигает мне ноги.

* * *

— Нет! — воплю я, отталкивая его.

Неизвестный в балаклаве пытается ударить ножом Бабушку. Я тяну его назад, а он продолжает махать лезвием, так что мне приходится бить изо всех сил. Больно ударяюсь костяшками пальцев. Из-под балаклавы течет кровь, однако он все еще рвется убить мою кошку, и я продолжаю лупить его кулаком: разбиваю сначала губу, потом глаз…

Просыпаюсь от того, что бью кулаком в стену, и сажусь, хватая ртом воздух. Пижама промокла от пота. Мои удары пришлись буквально над головой у мирно спящего Джея. Бабушка приоткрывает один глаз и вновь засыпает, даже не подозревая, как отчаянно я пыталась ее спасти.

Словно в тумане, разглядываю свой кулак: средний палец уже покраснел и немного опух.

Нервно потирая руку, вылезаю из постели. Пытаться заснуть больше нет смысла: я либо всю ночь пролежу с открытыми глазами, дергаясь от каждого звука, либо, что еще хуже, действительно засну, и мне опять приснится то же самое.

Тихонько выйдя из комнаты, проверяю телефон, и яркий свет экрана бьет в глаза. Вновь высветившаяся картинка с розами напоминает мне, о чем я думала, прежде чем отвлеклась на кубики пресса на животе у Джея.

Моя мама, его мама, мама Николь Уайт. Откровение 13:18 АДАМ.

Раз уж спать больше не придется, можно и поработать. Иду в гостиную, где на столе с вечера остался ноутбук. Включаю его, и комната заполняется мерным гулом и бледноватым светом. Зевнув, открываю полную версию старого выпуска «Краймлайна» и прокручиваю до интервью с родителями Николь Уайт. Вооружившись блокнотом и сбавив громкость, чтобы не разбудить Джея, запускаю видео.

Глава 45

Сейчас

Стив выключает приемник, и я чуть не падаю от неожиданности: все это время я усиленно вслушивалась, практически прижавшись ухом к динамику.

— Включите, пожалуйста! Я хотела услышать имя заключенного! — с нотками паники в голосе прошу я. — Или хотя бы из какой тюрьмы он сбежал.

— Не волнуйся, ничего страшного не случится.

— Угу… А неизвестно, где это произошло? Где-то поблизости?

Я уже готова сама включить приемник.

Стив чешет заросший щетиной подбородок.

— Не, это где угодно могло быть. Приемник улавливает сообщения из разных штатов: Пенсильвания, Нью-Джерси…

Он кладет правую руку на спинку моего кресла, и я отодвигаюсь подальше.

— Послушайте, — видимо, придется рассказать все, как есть, — я работаю стажером в «Крайм-лайне». Мне поручили собрать материал по

одному делу и провести ряд интервью с заключенным. Этого заключенного зовут Эрик Майерс.

Делаю паузу, чтобы до него дошло.

Стив перестраивается в соседнюю полосу.

— И что? Я должен его знать?

— Он убийца 666! — Мое терпение на исходе. — Я разговаривала с ним, неоднократно, и теперь думаю, не он ли совершил побег? Потому что тогда он мог вернуться на место преступления. Я понятия не имею, что у него на уме, — вдруг он решил мне отомстить!

Стив хохочет.

— Хочешь сказать, он помчался в «Хоббс Лодж», чтобы похитить твоих подруг?

— Ну да, — потухшим голосом отвечаю я.

В его представлении и правда смешно. Однако так ли это неправдоподобно по сравнению с другими вариантами? Например, что это все моих рук дело? Или Криса? Или других моих подозреваемых: Адама Редмонда и Райана Джонсона?

— Знаешь, что я по поводу всего этого думаю? — спрашивает Стив и, не дождавшись ответа, продолжает: — Думаю, у тебя не все дома.

Делаю глубокий вдох.

— Спасибо, конечно…

— И знаешь, что еще? — Смерив меня взглядом,

Стив, похоже, принимает решение. — Вот что мы сделаем.

Он резко разворачивает машину, и я еле сдерживаюсь от крика, ударившись больной ногой о дверь. Выровняв руль, Стив с неприятной усмешкой вновь обращает взгляд на меня.

— Мы поедем в тот дом и посмотрим, не наврала ли ты.

Он убирает телефон в карман, и сердце у меня падает. Ладно, хотя бы мы едем обратно к дому. Может, убедившись в том, что все правда, он мне все-таки поможет. Даже если убийца там, я буду не одна, а с бывшим военным.

— И если ты наврала, — резко бросает Стив, — я буду очень зол.

* * *

Надо сказать, Стив совсем не торопится: мы движемся словно в замедленной съемке.

— Послушайте… — Я поднимаю руку и ударяюсь локтем о переднюю панель так, что боль пронизывает все тело. — Может, вызовем полицию? Они как раз приедут, пока мы доберемся.

— Нет, я хочу сперва сам посмотреть, а потом уже будем вызывать копов. Не стоит попусту гонять полицейских в такую метель.

Я молчу, и мы продолжаем ползти вперед. Стив включает какую-то радиостанцию, где крутят классический рок, и из динамиков раздается песня Lynyrd Skynyrd. Я нетерпеливо барабаню пальцами по панели, и через какое-то время Стив бросает на меня недовольный взгляд — его явно это раздражает.

Минута за минутой уходят впустую. Телефон у него из кармана мне не вытащить. Ладно, хотя бы приедем скоро — возможно, сейчас это все, что я могу сделать.

И все же надо быть начеку. Вглядываюсь во тьму в надежде увидеть хоть что-то знакомое. Местности я не знаю, лишь смутно помню, что мы проезжали мимо старого, брошенного на обочине трактора, занесенного снегом. А еще был огромный белый крест с надписью «Иисус любит тебя, и я тоже». За пеленой снега ничего не видно. Вполне возможно, что мы едем вообще не туда. Уныло вглядываюсь в заснеженную темноту, слушая, как Стив Миллер призывает нас хватать деньги и валить[14]. Мимо проплывает старый облезлый щит с рекламой водки, и я выпрямляюсь на сиденье — его мы точно проезжали. Значит,

---

[14] Сноски: 14
Песня «Take The Money And Run».

до охотничьего домика осталось совсем немного, скоро будет поворот. Впервые с того момента, как села в машину, я позволяю себе немного расслабиться.

Только вот мы все едем дальше, и поворот остается позади.

— Ммм… По-моему, мы пропустили съезд к дому, — осторожно замечаю я, стараясь, чтобы в голосе не было паники.

Стив бросает взгляд в зеркало заднего вида.

— Ага, надо сперва еще кое-куда заехать.

Сердце пускается вскачь.

— Знаете, я, пожалуй, как-нибудь сама справлюсь, без телефона. Езжайте по своим делам, а я доберусь — отсюда мне дорога известна.

Он не сбавляет скорость.

— Мы быстро. У меня тут друзья неподалеку. Давай сначала к ним заедем.

Его слова однозначно не сулят ничего хорошего.

— Мне надо как можно быстрее найти своих подруг, — настаиваю я.

— Найдем, чуть позже, — Стив лавирует по дороге в поисках менее заснеженных участков. — Вы напились, от тебя несет травкой… Ты, похоже, любишь повеселиться. Мои друзья тоже не прочь

хорошо провести время. Думаю, вы быстро найдете общий язык.

Внутри все сжимается.

Стив треплет меня по щеке.

— Расслабься, будет весело.

Машину резко заносит на обледенелом участке, и Стив, схватившись за руль, бьет по тормозам. Несколько секунд мы по инерции скользим вперед, а потом останавливаемся, застряв колесами в сугробе.

— Вот черт!

Ни секунды не раздумывая, я открываю дверь, и в кабину врывается ледяной ветер.

— Эй! — кричит Стив. — Куда собралась!

Он бросается на меня, и я, отбиваясь изо всех сил, пинаю его ногой в пах. Стив, словно раненый зверь, издает страшный вопль, корчась от боли.

— Спасибо, что подбросил, — ору я и, пользуясь тем, что ему не до меня, хватаю варежки и вываливаюсь на улицу. Поскользнувшись на подножке, я падаю, сильно ударившись копчиком об асфальт, однако времени нет, надо подниматься.

— Ах ты тварь! — рычит Стив, выбираясь из машины. — А ну, иди сюда!

Я бросаюсь бежать.

— Вернись! — доносится мне вслед.

Слова эхом разлетаются в темноте ночи.

Глава 46

Сентябрь

— О, она была для меня отрадой, — с горькой улыбкой произносит Донна Уайт. — С самого момента, как появилась на свет.

Записывать нет смысла — эта фраза звучит в каждом подобном интервью и уже превратилась в клише. О погибшем ребенке всегда говорят, что он был «отрадой с момента появления на свет». Ладно, может, я просто немного устала.

— Ее любили сверстники? — противным скрипучим голосом спрашивает Флетчер Фокс.

— Да, очень любили. В нашей семье она была самой общительной, люди к ней тянулись.

Флетчер Фокс кивает, изобразив на лице сочувствие.

— Я так понимаю, училась она тоже хорошо.

— Очень, — подтверждает Донна Уайт.

— Она была невероятно умная, — вставляет сестра Николь, Келси Уайт.

Она сидит рядом с матерью и кивает практически на каждое ее слово. Они с Николь похожи, только Келси, как это часто бывает, менее при-

влекательна.

— Она занималась с другими ребятами из школы, давала уроки… Бесплатно.

— Да, действительно, — вторит ей мать, мечтательно улыбаясь. — В этом вся Николь. Всегда старалась помочь другим. Такая вот у нее была… натура.

Возникает ощущение, что все «интервью с матерью» написаны под копирку. Гибель ребенка разбивает семьи. Жертву причисляют к лику святых, а всем остальным уже никогда не достичь ее уровня. Келси теперь всегда на вторых ролях: во время интервью, дома, везде — всю оставшуюся жизнь. Ей не посчастливилось остаться жить в мире, в котором больше нет Николь.

Все это мне прекрасно известно, потому что именно так вышло с моей мамой. Для ее сестры воздвигли алтарь на каминной полке, и у мамы не было никаких шансов побороться за бабушкину любовь. Дедушка, в конце концов, сдался, ушел из семьи и переехал на другой конец страны. А мама вышла замуж за человека, который в итоге поступил с ней точно так же.

Убивая молодых девушек, маньяк убивает целые семьи. Кровавые отпечатки остаются не только на орудии убийства — они отчетливо

видны еще на нескольких поколениях родных жертвы.

— Какие у нее были увлечения? — спрашивает Флетчер Фокс, теребя седеющую козлиную бородку.

Миссис Уайт улыбается, услышав вопрос.

— О, проще назвать, каких не было! Она играла в волейбол и теннис, любила читать. Ей все легко давалось, — на секунду она погружается в воспоминания и потом со смехом добавляет: — Ей нравились видеоигры.

— Серьезно? — Фокс удивленно улыбается.

Донна Уайт задумчиво кивает.

— Да. Знаю, такого не ожидаешь услышать, но она и правда увлекалась ими. Ей нравились даже, как бы сказать… жестокие игры.

Понимаю, почему при монтаже этот кусок вырезали: он совершенно не соответствует типичному слащавому тону подобных бесед.

— Ей приходилось довольно непросто… Другие игроки не скрывали своего презрения из-за того, что она девушка.

Донна недовольно хмурится, а я вспоминаю комментаторов из «Твиттера» и думаю, что за десять лет, как это ни прискорбно, мало что изменилось. Впрочем, убивать ее, конечно, никто

не стал бы.

— А еще бабочки, — подпрыгивая на кресле, вставляет Келси.

Вот это в передаче как раз было. Выпуск заканчивался историей про бабочек.

— Господи, бабочки, — со смехом произносит Донна Уайт, утирая слезы. — Да, Николь обожала бабочек. Знала названия всех видов. Она была чуть ли не…

— Помешана, — смеясь, заканчивает за нее Келси.

Донна тоже смеется, вновь вытирая слезы.

— Да, все равно что помешана. У нее все было в бабочках: украшения в виде бабочек, дневники с бабочками, в комнате везде бабочки.

Следует вставка, демонстрирующая комнату с лиловыми обоями. На полу ковер с огромной лиловой бабочкой. К потолку подвешены украшения в виде бабочек, которые порхают из стороны в сторону, стоит открыть дверь или окно. Подушки и одеяло с бабочками. Интересно, они сохранили ее комнату в неизменном виде? Некоторые семьи так делают — получается своего рода музей. Или машина времени. Игрушечные бабочки так и порхают по комнате, хотя ее хозяйка никогда не вернется.

— У нее же еще кое-что было в виде бабочки? — слегка поморщившись, спрашивает Флетчер Фокс.

— Да, — повисает неловкая пауза. — У нее была татуировка в виде бабочки… на запястье.

Удивительно, что этот фрагмент не вырезали. Видимо, решили добавить перчинки.

— Ох, мам, как ты тогда разозлилась…

Своим замечанием Келси несколько разряжает обстановку. Все оборачивается в шутку, и память Николь остается незапятнанной.

— Да, я была вне себя, — робко улыбаясь, признает Донна. — Она убежала с друзьями и сделала татуировку. Полагаю, в попытке прощупать границы дозволенного.

Я внимательно вслушиваюсь. Да уж, прощупать границы… Иначе говоря, реальная Николь не соответствовала нарисованному здесь образу пай-девочки, спортсменки и любительницы бабочек, единственным прегрешением которой было пристрастие к жестоким видеоиграм. В ее крови нашли следы марихуаны, она напивалась с приятелями, тайком набила татуировку. И все же это не значит, что она заслуживала смерти.

На экране появляется фотография татуировки, изрезанной ножом. Похоже, Эрику Майерсу она

не понравилась.

— Я обещала ей, что сама оплачу, если она захочет еще одну, — мечтательно улыбаясь, говорит Донна Уайт, — при условии, что она сделает ее не раньше, чем в двадцать один год.

По щекам текут слезы, и она закрывает лицо платком. Келси обнимает мать за плечи.

— К сожалению, ей так и не… — Флетчер Фокс не скупясь сыплет соль на рану.

Хлюпнув носом, Донна Уайт выпрямляется.

— Ей так и не довелось этого сделать, — заканчивает она фразу, неприятно удивившись отсутствию у ведущего такта. Впрочем, в «Краймлайне» подобное встречается сплошь и рядом. — Нет, так и не довелось.

Раздается вкрадчивый голос за кадром.

Убийца 666 разбил не только кулон с сердечком, который носила Николь. Он разбил сердце ее матери.

Что ж, полезной информации ноль: никаких намеков на возможный смысл записки. Я уже собираюсь все выключить, и тут меня осеняет. Отмотав на несколько секунд назад, еще раз включаю завершающую фразу.

Убийца 666 разбил не только кулон с сердечком, который носила Николь. Он разбил сердце

ее матери.

Разбитое сердце ее матери. Кулон с сердечком.

Схватив со стола книгу, открываю страницу с фотографиями отчета о вскрытии и чуть не вскрикиваю. Джей что-то бормочет во сне. Я замираю, но потом вновь раздается его легкое похрапывание. Не веря своим глазам, перечитываю отчет.

Как я раньше не заметила!

Глава 47

Сейчас

Дверь машины с грохотом захлопывается.

— Эй! — в ярости орет Стив. — Куда собралась?

Слышно, как скрипит снег у него под ботинками.

Из-за ноги быстро бежать не получается — каждый шаг отдает болью. Ледяной воздух обжигает легкие, и все же я бегу изо всех сил, не смея обернуться. Стив хватает меня за рюкзак, и я отчаянно стряхиваю его руку. Бежать, бежать!

Понятия не имею, где я и в каком направлении движусь. Ясно одно — нельзя, чтобы он меня догнал. Рюкзак бьет по спине, бедро ноет, и, кажется, у меня распух локоть. Не обращая внимания на боль, думаю о том, как убежать. Стив по-прежнему гонится за мной, едва не наступая на пятки. Я поскальзываюсь, чудом не падаю.

Беги, беги хоть изо всех сил, тебе меня не поймать, я Пряничный человечек[15]!

Не знаю почему, в голову приходят строчки

---

[15] Сноски: 15
Персонаж детской сказки «The Gingerbread Man».

из детской сказки. Да и вообще ощущение, как будто я угодила в какую-то до нелепости жуткую, неправильную сказку. Те, кто должен мне помогать, не помогают, жена фермера собиралась отрезать мне хвост разделочным ножом, а теперь я села в машину к Серому волку. И все это ни на шаг не приблизило меня к Лэйни и Мэлоди. Всю ночь я только и делаю, что убегаю от психов.

— Стой! Вернись! — злобно вопит Стив.

Однако я слышу, что он уже запыхался. Видимо, мистер военный позабыл о тренировках.

— Поймаю — хуже будет!

Проверять, выполнит ли он свою угрозу, желания нет. К счастью, его дыхание у меня за спиной становится все тяжелее и прерывистее. В какой-то момент понимаю, что расстояние между нами увеличивается.

— Вернись! — задыхаясь, кричит мне вслед Стив, однако это последняя, уже довольно вялая попытка. Надеюсь, он решит, что я того не стою.

И все-таки я не смею оглянуться или сбавить темп. Вдыхая ледяной воздух, бегу вперед до тех пор, пока его шаги за спиной не смолкают совершенно.

— Теперь можно и помедленнее, — звучит голос в голове.

Нет, нельзя искушать судьбу — вдруг Стив меня догонит. Пытаюсь не обращать внимания на жжение в груди и колющую боль в боку. Бегу до тех пор, пока далеко позади меня не раздается приглушенный звук закрывающейся двери.

В какой-то момент я решаюсь оглянуться.

Стива нигде нет.

Долетает рев мотора, и меня посещает странная мысль: пикап проглотил Стива и таким образом меня спас.

Услышав скрип снега под колесами, я наконец расслабляюсь.

* * *

В конце концов я сбавляю скорость и перехожу на шаг, а потом и вовсе останавливаюсь. Согнувшись пополам, упираюсь руками в колени, пытаясь отдышаться. Лямки рюкзака больно впиваются в плечи. Ладно, раз уж мне больше не надо ни от кого убегать, можно и оглядеться.

Вокруг бескрайнее белое поле, насколько хватает глаз. Небо чуть посветлело и из чернильно-черного превратилось в грифельно-черное. Ели стоят, покрытые шапками снега. Снег, снег, бесконечный снег.

В голову не приходит ничего лучше, как вер-

нуться на дорогу, которая еле виднеется вдалеке. Я даже не могу с уверенностью сказать, туда ли иду. Достаю компас, но в темноте ничего не разглядеть, а лезть за фонариком и уж тем более разбираться с картой сил нет. И тут я замечаю собственные следы. Что ж, еще одна сказка! Гензель и Гретель: попытаюсь вернуться домой по хлебным крошкам.

Пока я пробираюсь обратно к дороге, в голове, в такт шагам, один за другим возникают вопросы. Это все Эрик Майерс? Мог ли он совершить побег? Он говорил об этом. Впрочем, они все об этом говорят.

Я не воспринимала всерьез его слова, сказанные с какой-то невероятной бравадой. Все заключенные болтают о том, что однажды сбегут, но скольким это действительно удается? Ответ я знаю: менее, чем одному проценту (я собирала материал для выпуска о побегах, который, конечно, вел Флетчер Фокс). И даже если Эрик Майерс все-таки смог это сделать, зачем ему нападать на меня? Ведь я единственная в состоянии ему помочь. Да и к тому же как бы он вообще узнал, что я здесь?

Разве что только его одолела ностальгия, и он решил взглянуть на место преступления, а мы, по

несчастной случайности, в тот момент оказались там со своим дурацким девичником. И все-таки зачем ему идти на риск, когда дураку понятно, что надо залечь на дно?

Почему? Почему? Почему? В памяти всплывает сцена из детства: я не могу понять, почему моя так называемая подруга ни с того ни с сего перестала со мной разговаривать. «Почему?» — плакала я. Почему? Почему? Мама тогда пожала плечами и сказала, что с таким же успехом можно у змеи спрашивать, почему она змея. Если Эрик Майерс змея, нет смысла выяснять у него, почему. (Мама частенько прибегала к этой аналогии, и, даже будучи ребенком, я понимала, что она имеет в виду отца.)

Я вновь поскальзываюсь и чуть не падаю, задыхаясь от боли в ноге. Некоторое время жду, пока боль затихнет, и иду дальше.

Ладно, какой-то заключенный сбежал. Совершенно не обязательно, что речь об Эрике Майерсе. А если он по-прежнему в тюрьме, мог ли на нас напасть настоящий убийца 666? Возможно. Не исключено, что истинный преступник вернулся, а Эрик Майерс был невинно осужден. Убийце наверняка все известно о доме 666. Вполне вероятно, что так совпало, и последние десять лет его

здесь не было: сидел в тюрьме или убивал девушек в других штатах. Работая в «Краймлайне», я всякое видела, оба варианта возможны. Или же это какой-то психопат, не имеющий отношения к старому делу.

Я иду и иду. Ветер задувает в уши, а джинсы вновь намокли от снега.

Нельзя исключать и иной вариант: это была я. Мне могло что-то присниться. Возможно, от «Белой вдовы» сорвало крышу. Во сне я вполне могла увидеть, будто на меня набросился Крис, и схватила нож. Подруги пытались остановить меня, а потом убежали, истекая кровью. И все-таки вряд ли это была я. Слишком неправдоподобно. Они разбудили бы меня, а не сбежали.

Нельзя больше тратить время на идиотские сомнения! У меня его и так нет. Я должна их найти.

* * *

Выйдя на дорогу, я возвращаюсь к старому рекламному щиту с водкой. Небо понемногу светлеет — наверное, сейчас часа четыре, если не позже. Смотрю, не поедет ли еще машина, однако после своих приключений со Стивом попутку ловить страшновато. Значит, остается

план «Б» — вернуться в охотничий домик. Следуя по собственным следам, я прохожу примерно половину расстояния, однако чувствую, что силы на исходе.

Дом уже видно, он буквально манит, но как же до него далеко!

Интересно, Ноа отыщет меня? Довольно иронично, что именно он может оказаться моим единственным шансом на спасение. В деле, которое я воспринимала скорее как кино, словно ничего этого на самом деле не происходило, ему отводилась второстепенная роль. На такие обычно берут никому не известных актеров, которые едва ли играют лучше, чем их прототипы.

Однако вокруг реальность, и Ноа, видимо, в ближайшее время не появится. Как минимум ему придется откапывать машину. Или вдруг его безумная мамаша вообще ключи спрятала? В памяти всплывает, как мы сидели в гостиной перед камином — так близко, что я чувствовала запах его одежды. В другой ситуации он вполне мог бы стать моим парнем или мы бы просто переспали. В другой ситуации я всегда могла всерьез рассмотреть такой вариант. Может, я слишком рано закрываю для себя эту дверь, за которой столько возможностей? Нет, во мне говорит малодушие.

Замужество закрывает одни двери и открывает другие.

Прибавляю шаг, стараясь попадать в свои старые следы. Как в игре: перепрыгиваю от одного отпечатка ноги к другому. В рюкзаке издевательски гремят чертовы консервные банки; можно было и не таскать их, все равно вернулась.

Поводов для смеха никаких, а я неожиданно смеюсь, причем все сильнее. Сдерживаться невозможно: хохот так и рвется наружу. Нелепица какая! Даже от самого этого слова мне смешно.

Нелепица, нелепица.

Я по-прежнему иду вперед. Хохот сменяется слезами. Смеюсь и плачу одновременно. Нервы не выдерживают.

Теперь дом виден отчетливо, и тем не менее до него невообразимо далеко. Так близко, и так… далеко. Что-то подобное вполне могло прозвучать из уст Флетчера Фокса в очередном выпуске «Краймлайна». Я даже представляю его всегдашнюю пафосную манеру выговаривать красивые фразы и произношу ее вслух, чтобы проверить: «Так близко, и так… далеко». Надо поработать над подачей.

Я схожу с ума.

Мысли перескакивают с одного на другое. Не-

лепица. Мои мысли — нелепица.

Новый взрыв хохота. Корчась от смеха, я иду дальше. Постепенно успокаиваюсь, понимая, что между мной и домом расстояние примерно с футбольное поле. Сколько ярдов от одного края футбольного поля до другого? Нелепица, нелепица.

Словно заводная игрушка, покачиваясь из стороны в сторону, я иду вперед. Глаза слипаются, и я хлещу себя ладонями по онемевшему от холода лицу, чтобы не заснуть. Каждую секунду мне приходится бороться с искушением повалиться прямо здесь в снег — лежать и ждать помощи. Или хотя бы набраться сил — тогда можно будет попробовать еще раз. При этой мысли колени сами собой подгибаются. Всего лишь немного отдохнуть…

— Нет! — кричит внутренний голос.

Усилием воли выпрямляюсь и иду дальше. Разумная часть моего сознания разгадала этот трюк. Она выдергивает из памяти истории про скалолазов и выживание высоко в горах. Приляжешь отдохнуть в снег — верная смерть от переохлаждения.

— Не останавливайся, Алекс, — подгоняет меня голос.

Иду дальше, стараясь представить ощущение тепла на лице, приятный запах дров в камине.

— Ты сможешь, не останавливайся!

Ноги заплетаются.

Слишком далеко! С каждым шагом расстояние только увеличивается. Ноги наливаются свинцом, и на меня наваливается нечеловеческая усталость. Я словно иду по колено в воде. Дышать тяжело, руки, повиснув вдоль тела, тянут к земле. Движусь будто в замедленной съемке, и с каждым шагом поднимать ноги все тяжелее. У меня не получится.

— Ты должна!

Так близко, и так далеко. Нелепица, нелепица.

Время то замедляется, то вновь бежит вперед, превращаясь во что-то совершенно недоступное восприятию. Мозг говорит, что надо поддаться: прилечь, отдохнуть хоть минутку.

— Нет.

Изо рта вырывается еле слышный стон — на большее сил уже не осталось. Даже плакать сил нет. Я слишком измучена и обезвожена.

Осталось совсем чуть-чуть, неужели у меня не получится?

— Ты должна!

— Я не могу!

Решение принимает мое тело. Позвоночник отказывается держать, и я валюсь на колени, утопая в снегу. Слышу собственное неровное дыхание.

Подняться я не смогу. Мышцы выжаты, все запасы энергии в моем теле истощены. Осознав это, даже испытываю облегчение. Я не сдалась, я просто принимаю реальность такой, какая она есть: дальше идти невозможно. Во всем виновато мое тело, мои ноги. Дом слишком далеко.

Я заваливаюсь набок, чувствуя, как сильнее намокают от снега джинсы, и расплываюсь в блаженной улыбке. Спать. Можно поспать. Изо рта вырывается вздох, повисая в воздухе облачком пара. Мой последний вздох.

Глаза слипаются. Закутаться в снежное одеяло и отдохнуть…

Напоследок с усилием разлепляю веки и моргаю. Потом еще раз и еще. Мне почудилось? Вновь моргаю. Нет, не почудилось. Все так и есть.

Там, вдалеке, в доме загорелся свет.

Глава 48

Сентябрь

Перед работой еще раз перечитываю чистосердечное признание.

> Она грубо посмеялась надо мной, и я разозлился. Надо было держать себя в руках, а я совершенно утратил самообладание. Я порвал ее цепочку с кулоном в форме сердца. Николь в ответ ударила меня по щеке, и тут я совсем рассвирепел. На столе в кухне лежал нож. Я схватил его.

Только кулон был не в виде сердечка, а в виде бабочки. В отчете о результатах вскрытия черным по белому написано:

> Также обнаружены ключи от автомобиля с металлическим брелоком «Я люблю Гавайи» и розовая пилочка для ногтей. Возле головы погибшей лежала порванная золотая цепочка с кулоном в виде бабочки.

Это все, конечно, слова, однако фотографии точно не врут. Среди улик есть по всем правилам зарегистрированная цепочка с небольшим кулоном в виде бабочки, заляпанным кровью. Предположим, с определенного ракурса ее можно принять за сердечко, однако мать Николь говорила о бабочке — ей-то известно, какие украшения носила дочь. Николь была помешана на бабочках, и на цепочке висел кулон в виде бабочки, а не сердечка.

Тогда почему в своем признании Майерс написал неправильно? Он что, все выдумал?

— Привет! — бросает Джей, бодро спускаясь по лестнице.

Сегодня у него нет пробежки, он сразу оделся, чтобы идти на работу: рубашка и темно-синие чиносы — как всегда, безупречно. Мысленно представляю скрытое под одеждой тело, которое ночью сплеталось с моим. Бабушка, сидя у моих ног, поднимает на него глаза.

— Давно встала?

— Приснился плохой сон, — отвечаю я, потягивая кофе. — Не хотела тебя беспокоить и ушла спать в гостиную.

Я и правда, в конце концов, заснула на диване. Мне снилось, что Эрик Майерс пригвождает к

стене живых бабочек, и по их красочным крыльям стекает кровь. Я хотела спасти одну, пока он до нее не добрался, спрыгнула с дивана и очнулась, стоя на коленях и прикрывая ладонями пустоту.

— Опять с кем-то дралась?

Подойдя к кухонному шкафу, Джей берет кружку с надписью «Лучший отец» и фотографией семилетнего, еще щербатого Грега.

— Самую малость, обошлось без приключений.

Он кивает, наливая себе кофе.

— Поможешь немного? — спрашиваю я, открывая книгу. — Посмотри, пожалуйста.

Джей подходит с кружкой в руке.

— Это похоже на сердечко?

Он наклоняется поближе, и я чувствую запах шампуня от его еще не высохших волос.

— Нет, — заявляет он, выпрямляясь и отпивая кофе. — Это точно бабочка.

— То есть с сердечком спутать сложно?

Я еще раз внимательно разглядываю фотографию. Джей пожимает плечами и садится рядом.

— Ну, когда бьешь человека ножом, особенно вглядываться не будешь.

— Действительно… А стал бы ты тогда упоминать об этом в чистосердечном признании?

Такая подробность кажется несколько излишней. Ведь от тебя хотят услышать главное: ты зарезал жертву и выбросил нож в озеро.

Джей делает большой глоток.

— Вероятно, он плохо соображал в тот момент, а в доме наверняка было темно. Мало ли что там могло показаться.

— Ну да.

Джей прав. Скорее всего, я придаю слишком большое значение тому, что совершенно не стоит внимания. Можно придумать сотни объяснений. И все же что-то не дает мне покоя.

— Подожди-ка! — мысленно говорю я себе, когда Джей, допив кофе, встает.

Пролистав книгу, я нахожу страницу с полицейским рапортом с места преступления.

ОКРУГ ОНОНДАГА
РАПОРТ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Составил: Делуин Дейвис.
Дата: 3 мая 2012 г.
Время вызова: 9:46.
Место происшествия: Хоббс Лодж, Скотт-стрит, 2145.
Отдел: Убийства.
Использованные средства: магнитный

порошок, образцы жидкостей, образец ДНК, кристаллический фиолетовый, гипсовый слепок отпечатка обуви.

Погодные условия: облачно.

Я, офицер Делуин Дейвис, прибыл на место происшествия по адресу Скотт-стрит, 2145, где встретился с сержантом Бейкером из отдела расследования убийств. Сержант Бейкер сообщил, что ведет дело об убийстве и запросил фотосъемку места преступления, а также сбор улик. Прибывшие офицеры обнаружили на полу белую женщину с множественными колото-резаными ранениями и рассечениями. Потерпевшая находилась на левом боку, лицом вниз на бетонном основании пола, с вытянутыми вперед руками. В районе рук и тела наблюдалось красное вещество, предположительно кровь. Я составил схему места происшествия с замерами, изъял все улики и оформил их в качестве вещественных доказательств.

Дальше перечисляются ключи от машины, сумочка, тампоны, телефон и цепочка.

Порванная цепочка с золотым кулоном в форме сердца.

— Есть!

Я захлопываю книгу. Джей со стуком ставит кружку в мойку.

— Что есть?

— Сердечко взялось из полицейского рапорта.

Внезапно я ощущаю невероятную бодрость, хотя почти не спала.

— И что это значит?

Джей берет с полки у входной двери ключи.

— Это значит, что он написал ровно то, что ему сказали. Ошибка перекочевала из рапорта в его признание.

Джей стоит, зажав ключи в кулаке.

— И это значит?..

— Это значит… — с торжествующей улыбкой заключаю я, — что Эрик Майерс, вероятно, в самом деле не виновен.

Глава 49

Сейчас

Не знаю, как долго я простояла, вглядываясь в горящий в окне свет.

Неужели мне это кажется? Может, у меня галлюцинации? Однако мозг говорит «нет». В доме кто-то есть.

Вставай, вставай!

Неимоверным усилием воли я поднимаюсь. Ноги дрожат.

— Ну же! — хрипло шепчу сама себе. — Давай!

Не чувствуя ног и едва различая дорогу сквозь залепленные снегом ресницы, я ковыляю сквозь сугробы.

Погасила ли я свет?

Раз за разом задаю себе один и тот же вопрос. Наверное, погасила. И готова поклясться, что видела, как он загорелся в окне. Я не могла его не погасить: у меня на подкорке записано выключать свет, выходя из дома. Только вот погасила ли я его в этот раз?

Если нет, значит, в доме никого. Но я точно его погасила!

Два футбольных поля сокращаются до одного. Я продолжаю упрямо, шаг за шагом, двигаться к цели.

Погасила ли я свет?

Там точно кто-то есть. Кто же? Вернулись Лэйни с Мэлоди? Вдруг им удалось отбиться от маньяка и теперь они прячутся от него в доме? Или они прячутся от меня? А может, кто-то другой заблудился или решил переждать метель? Или там убийца?

Футбольное поле все сокращается, и вот я уже стою на пороге. Силы вернулись — у меня словно открылось второе дыхание. Тихонько подкравшись к окну, заглядываю внутрь. На крючках в прихожей по-прежнему висят куртки и моя дурацкая диадема. Все осталось как было. Прижавшись ухом к стеклу, я напряженно вслушиваюсь. Тишина. Ни голосов, ни шагов, лишь ветер завывает в кронах деревьев. Хотя, возможно, именно из-за ветра мне ничего и не слышно. Вдруг внутри все же кто-то есть? Поджидает меня или прячется?

Осторожно подкрадываюсь к другому окну и, встав на цыпочки, заглядываю в гостиную. Камин, спальные мешки, овечья шкура, запекшаяся кровь — здесь никто не убирался. Вновь при-

слушиваюсь, приложив ухо к стеклу, — ничего. Поскальзываясь на ступеньках, взбираюсь на крыльцо и в нерешительности останавливаюсь у двери. Входить или нет?

Выбор невелик. Не зря же я сюда шла, придется рискнуть. Просидев остаток ночи на морозе, я ничего не добьюсь. А вернуться к дороге мне не хватит сил — замерзну где-нибудь на полпути.

Дрожа от страха и холода, я по-прежнему стою перед дверью. Вдруг внутри убийца? Выбора нет, ведь Лэйни и Мэлоди тоже могут быть там. *Погасила ли я свет?* Уже было поднимаю руку, чтобы постучать, и резко отдергиваю. Надо быть последней идиоткой, чтобы сразу выдать себя. Если внутри маньяк, мне придется либо драться, либо бежать. Или там все-таки Лэйни с Мэлоди?

Делаю глубокий вдох, стараясь успокоиться. Знаю, я оттягиваю неизбежное и попусту теряю время, которого у меня и так нет.

Тихонько опускаю ручку, медленно-медленно открываю дверь и, прячась за ней, осторожно заглядываю внутрь. Отсюда видно кухню: шкафы по-прежнему раскрыты, а на столе выстроились оставленные мной консервные банки. Стараясь не шуметь, открываю дверь шире. Слышу, как бьется сердце в грудной клетке. Решившись, де-

лаю шаг внутрь.

Здесь кто-то есть. Понимаю это, еще даже никого не увидев. Отступаю, но поздно: краем глаза вижу, как чья-то рука опускает мне на затылок что-то тяжелое. Ужасная, невыносимая боль, в глазах искры. Все погружается во тьму.

Глава 50

Сентябрь

Wokebro: Какая на хрен разница, что за кулон на ней был?

Alex33: Тут что-то не сходится.

BreannaT: Она права, подробность важная.

THT: Серьезно? У вас с головой все в порядке?

Daddy-oh: Поддерживаю. Ли Джонс видела татуировку. Это железное доказательство. Тот чувак однозначно виновен.

Alex33: Как-то с его признанием слишком все гладко. Особенно учитывая, что он упомянул кулон сердечком.

Wokebro: Признание вообще никакого значения не имеет. Самое главное — показания Ли Джонс.

Alex33: Да, я и не спорю с тем, что она основной свидетель.

THT: Она единственный свидетель! В том-то все и дело.

BreannaT: Если бы копы изначально прислушались к ее словам, убийцу поймали бы прежде, чем пострадал кто-то еще.

Daddy-oh: Да, кто знает, скольких он убил.

Hannahbanana: К женщинам не прислушиваются. Потому-то маньякам все сходит с рук.

THT: Может, не будем хотя бы сюда феминацизм приплетать?

BreannaT: А она в чем-то права.

Hannahbanana: Речь о фемициде. Разберись, прежде чем рот открывать.

THT: Речь о том, что ты тупая сука. Разберись, прежде чем рот открывать.

Hannahbanana: Надо же, какие мы чувствительные! Чувак, тебя мамочка обидела в детстве?

Alex33: Зачем было писать про кулон сердечком? К чему такие подробности, да еще и неверные?

Wokebro: Напоминание для Алекс: всем насрать!

* * *

— Что случилось? — спрашивает Уайли, заметив, как я нахмурилась.

— Опять эти женоненавистники в «Твиттере».

Он презрительно хмыкает.

— Это ты еще не пробовала объявить себя гендерно нейтральной. Вот уж где веселье на-

чинается.

— Да, тут ты меня уделаешь.

Даже стыдно немного, что пожаловалась. Пока Уайли занимается фактчекингом, я в очередной раз проглядываю признание Майерса, отчет о вскрытии и полицейский рапорт. Никаких новых зацепок.

— Думаешь, я придаю этому кулону слишком большое значение?

Придя на работу, я сразу же выдала свою потрясающую догадку. Уайли издает неопределенный звук, роясь в ящике в поисках никотиновой жвачки.

— Тоби на такое не клюнет.

— Увы, — со стоном соглашаюсь я. — Мне надо раздобыть видеозапись с убийством Николь Уайт, чтобы хоть немного ее впечатлить.

Уайли закидывает в рот жвачку.

— А что она насчет последней записки с угрозами сказала?

— Да ничего особенного. Прислала письмо с извинениями. Мол, не обеспечили безопасность на рабочем месте — шаблонный текст.

Уайли хмыкает.

Убираясь на столе, я вдруг замечаю объемистый конверт из плотной коричневой бумаги и, к

своей радости, понимаю, что это досье, которое я уже давно запрашивала. Под первым конвертом оказывается второй — здесь все, что касается Райана Джонсона.

— Ну, целых два пакета документов! Мне сегодня везет.

— Ура-а-а, — кривится Уайли.

Пусть, мне сейчас не до него. Немного поколебавшись — после прошлого раза я уже начинаю опасаться любых писем, — вскрываю первый конверт. К счастью, ничего подозрительного в нем нет: всего лишь копии официальных документов. Пролистав, вижу отпечатки пальцев Адама Редмонда и результаты анализа ДНК (образец слюны предоставлен добровольно). Судя по всему, он всячески старался помочь следствию. На следующих страницах представлен рапорт детектива с кучей опечаток и несколько написанных от руки заметок. Почерк крупный и неряшливый, однако разобрать несложно.

> Утверждает, что во время убийства был на встрече общества анонимных алкоголиков. Жена подтверждает алиби. В церкви Святой Марии сообщили, что указанное собрание состоялось.

— Общество анонимных алкоголиков… — отмечаю я про себя.

По всей видимости, ему не помогло. Ладно, по крайней мере, буду надеяться, что полицейские все проверили. Десять лет спустя сделать это не представляется возможным. Разве что в церкви остались какие-то записи, в чем я сомневаюсь. К тому же нельзя забывать об анонимности членов данного сообщества.

В глаза бросается еще одна печатная строчка:

ПРОВЕРКА НА ПОЛИГРАФЕ ПРОЙДЕНА УСПЕШНО.

Дальше следуют страницы, исписанные непонятным почерком, и я откладываю их, решив сначала просмотреть дело Райана Джонсона. Оказывается, он не хотел сдавать отпечатки пальцев и образец ДНК. Судя по всему, родители зачем-то раскошелились на адвоката, хотя богатой семью не назовешь. Райан практически не оказывал содействия следствию, и его нежелание сотрудничать с полицией, очевидно, связано вот с чем:

ПРОВЕРКА
НА ПОЛИГРАФЕ НЕ ПРОЙДЕНА.

Глава 51

Сейчас

Надо мной появляется чье-то размытое лицо, и раздается крик.

— Господи! Я тебя убила?

Я умерла?.. Спутанные мысли начинают складываться в логические цепочки. Если бы я умерла, то ничего бы не слышала. Или мертвые все-таки способны слышать?

Поворачиваю голову в ту сторону, откуда доносится голос, и перед глазами все плывет. Со лба стекает какая-то жидкость, и я понимаю, что это кровь. Медленно приподнимаю отяжелевшую от боли голову. Наконец сфокусировав взгляд, я вижу ее лицо — и чуть не падаю обратно от удивления.

— Ты жива!

Надо мной стоит Мэлоди с теннисной ракеткой в руке. Во взгляде тревога.

— Ты в порядке? — спрашивает она, наклоняясь ко мне. — Прости, пожалуйста, я не знала, что это ты.

Пытаюсь сесть, и у меня вырывается болезнен-

ный стон.

— А где Лэйни? — нечленораздельно бормочу я.

— Ты не знаешь, где она?!

Мэлоди опускается рядом со мной на корточки, и я смотрю на ее перевернутое лицо: на месте лба подбородок, рот над глазами — словно на картине Пикассо.

— Я надеялась, ты ее найдешь.

— Нет.

Я вновь пытаюсь подняться, но голова кружится так, что приходится лечь обратно.

— А что вообще произошло?

На лице Мэлоди появляется недоумение.

— В смысле что произошло? Ты разве не помнишь?

— Я… не знаю, — облизываю пересохшие губы. — Помню только, как проснулась в душе.

— В душе? — удивленно переспрашивает Мэлоди.

— Да. А когда вернулась в комнату, тут все было в крови, — хриплым голосом выдавливаю я. — А потом я нашла в подвале нож, — очередная попытка сесть заканчивается провалом, и я лежу, в отчаянии таращась в потолок. — Это я сделала? — Губы дрожат, слезы, смешавшись с кровью,

жгут глаза, и я с трудом поворачиваю голову к Мэлоди. — Я на вас напала? У меня был нож, я помню, как держала его в руке.

Недоумение на лице Мэлоди сменяется ужасом.

— Нет! — выпаливает она. — Нет, не ты. Это был он! — Она хватает меня за руку. — Поэтому я тебя и ударила. Думала, что ты — это он, что он вернулся!

Меня накрывает волной облегчения — даже подташнивает. Не я! Так и знала!

— Но… кто он?

Мэлоди подпирает руками подбородок, поставив локти на колени.

— Без понятия. На нем была эта штука… — она обводит рукой лицо. — Ну, типа маски… Ты правда ничего не помнишь?

— Нет.

Я вытираю глаза и чувствую, как от жаркого воздуха пересыхает в носу.

— Почему тогда ты убежала?

Мэлоди окидывает меня взглядом с головы до ног: наверняка жуткое зрелище. Впрочем, она выглядит не лучше: волосы растрепанные, воротник футболки порван, джинсы на щиколотке разрезаны и покрыты запекшейся кровью.

— Поверить не могу, что ты ничего не помнишь… — задумчиво, словно сама с собой, говорит она.

— Наверное, шок сказался, — я осторожно приподнимаюсь на локтях, пробуя опереться на больную руку. — Долго рассказывать. Я очнулась в душе и потом решила идти искать вас. По дороге столкнулась с… некоторыми трудностями. А с тобой что произошло?

— Я просто убежала от него, — Мэлоди показывает на дверь. — Бежала, куда глаза глядят, а потом поняла, что рядом никого, и вернулась. Думала, вдруг вы здесь. И… — в глазах появляется отчаяние, — боюсь, он забрал ее, Алекс. Думаю, Лэйни у него.

— Только вот кто он? Ты его не узнала? Может, он был похож на Криса или на Эрика Майерса?

— Говорю же, без понятия, — резко бросает она. — На нем была эта штука, не помню, как называется, в таких еще на лыжах катаются.

— Балаклава, — упавшим голосом выдавливаю я, опускаясь обратно на пол.

— Да, точно, балаклава! Откуда ты знаешь?

Глава 52

Сентябрь

— А сам Райан Джонсон что говорит насчет полиграфа? — спрашивает Тоби.

Я представляю, как она удобно устроилась в кресле, пока я еду на встречу с Донной Уайт. Оказалось, что мать Николь живет в получасе езды от меня. Сейчас у нее другая фамилия. Пришлось постараться, чтобы найти ее, да и встретиться со мной она согласилась далеко не сразу.

— Ничего не говорит. Я неоднократно звонила ему — хотела спросить про полиграф и про воскресную школу, однако он не отвечает.

Видимо, решил, что слава не так уж ему и нужна.

— Нет ли смысла еще раз к нему наведаться? — спрашивает Тоби и тут же добавляет: — Возместить расходы на дорогу мы, конечно, не сможем, однако, судя по всему, это самый надежный способ с ним связаться.

Начинаю перестраиваться в соседнюю полосу. На панели загорается сигнал, что в слепой зоне кто-то есть, и я дергаю руль обратно.

— Да, вероятно, так и сделаю, — отвечаю я, высматривая нужный съезд. — Но сначала поговорю с матерью.

— Хорошо, — соглашается Тоби, впервые за все время моей работы в «Краймлайне» проявив хотя бы подобие одобрения. — Расскажешь потом, получилось ли что-то выяснить.

— Обязательно.

Увидев наконец нужный поворот, я перестраиваюсь в правую полосу.

— Оснований для проведения нового расследования пока нет, — бросает Тоби, видимо, чтобы я не возомнила лишнего. — Хотя допускаю, что есть смысл копать дальше.

С этим напутствием я подъезжаю к дому Донны Уайт.

* * *

Мы прогуливаемся по парку, и я не могу не отметить, что за десять лет, прошедшие с убийства дочери, жизнь Донны сильно изменилась. Она заметно похудела и сменила прическу: вместо каштановой копны теперь стрижка пикси, а волосы покрашены в пепельный. Она снова замужем, и теперь у нее большой дом в пригороде Нью-Йорка — Тарритауне. Сама Донна занима-

ется веб-дизайном, что в целом неплохо, однако вряд ли этим можно заработать на дом с пятью спальнями и бассейном в престижном районе. Значит, повезло с мужем.

Стоит необычайно теплая для сентября погода — очередной тревожный признак глобального потепления. Через месяц Хэллоуин. Я помню, как в детстве приходилось надевать куртку поверх костюма ведьмы, а руки, сжимавшие метлу и мешок для конфет, были в перчатках. В этом году детям даже свитера не понадобятся.

Донна изъявила желание пройтись, а на ходу сложно делать пометки в блокноте, поэтому я записываю наш разговор на диктофон. Она сказала, что ей нужно больше двигаться; полагаю, так ей проще говорить о своем горе, чем сидя на одном месте.

— Честно говоря, даже не придала значения словам о том, что кулон был в форме сердца, — говорит она, расстегивая не по погоде теплую куртку. — Я знала, что там была бабочка. Подумала, они просто не разглядели из-за…

Крови. Думаю, не стоит произносить это вслух.

Легкий ветерок гоняет по дорожке сухие коричневатые листья.

— То есть вы полагаете, это ничего не меняет

в… деле?

Мне неловко произносить бездушное слово «дело», ведь за ним стоит жизнь ее дочери, а если точнее, смерть.

— А что бы это могло поменять?

Сняв куртку, Донна вешает ее на руку. Я прибавляю шагу, чтобы не отставать.

— Просто… получается одна и та же ошибка и в рапорте, и в признании. Вот мне и пришло в голову, а вдруг… — думаю, как бы потактичнее сформулировать, — вдруг Эрик Майерс написал, что это сердечко, потому что ему так сказали? Может, дело именно в этом?

Донна Уайт ускоряется, стуча каблуками модных ботинок по дорожке, словно стремясь убежать от моего вопроса.

— На что вы намекаете?

Я еле поспеваю за ней.

— Если Майерс написал ровно то, что сказали ему полицейские, это в какой-то мере подтверждает его слова — сознался он под давлением.

Поджав губы, она несколько секунд раздумывает, а потом качает головой.

— Не понимаю, как вы пришли к такому выводу, — в голосе одновременно слышится и скепсис, и раздражение. — Да, он утверждает, что при-

знание из него выбили, только это ложь — как и остальные его заявления. Он же все подробно описал: нож, их ссору… — Донна пожимает плечами. — Ну, в чем-то ошибся, бывает.

Видимо, нет смысла озвучивать очевидное: все эти подробности ему тоже могли продиктовать.

— Орудие убийства так и не нашли.

Мы проходим мимо детской качалки: сидящий на одном конце мальчишка изо всех сил отталкивается ногами, пытаясь подняться в воздух, однако девочка на другом конце намного легче, и, как бы она ни дергалась, ей не удается его перевесить. У обоих на лицах озадаченное выражение.

— Ничего удивительного. Им бы пришлось все озеро прочесать, — пройдя еще несколько шагов, Донна обводит вокруг себя рукой: — Впрочем, с такой погодой оно скоро высохнет. Может, тогда и найдут.

Пауза.

— То есть вы не думаете, что…

— Нет, — резко обрывает Донна. Теперь она идет еще быстрее, словно хочет убежать от меня: — Не думаю. Доказательств больше, чем достаточно. Они выбиты чернилами на его коже.

— Да, тут сложно не согласиться, — киваю я.

После этих слов Донна немного замедляется, и

какое-то время мы молча идем дальше, любуясь буйством осенних красок и покрытыми золотом и багрянцем деревьями. Видимо, тема с кулоном исчерпана. Продолжу давить — больше ничего от нее не добьюсь. Попробую что-нибудь другое.

— У вас есть предположения, что могла значить записка у нее в кармане? Та, где сказано: «Откровение 13:18 АДАМ».

Похоже, смена темы ее неприятно удивила.

— Полагаю, это как-то связано с изучением Библии. А что значит «Адам» даже не представляю.

Я хватаюсь за ее слова.

— Ваш бывший муж ведь преподавал в воскресной школе? Они именно с ним разбирали Библию?

— Да, какое-то время он там работал. Полицейские сначала хотели все повесить на него, — добавляет Донна с горькой усмешкой и вновь ускоряет шаг. — Впрочем, их тоже можно понять — в первую очередь всегда проверяют членов семьи. Но Адам и мухи не обидит, — она опускает глаза. — Честно говоря, сама я думала на ее парня, Райана Джонсона, пока не стало известно, что это Эрик Майерс.

Я настораживаюсь.

— Почему? Райан проявлял какую-то агрес-

сию?

— Не то чтобы. Просто… даже не знаю. Почему-то он мне не нравился.

— Вы в курсе, что он провалил проверку на полиграфе?

Донна резко останавливается, и я чуть не влетаю в нее.

— Что? — Она не сводит с меня глаз, а шея у нее начинает краснеть. — Не может быть.

— Я… — отступаю на шаг. — Так сказано в полицейском досье.

Ее лицо мрачнеет.

— Уверены?

Осторожно киваю.

— Если хотите, могу показать. Там действительно так написано.

Донна стискивает зубы, но через мгновение, тряхнув головой, идет дальше.

— Зачем вам понадобилось ворошить прошлое?.. — Она бросает на меня яростный взгляд. — Ни один суд не станет учитывать это обстоятельство. Он мог просто перенервничать. К тому же полицейские сказали, у него было алиби, — она несется со всех ног. — Ли Джонс видела татуировку.

— Да, но…

Донна резко поворачивается ко мне.

— Вроде бы довольно элементарно, Алекс. У Эрика Майерса на руке выбиты три шестерки.

— Верно.

Больше я ничего не говорю: по тону понятно, что она не собирается отвечать на дальнейшие вопросы.

Донна Уайт тем временем останавливается, и я следую ее примеру. Складывается впечатление, что сейчас она скажет что-то необычайно важное, поделится каким-то откровением. Однако она молча смотрит вдаль.

— Видите? — спрашивает Донна.

Я смотрю в том же направлении, что и она.

— Вон там.

Донна показывает на куст гортензии. Сперва я вижу только бордовые соцветия и лишь потом замечаю — бабочка. Ярко-оранжевая, с черными полосками.

— Это монарх, — говорит Донна.

— М-м-м.

Я уже собираюсь идти дальше, но она не двигается.

— Вымирающий вид, — без всяких эмоций замечает Донна Уайт. — Климат стал слишком теплым, и они прекратили размножаться.

— Интересно.

Глупее ответ сложно придумать. Ничего интересного тут нет — это ужасно, и, судя по взгляду Донны, она думает так же. Я сглатываю — надо хоть что-то сказать, чтобы замять неловкость.

— Я помню, вы говорили, что она любила бабочек.

Задумчиво улыбаясь, Донна вновь устремляет взгляд на куст гортензии.

— Слабое, конечно, утешение, но мне приятно думать, что всякий раз, как я вижу бабочек, со мной разговаривает ее душа.

Мы следим за парящей бабочкой, пока она не скрывается из виду. И тогда Донна Уайт идет дальше.

Глава 53

Сейчас

Голова раскалывается. Это не обычная боль, она практически невыносима, словно внутри черепной коробки стучит огромный молот. Вдруг у меня кровоизлияние в мозг? Мэлоди нашла в шкафу тайленол, но эффекта от него практически ноль.

Я прижимаю ко лбу пакет со льдом, точнее со снегом, который набрала Мэлоди. Какая ирония — прикладывать холод к голове, одновременно пытаясь отогреться у камина! В ногах вновь появилось покалывание, хотя пальцев я по-прежнему не чувствую. Радует, что зубы перестали стучать, и можно немного шевелить губами, однако лицо до сих пор какое-то онемевшее. Чувствую себя роботом, который прикидывается человеком. И пока не удается унять дрожь во всем теле.

— Прости, пожалуйста, — уже, наверное, в сотый раз повторяет Мэлоди.

Ни я, ни она ни слова не говорим о том, что сидим в комнате, забрызганной кровью.

— Ничего, — в очередной раз успокаиваю я ее.

Мэлоди проверяет телефон, и я, передвинув пакет со льдом, кошусь в ее сторону. Любое движение отзывается болью.

— Есть что-нибудь?

Поморщившись, она качает головой.

— Пробовала набрать 911, сигнал не проходит.

Ну, теперь у нас хотя бы есть телефон. Надеюсь, у Лэйни тоже.

— Повтори, пожалуйста, что произошло, — прошу я, поправляя пакет со льдом. Вода капает мне в рукав. — В последний раз, обещаю.

— Ладно, — с легким раздражением соглашается она.

Видимо, Мэлоди уже надоело пересказывать по кругу одно и то же. Она разбивает кочергой полено в камине, и от громкого звона металла о решетку мне становится дурно.

— Мы спали. Не знаю, как он вошел, потому что перед тем, как лечь, дверь мы заперли, — она вопросительно смотрит на меня. — Верно?

— Мы же накурились до полусмерти, так что у меня лично уверенности нет.

— По-моему, заперли, — с сомнением возражает Мэлоди. — Выходит, у него были ключи.

— Вероятно, — чувствую, как пульсирует

шишка на лбу. — Ключ мог быть спрятан под подоконником или в каком-нибудь цветочном горшке.

Есть, правда, одна проблема: и подоконники, и цветочные горшки завалены толстым слоем снега. Впрочем, никто из нас этого не озвучивает.

— Да, вполне… — Мэлоди прикусывает губу и с недоумением в голосе продолжает: — Как бы то ни было, он вел себя… не знаю, как описать… спокойно, что ли. Противоестественно спокойно. Без злости. И ни слова не произнес.

— Странно…

— Ага. Все делал молча, я даже не могу описать, какой у него голос. Он просто начал махать ножом и двигался при этом так элегантно, словно в дуэли участвовал.

Пытаюсь представить себе эту картину. Странно… Зачем устраивать представление? Почему сразу всех не зарезать?

— Мне повезло, — Мэлоди показывает на свое плечо и лодыжку. — Совсем немного досталось.

На самом деле порезы выглядят страшно: длинные, распухшие, с запекшейся по краям кровью. От одного взгляда ни них меня начинает мутить. Хотя, возможно, это все-таки сотрясение.

— Говоришь, он высокий и глаза голубые? Ты

уверена?

— Да, — подтверждает Мэлоди, кладя подбородок на руку. Лицо у нее бледное. — Высокий, глаза ярко-голубые. Цвет такой пронзительный.

Вспоминаю глаза, которые так часто видела на экране монитора во время интервью. Голубые, как бы он ни убеждал меня, что они зеленые. И все-таки «пронзительно» голубыми их не назовешь.

— А татуировки какие-нибудь не заметила? Три шестерки, например?

Мэлоди качает головой.

— Нет, татуировок не видела. Он был весь в черном, еще и в перчатках. Но раз по рации передавали, что кто-то сбежал, это вполне мог быть Эрик Майерс.

Я рассказала ей о своих злоключениях со Стивом, равно как и о том, что еле унесла ноги от Эстер Томпсон.

— Тюрьму не называли… Вдруг просто совпадение?

Вновь поправляю мешок со льдом.

— Уверена, что это не Крис? — уточняю я.

— Да-а-а… — с вопросительной интонацией тянет Мэлоди. — Ну, все возможно. Он высокий, и глаза у него тоже голубые, — она вновь ворошит

дрова в камине. — Не верю, что это Крис. Он, конечно, псих, но не настолько.

— Согласна.

Вода из пакета ритмично капает на пол: кап, кап, кап. Прямо как в древней китайской пытке.

— Да и откуда ему знать, где мы?

— Тоже верно, — зевая, подтверждает Мэлоди. — А кто мог знать, что мы здесь?

— Получается, никто, — задумчиво отвечаю я.

Мэлоди, поморщившись, выпрямляет раненую ногу.

— Нет, мы, конечно, сказали Джею на случай чего.

Да уж, произошедшее явно попадает под определение «на случай чего».

— Ладно, давай дальше. Эрик Майерс это или нет, он вошел в дом и принялся размахивать ножом.

— Как я и сказала, мы побежали в подвал.

Это объясняет, откуда там мои следы. Я ни на кого не нападала, я сама хотела спрятаться.

— Лэйни пыталась удержать дверь, — Мэлоди нервно потирает ладони. — Если бы она не потеряла много крови, ему бы не удалось ворваться в подвал.

— Да, Лэйни сильная.

Ну почему я ничего не помню?!

— Когда он был уже внутри, она схватила его сзади и держала, пока мы не… — она делает глубокий вдох, — пока мы не убежали.

Повисает пауза.

— Погоди. Ты мне это рассказывала?

Мэлоди качает головой, не отрываясь глядя в камин. На глазах выступили слезы. Чувствую, как по спине бегут мурашки.

— Мы что, просто убежали? Оставили ее с ним?

Она горестно кивает.

— Хочешь сказать, мы ее бросили?

Мне дурно. Мэлоди еле сдерживает слезы.

— Я не знаю! Не уверена. Может, она все-таки убежала. Помню только, как оказалась на улице, — она зябко ежится. — Ты тоже убежала, Алекс, я не видела, куда. Наверное, как раз спряталась в душе.

Да, похоже на правду. Неважно, отдавала я себе отчет в своих действиях или нет, ясно одно: я пыталась спрятаться. Драться с ним мне бы не хватило смелости.

— В общем, я бежала все дальше, и вас с Лэйни не было видно, — тараторит Мэлоди. — Думала, позвать кого-то на помощь. Было очень холодно,

я заблудилась и так никого и не нашла.

Она стискивает плечи ладонями.

— Ничего, — успокаиваю я ее, поглаживая по спине.

— Я вернулась за ней, — твердит Мэлоди. — Я вернулась за ней, но ее здесь уже не было, — она поднимает голову, и я вижу, как по щекам катятся слезы: — Честное слово, я за ней вернулась.

Я по-прежнему поглаживаю ее по спине.

— Мэлоди, твоей вины тут нет.

Она трясет головой, даже не пытаясь вытереть слезы. Тушь размазалась и стекает по щекам черными струйками.

— Нельзя было ее бросать. А я взяла и убежала, как последний трус.

— Ну-ну… Конечно, ты убежала. Тебе было больно и страшно, — глажу ее по голове, чувствуя, что волосы, обычно мягкие, как шелк, теперь стали жесткими. — Что еще оставалось делать? Я поступила точно так же.

Мэлоди кивает. Она тихонько плачет, обняв руками колени и раскачиваясь взад-вперед.

— Теперь наша очередь ей помочь.

Мэлоди вытирает черные от туши глаза.

— Да, но… как?

Глава 54

Октябрь

— Ну, раз ее мать говорит, что история с кулоном ничего не меняет, значит, скорее всего, так и есть. Не согласна?

Лэйни пришла к Джею (к *нам,* как он постоянно напоминает) после ссоры с Руби. Подробности она, в свойственной ей манере, не рассказывает, однако я рада хоть как-то поддержать ее, особенно учитывая, что все проблемы обычно от меня: взять хотя бы историю с Крисом и нынешнюю нервотрепку со свадьбой. Лэйни развалилась на диване, а на коленях у нее устроилась Бабушка — ждет, когда погладят. Лэйни собачница, и моя кошка, конечно, сочла необходимым выразить ей свою безграничную любовь.

— Очевидно, у нее может быть предвзятое отношение.

Отодвинув книги, с которыми работала (по большей части документально-развлекательное чтиво), я кладу ноги на журнальный столик. Джей терпеть этого не может. Мне он ничего не говорит, зато своего сына сразу одергивает, и тот

вынужден подчиняться. Грег — вылитый отец: темные волосы, такие же голубые глаза, немного более долговязый и нескладный. Последнее время он растет не по дням, а по часам и уже выше большинства своих сверстников.

— Не исключено, что она ошибается.

— Согласна, — зевая, говорит Лэйни.

Неудивительно, что она устала: на этой неделе один матч следовал за другим. Лэйни со стоном встает, осторожно разминая плечо, которое растянула во время последней игры, и Бабушка, недовольно мяукнув, летит на пол.

— Поесть что-нибудь найдется? — спрашивает Лэйни, направляясь в кухню.

— Наверное.

Я иду следом. Мы открываем холодильник и тупо смотрим в освещенную тусклым светом, мерно гудящую камеру.

— Пустовато тут, — констатирует Лэйни, разглядывая полки.

— Да, мы не так уж часто готовим.

Учитывая, что кухня обставлена по последнему слову техники, выходит довольно иронично. Мои дежурные блюда на крайний случай — овощная лазанья и курица, — никак не оправдывают наличие двух дорогущих духовых шкафов и хо-

лодильника от элитного бренда.

— Смотри-ка! — Я показываю на полку. — Острые маринованные огурчики.

— Острые? Кто вообще додумался сделать такое? — недоумевает Лэйни, хватая полупустую банку. С сомнением приглядевшись, открывает. — Что ж, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

— Ага. В холодильнике и правда мышь повесилась.

Стараясь не задеть головой свисающие над столом медные светильники, Лэйни опирается на серую мраморную столешницу, идеально подходящую под серую глянцевую плитку и покрашенные в серый же стены. Впрочем, в этой квартире все серое. Мэлоди даже спросила однажды, как мы умудряемся не потерять здесь серую кошку.

Лэйни откусывает от огурца и корчит кислую мину.

— Какая гадость! — Она протягивает банку мне.

— В тебе умирает гениальный маркетолог!

Из чувства солидарности я тоже достаю один огурец и надкусываю. Думаю, лицо у меня такое же, как и у Лэйни: в жизни ничего более отврати-

тельного не пробовала.

Лэйни тем временем, покачав головой, берет следующий.

— Хм-м-м, а в них что-то есть… — Она машет рукой перед открытым ртом. — Что там с Ли Джонс? Ты про нее как будто совсем забыла.

— Вовсе нет. Я звонила ей несколько раз, она не отвечает. Что мне, преследовать ее?

Закрутив крышку, Лэйни ставит банку с единственным оставшимся огурцом обратно в холодильник.

— Пробовала предложить ей вознаграждение?

— Не могу, «Краймлайн» не выделяет стажерам денег на расследования.

Лэйни многозначительно обводит взглядом комнату. Намек ясен.

— Да, пожалуй, я и правда могу ей что-нибудь предложить.

Меня захлестывает новая волна энтузиазма. Ли Джонс. Вдруг она что-то знает про кулон или про записку? Надо заново переслушать подкасты.

Решив, что более подходящего момента не придумаешь, сразу же пишу Ли Джонс.

Привет, это Алекс Конли из «Краймлайна». Я поговорила с руководством – мы

можем заплатить вам за интервью 1000 долларов.

Уже было убираю телефон, как на экране загорается сообщение:

5 штук. Половину сразу, остальное после интервью.

— Охренеть!

Я поражена, что она ответила так молниеносно. Лэйни смотрит на меня с самодовольной улыбкой — во взгляде явно читается «я же говорила».

Идет.

Даже думать пока не хочу о том, что скажет на это Джей.

Глава 55

Сейчас

— Ну куда мы пойдем? — разводит руками Мэлоди.

— Мы бросили ее, — возражаю я. — Надо ее найти.

— Лэйни может быть где угодно!

Вообще-то она права. Время перевалило за четыре утра. Пока мы позовем кого-то на помощь, если нам это вообще удастся, пройдет еще несколько часов. С таким же успехом можно остаться здесь, в тепле, и надеяться, что утром дороги расчистят, а телефон наконец начнет работать. С другой стороны, может вернуться убийца.

— Были бы у нас ключи от машины… — размышляет вслух Мэлоди. — Я их не нашла — наверное, он забрал.

Я с удивлением оглядываюсь.

— Нет, их забрала я. Они лежали у Лэйни в куртке.

— Да? — озадаченно переспрашивает она и тут же радостно вскакивает на ноги. — Тогда можно

поехать поискать ее!

— Не выйдет, машина не заводится, — я подношу руки поближе к огню, чтобы согреть их. — Думала, ты в курсе.

Мэлоди нехотя садится.

— Нет. Впрочем, ничего удивительного, — устало говорит она.

Какое-то время мы молча слушаем, как трещат дрова в камине.

— Давай я еще раз попробую написать Джею?

— Конечно. Сомневаюсь, что получится.

Мэлоди протягивает мне телефон — экран треснул, когда она упала, убегая от маньяка. Сигнала нет.

Я набираю номер и, затаив дыхание, жду. Тишина. Ну, конечно! С досадой возвращаю телефон и бросаю на пол пакет с растаявшим льдом, внезапно напомнивший мне о том, как однажды я выиграла на городской ярмарке золотую рыбку — в таком же пакете.

Взяв куртку, я проверяю, высохла ли она, если мы все-таки решимся отправиться на поиски Лэйни, и тут из кармана вылетает клочок бумаги.

— Что это? — спрашивает Мэлоди, подбирая его.

— Не знаю, — в недоумении отвечаю я.

Мы склоняемся над измятой запиской, пытаясь разобрать неряшливый почерк.

> Прости, что так вышло с мамой. Приеду в охотничий домик, как только смогу. Нужно кое-что рассказать про Эрика Майерса.

Далее следует номер телефона.

— Наверное, это Ноа мне в карман положил.

Интересно, когда… Скорее всего, пока ходил на улицу искать телефон. Во мне тут же просыпается мой внутренний расследователь. А вдруг Ноа известно что-то, о чем еще нигде не упоминалось? Однако я отгоняю эти мысли. Какая к черту разница! Это все не имеет значения — главное, найти Лэйни. Сую записку в карман.

— Значит, он поедет по дороге, — предполагает Мэлоди. — И будет высматривать нас.

— Не исключено, — говорю я, чтобы подбодрить ее.

На самом деле это маловероятно. Сперва ему пришлось бы каким-то образом усыпить бдительность своей мамаши, откопать машину и прорваться сюда по заснеженным дорогам.

— Можно попытаться ему позвонить.

Мэлоди со вздохом протягивает мне телефон.

— На, но предупреждаю: ничего не выйдет — связи нет.

Я и сама это знаю, но что еще остается? Сидеть на одном месте невыносимо. Надо хотя бы попытаться помочь Лэйни. Достав из кармана отсыревший листок, с трудом разбираю в тусклом свете камина нацарапанные снизу цифры и набираю номер. Тишина.

— На всякий случай попробую отправить сообщение.

Дрожащими, негнущимися пальцами набираю текст.

Нашла твою записку. Мы в охотничьем домике. Приезжай как можно быстрее.

Нажимаю «отправить», и сообщение уходит. Неужели! Сижу, не сводя глаз с экрана, ожидая, что Ноа вот-вот ответит.

— Отправилось? — удивленно спрашивает Мэлоди, подползая ближе и заглядывая в экран.

— Кажется, да.

Скорее бы он ответил! Однако тут на экране высвечивается красный восклицательный знак. *Сообщение не доставлено.*

— Твою ж мать!

Мэлоди возвращается на место.

— А я обрадовалась…

— Угу.

Хочется швырнуть телефон в камин, однако я возвращаю его Мэлоди. Сидим в тишине, поддерживая огонь; стараюсь не думать о том, что мы впустую теряем время, потому что с каждой секундой шансов найти Лэйни живой остается все меньше. В голове возникает картина: мы с Мэлоди сидим в студии «Краймлайна», а Флетчер Фокс в своей типичной раздражающей манере спрашивает: «Она была хорошей подругой?» — и мы отвечаем: «Да, да, очень хорошей».

Поднявшись на ноги, гоню от себя эти мысли.

— Мы должны хоть что-то сделать! — Я принимаюсь ходить туда-сюда по комнате. — Нельзя просто так тут сидеть.

Мэлоди зябко потирает ладони.

— Да, только что?

— Не знаю, — раздраженно отвечаю я, продолжая расхаживать по скрипучему полу. — Если куда-то пойдем, скорее всего, замерзнем насмерть, да и Лэйни найти не получится. Останемся здесь — будем легкой добычей для убийцы, если он надумает вернуться.

— Да… — Мэлоди задумчиво потирает ладони и вдруг застывает. — Ружье! Надо взять ружье!

Я в недоумении таращусь на нее.

— Какое еще ружье?

Мэлоди в ответ смотрит с неменьшим изумлением.

— Там, внизу. Ты что, не видела?

Глава 56

Октябрь

Шардай: Я серьезно, Трей. Давай лучше обсудим другой вопрос. (Пьет воду.) Например, поговорим о том, что его должны были поймать прежде, чем он убил Николь и тех двух девушек.

Трейвон: Если убил именно он, конечно.

Шардай: Ее никто не захотел слушать, потому что… барабанная дробь…

Трейвон: Потому что она черная.

Шардай: Ура! Правильный ответ! Вы выиграли! Да, все как обычно: наверняка она водилась с наркоманами, в тот день пила алкоголь или употребляла другие вещества, а дело было в каком-нибудь злачном районе, куда нормальные люди не заходят. Бла, бла, бла. И вообще, она ведь выжила, что еще ей от нас надо?

Трейвон: Получается, они не сочли нужным тратить на это время.

Шардай: Сто процентов. Можно еще рассказать про сокращение финансирования, нехватку кадров, невозможность установить факт изнасилования и…

Трейвон: Ее не насиловали.

Шардай: Я знаю. Просто хочу сказать, что это стандартная ситуация. Женщин никто не слушает. Тем более черных.

Трейвон: Я понял, о чем ты.

Шардай: А в нашем случае ее мало того, что не послушали, а вообще забыли, что она уже давала показания. Если бы Ли Джонс сама не явилась в полицию, копы так бы и не смогли раскрыть дело. А она пришла и сказала им: «Помните меня? Когда тот парень на меня напал, вам было наплевать. Слышала, теперь убили белую девушку?».

Трейвон (смеется): Прости, это все, конечно, не смешно.

Шардай: «Так ведь? Может, вам будет интересно еще раз услышать про ту жуткую татуировку с тремя шестерками?». (Дальше мужским голосом.) «Нет-нет, мы не придали никакого значения ее словам вовсе не потому, что она черная. Николь Уайт жила в другом округе — до него целых полмили».

Трейвон: Да, все так, — при условии, что это его рук дело.

Шардай: Сколько можно, Трей! У него же татуировка! ТАТУИРОВКА! Та-ту-и-ров-ка!

Трейвон: Ладно, ладно, ты права. Послушай те-

перь меня, хорошо? Если убрать татуировку, все остальное вообще не сходится, согласись. Давай вспомним, какие еще были улики.

Шардай (громко вздыхает): Валяй.

Трейвон: Есть слепок с отпечатка ботинок.

Шардай: Знаю, к чему ты клонишь.

Трейвон: И это не отпечаток Эрика Майерса.

Шардай: Да, однако…

Трейвон: У него даже размер другой!

Шардай: Ладно, след от ботинка не его. В том домике куча народа побывала. Подростки постоянно приходили туда выпить, покурить и т.п.

Трейвон: И?

Шардай: И-и-и… ничего удивительного, что следы не его. Кто только там не потоптался!

Трейвон: Просто с языка сняла! Используешь против меня мои же аргументы!

Шардай (смеется): …

Трейвон: Давай посмотрим, что еще нашли на месте преступления. Четыре сигаретных окурка, один использованный презерватив, один пакетик с остатками травки, шестнадцать пар следов, принадлежащих разным людям, две смятые банки из-под пива, одна разбитая бутылка и…

Шардай: Рог единорога? Чешуя дракона?..

Трейвон: Ха-ха, как смешно.

Шардай: Ладно, серьезно, что еще нашли копы?

Трейвон: Ничего. Вообще ничего! В том-то и дело! Ничто из перечисленного нельзя было привязать к Эрику Майерсу. На окурках не было его слюны, на бутылке не было его отпечатков, сперма в презервативе была не его. Следы тоже не его. Ни одного образца ДНК. Повторяю, не нашли НИ-ЧЕ-ГО.

Шардай: Да, здесь ты прав, признаю.

Трейвон: И как, черт возьми, это объяснить?

Шардай: Все просто, Трей, нельзя игнорировать очевидное. Все, что ты перечислил, имеет второстепенное значение по сравнению с главной и совершенно неоспоримой уликой. Уликой, которая, между прочим, могла бы спасти жизнь Николь Уайт и тех двух девушек, если бы копы прислушались к словам чернокожей женщины.

Трейвон: Да, да, понятно…

Шардай: Татуировка!

Глава 57

Октябрь

Джей, конечно, был не в восторге, однако все-таки согласился дать мне сумму, запрошенную Ли Джонс. Я долго осыпала его благодарностями и повторяла, как сильно он меня выручит.

— Я делаю это не столько для тебя, сколько для нее, — ворчливо ответил он.

Ну, хотя бы честно.

Чтобы подготовиться, перечитываю все, что могу найти про Ли Джонс, включая полицейские документы, сохранившиеся в редакции «Крайм-лайна» с прошлого раза — Хуанита откопала их специально для меня.

Раздается звонок в дверь, и секунду мы с Джеем в недоумении таращимся друг на друга — кто бы это мог быть? Потом вспоминаем.

— Черт! Куда мы положили конфеты? — спрашивает Джей, вскакивая с дивана.

Машу рукой в сторону кухни.

— На столе в вазе.

Я понятия не имела, ходят ли дети выпрашивать сладости на Хэллоуин по элитным много-

этажкам, — видимо, да.

В дверь опять звонят, и Джей бежит в кухню за сладостями, позволяя мне не отрываться от работы.

— Иду! — кричит он.

Бабушка тоже спрыгивает с дивана, пытаясь понять, что за суета.

Просматриваю сделанные в больнице фотографии колото-резаных ран, полученных Ли Джонс. Ей повезло: передо мной не снимки с места преступления, где ее лицо было бы закрыто черным прямоугольником, и не список ран в отчете о вскрытии. Хотя еще немного, и все могло бы закончиться именно так.

Из коридора доносится крик «сладость или гадость», и я слышу, как Джей раздает конфеты.

— Ты у нас игральный кубик? Классный костюм!

Джей не притворяется — судя по голосу, ему и правда нравится происходящее. В который раз думаю о том, что из него получился бы прекрасный отец, и тут же, как обычно, вспоминаю: вообще-то он давно им стал. Вернувшись, Джей опускается на диван рядом со мной, а Бабу́шка в нерешительности застывает на полпути к двери.

Несмотря на то, что она была чуть ли не при

смерти, Ли Джонс в мельчайших подробностях описала, что с ней произошло, не забыв упомянуть ключевую деталь — три шестерки, выбитые на запястье нападавшего. Копы составили рапорт, а дальше, судя по всему, забыли о ней. Ровно до того момента, когда полгода спустя Ли Джонс услышала об убийстве Николь Уайт и исчезновении еще двух девушек.

— Сладость или гадость!

Слышно, как сыплются в мешок конфеты.

— Русалочка? — спрашивает Джей. — Получается, ты Ариэль?

Просматривая материалы дела, я прислушиваюсь к возне в коридоре. Интересно, двенадцатилетние подростки сейчас вообще смотрят диснеевские мультики? А Грег? Очередной пробел. Отогнав тревожные мысли, стараюсь сосредоточиться на работе на фоне все новых звонков в дверь.

Дальше идут до неприличия короткие отчеты о том, как Ли Джонс с сестрой неоднократно приходила в полицию узнать, продвинулось ли расследование, и каждый раз следовал один ответ — «нет». Нападавший был в перчатках, так что отпечатков пальцев не осталось. ДНК собрать тоже не удалось — хотя, надо сказать, копы не очень-то

и старались. Не исключаю даже, что ее проигнорировали не из-за цвета кожи, а потому что она посмела выжить, ведь полицейским интересны исключительно убитые женщины. До тех, кому всего лишь угрожают, им дела нет. По крайней мере, историю с Крисом они не сочли стоящей внимания. Впрочем, я могу быть предвзята.

— Пожарный и снеговик, так? — доносится веселый голос Джея.

Между прочим, а не хотелось ли ему провести сегодняшний вечер с Грегом? Я даже не спросила, какой у него будет костюм. Или в двенадцать лет не ходят выпрашивать сладости? Еще один вопрос без ответа.

Листаю материалы дальше. Все это я уже видела на страницах документальной литературы, где основное внимание сосредоточено на Николь Уайт, а Ли Джонс отводится второстепенная роль — и все мы прекрасно знаем, почему.

Джей со вздохом усаживается на диван.

— Думаю, пока все. Никогда еще столько народу не было!

Баба́шка уже принюхивается к шоколадному батончику.

— Это не тебе, — строго одергивает ее Джей, словно она тоже его ребенок.

Вновь раздается звонок, и Джей с притворным недовольством хватает вазу с конфетами и идет встречать гостей.

Открываю следующую страницу. Судя по всему, она затесалась сюда случайно: здесь перечислены образцы ДНК, собранные на месте преступления в «Хоббс Лодж». Чаще всего напротив образца (включая пивную бутылку, окурок и использованный презерватив) значится фраза «ДНК не идентифицирована». В большом количестве были обнаружены лишь фрагменты ДНК Николь Уайт и, очевидно, владельца дома. Однако, как и сказал Трейвон, на месте преступления не было найдено улик, указывающих на Эрика Майерса, что в очередной раз подтверждает его слова. И тут я замечаю, что полицейским все же удалось установить еще одного человека, побывавшего в доме. Напротив образца ДНК, снятого с разбитой бутылки, заглавными буквами значится «КЛЭР ДИБОЛД».

— Какого?..

Глазам поверить не могу!

Возвращается Джей.

— Что случилось?

— Не может быть!

Я вспоминаю слова Райана Джонсона о том,

как Клэр «с катушек съехала», когда узнала про него и Николь. Я-то сосредоточила все внимание на бойфренде, что, учитывая обстоятельства, в целом вполне логично. Однако, если подумать, Клэр была в ту ночь одна — спала, как утверждает Райан. Только он ведь ушел… Получается, алиби нет ни у него, ни у Клэр. А мотив у нее был. Но зачем ей убивать остальных? В голове крутится статистика: женщины-маньяки тоже встречаются, хотя и крайне редко.

— Неужели это она?..

— Кто? — спрашивает Джей, и тут вновь раздается звонок в дверь. — Подожди секунду.

Из коридора доносится дружный крик:

— Сладость или гадость!

Глава 58

Сейчас

Мы спускаемся в темноту, и становится заметно холоднее. Почувствовав под ногами бетонный пол, я поднимаю руки и пытаюсь нащупать в воздухе шнурок выключателя. Наконец пальцы смыкаются на чем-то похожем на шнур, и я тяну вниз — раздается щелчок, и комната озаряется тусклым сероватым светом.

Здесь все, как было: на полу лужа засохшей уже крови, следы наших ног. Не похоже, чтобы сюда кто-то спускался, пока нас не было. Нож так и лежит на прежнем месте, а рядом резинка для волос, заскорузлая от крови. Увидев ее, Мэлоди вскрикивает и отшатывается.

— Это… резинка Лэйни, — шепчет она, показывая пальцем.

— Знаю, — с грустью подтверждаю я. — Ты не спускалась сюда после?..

Опустив глаза, Мэлоди морщится и качает головой.

— Смотри. Вон ружье.

Она проходит чуть дальше, и действительно

— на стене висит ружье. Неудивительно, что в прошлый раз я его не заметила: наткнувшись на резинку Лэйни, я испугалась и убежала наверх.

— Давай посмотрим, вдруг тут еще что-то есть.

Мэлоди соглашается, и мы исследуем подвал: каждый угол, каждую щелку, включая электрощит, насос и пустое пространство за печкой.

— Вроде бы все осмотрели.

— Да, похоже на то.

Возвращаемся к стене, на которой висит ружье, и опасливо смотрим на него. Мэлоди подходит чуть ближе.

— Странно, не находишь? Почему он его не забрал?

Да уж…

— Видимо, предпочитает другие виды оружия.

Встав на цыпочки, Мэлоди тянется к ружью, однако со стоном застывает: из раны на ноге сочится кровь. Я снимаю ружье с крюка и протягиваю ей, словно подарок.

— Держи.

— Спасибо, — она неловко улыбается. — Уж лучше, чем теннисная ракетка.

* * *

В гостиной Мэлоди откидывает ствол ружья и показывает мне два сидящих в гнезде патрона.

— Есть! Заряжено.

Кажется, она не зря нарядилась в охотничью шапку.

Мэлоди упирает приклад в плечо и, сощурившись, смотрит вдоль ствола. Движения уверенные, отточенные — можно подумать, она подобное тысячу раз делала.

— Ты так умело обращаешься с ружьем — аж жутко становится.

Мэлоди, не меняя позы, улыбается.

— Помнишь, я как-то снималась в пилотной серии, а сериал в итоге так и не вышел?

Смутно припоминаю что-то подобное пару лет назад. К несчастью, нам с Лэйни не раз приходилось наблюдать, как срывались проекты, в которые приглашали Мэлоди. В последний раз она должна была сниматься в социальной рекламе против наркотиков: по сюжету, ее героиня кололась в ванной. *Мам, привет! Поздравь: меня взяли на роль девушки, которая умирает от передоза, лежа в ванне!*

— Я играла вторую сестру, — говорит Мэлоди,

опуская ружье. — Там в дом вломился грабитель, и я должна была его застрелить. Патроны, конечно, были холостые, однако мне все равно пришлось пройти инструктаж по технике безопасности. Плюс я сама взяла несколько дополнительных уроков стрельбы — моя героиня умела пользоваться оружием… Научить тебя?

Я застываю в нерешительности — благодаря работе в «Краймлайне» мне слишком хорошо известна статистика. Если в доме есть ружье, вероятность летального исхода повышается в два раза, а если вы женщина, то в семь. Женщины обычно погибают от рук тех, кто, как предполагается, их любит.

— Лучше не надо.

— Да ладно тебе! — Мэлоди вновь вскидывает ружье. — А если он вернется? Тебе не помешает уметь стрелять.

Пожалуй. Дома, конечно, мне оружие не нужно, однако раз неподалеку рыщет маньяк…

— Хорошо, давай.

— Так, иди сюда. Становись как я, — Мэлоди приподнимает ствол и делает вид, что прицеливается. — Лови гада на мушку и спускай курок. Предупреждаю, курок тугой, так что придется приложить усилие.

Она поворачивает ко мне серьезное лицо.

— Понятно.

— Прицеливаешься и спускаешь курок, — Мэлоди вновь делает вид, что прицеливается. — И-и-и… Паф! — Она чуть задирает ствол, как будто выстрелила.

Ее возглас эхом разносится по комнате.

— Теперь сама попробуй, — предлагает она, протягивая мне ружье.

Я неохотно принимаю его.

— Тут есть предохранитель? — нервно спрашиваю я.

Мэлоди показывает мне маленький, покрытый ржавчиной рычажок на прикладе.

— Я сняла его.

Сняла предохранитель?! Это точно моя подруга?

Под внимательным взглядом Мэлоди я упираю приклад в плечо, делаю вид, что спускаю курок и вяло говорю «паф».

— Отлично! — учительским тоном хвалит она.

Я с облегчением опускаю ружье.

— Осторожнее! — кричит Мэлоди, отбирая у меня дробовик и осторожно прислоняя к стене. — С оружием шутки плохи.

— Ладно, ладно, Энни Оукли[16]…

И тут мы обе вздрагиваем: раздается звук. Самый сладостный звук на свете! Входящее сообщение.

— Телефон, — пищу я, и мы бросаемся смотреть.

[16] Сноски: 16

Американская женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью.

Глава 59

Октябрь

Лэйни: Скука смертная.

Алекс: Опять в отеле?

Лэйни: Угу.

Мэлоди: А Руби где?

Лэйни: Спит. В Сиэтле.

Алекс: С тобой?:)

Лэйни: Если бы:(Я в Толидо, и мне не спится.

Мэлоди: Отстой.

Алекс: Отстой.

Лэйни: Отстой. А вы чем занимаетесь? Алекс, небось, очередную ерунду для свадьбы выбирает?

Алекс: Не, после долгих споров мы наконец-то определились с оформлением для пригласительных.

Мэлоди: Уф, слава богу!

Алекс: Не то слово. А у тебя там что, Мэлоди? Как дела с Мейсоном-медиком?

Мэлоди: Этот козел меня бросил.

Лэйни: ЧТО???

Алекс: Да ладно!!! Вот же козел!

Мэлоди: Нет, вы подумайте! Я ему разрешала на мне практиковаться кровь брать! Честно говоря, я порой думаю, что ему только моя кровь и была нужна.

Алекс: Конченый ублюдок.

Лэйни: Он тебя не достоин.

Алекс: Однозначно. Сказать по правде, мне он всегда казался занудой.

Лэйни: Да, шуток никогда не понимал.

Мэлоди (вздыхает): Это правда.

Лэйни: Ладно, пойду спать, завтра важный матч.

Мэлоди: Ага, и у меня репетиция рано утром.

Алекс: Продолжу тогда изучать своего психопата.

Лэйни: А, ты про того с тремя шестерками, на котором ты помешалась?

Алекс: Ни на ком я не помешалась! Ну… разве что чуть-чуть:)

Мэлоди: Всем спокойной ночи!

Лэйни: Спокойной ночи!

Алекс: Сладких снов!

Глава 60

Ноябрь

— В ту ночь я спала, — недовольно объявляет Клэр. — Вам лучше с Райаном поговорить.

Мы созваниваемся по «Скайпу». Клэр нервно теребит сережку у себя в ухе. Толстые стекла очков увеличивают голубые глаза, делая ее похожей на карикатуру: глаза на пол-лица, нос и губы съехали куда-то вниз.

Ну почему, почему я не позвонила ей раньше! Чертова предвзятость! Мне даже в голову не пришло, что маньяком вполне может оказаться женщина. К счастью, номер получилось найти сразу, а сама Клэр с легкостью согласилась на интервью.

— С Райаном я уже говорила. У него алиби.

Не стоит упоминать, что алиби не стопроцентное.

Клэр покатывается от смеха.

— Вы про ту его подружку? Райан? Она ради него что угодно сделает — я бы не принимала ее слова за чистую монету.

После истории с триппером я бы поспорила,

однако лучше сменить тему.

— Полицейские вас опрашивали?

— Конечно, — оправдывающимся тоном отвечает Клэр. — Они много кого опрашивали, — она вновь принимается теребить мочку уха. — Меня не было в списке подозреваемых.

— Знаю, — говорю я, хотя и не уверена, что это так.

Пока что я случайно увидела образцы ДНК с места преступления. Впрочем, запрос в полицию отправлен, так что надеюсь, скоро у меня будет возможность ознакомиться с досье на Клэр.

— Вы с Николь вместе ходили в воскресную школу?

— О да, ее организовало Содружество христианской доктрины, — она со смехом закатывает глаза. — Впустую потраченное время.

Переворачиваю страницу в блокноте, глядя, как мимо стеклянного кабинета проходит Уайли.

— Вы хорошо ее знали?

— Видимо, недостаточно хорошо, — презрительно фыркнув, бросает Клэр. — Думала, мы подруги, а она моего парня увела, — вновь пренебрежительное хмыканье. — Впрочем, невелика потеря.

— Райан тоже ходил на занятия? — спрашиваю

я, вспомнив слова его подружки.

— Угу, там-то они с Николь и познакомились.

Получается, Райан действительно недоговаривает. Вопрос: он просто забыл — или намеренно умолчал?

— А преподавателем был ее отец, — уточняю я.

Клэр кивает.

— Мы иногда пересекаемся, — она отпивает немного кофе. — Я работаю в банке недалеко от его дома. Он всегда был какой-то… странный. Даже до ее смерти.

— В каком смысле странный?

— Ну… — Клэр делает еще глоток. — Постоянно твердил что-то про дьявола, про свет и тьму, про «Откровение» и…

— Погодите, — перебиваю я, поразившись тому, что она упомянула именно об этом. — «Откровение»? Почему вы об этом вспомнили?

К моему удивлению, Клэр ухмыляется.

— Потому что он всех достал — только его и цитировал. Мы даже шутили между собой во время занятий: будет сегодня что-то из «Откровения» или нет?

Интере-е-есно… С другой стороны, если Клэр известно о записке, она могла специально так сказать, чтобы подозрение пало на отчима. Нет, надо

придерживаться исходного плана и спросить ее про ДНК. Сделав небольшую паузу, я думаю, как задать вопрос таким образом, чтобы одновременно спровоцировать ее на неосторожный ответ и при этом не разозлить настолько, чтобы она отказалась продолжать разговор. Пожалуй, лучше обойтись вообще без вопроса.

— Вашу ДНК нашли на месте преступления.

Клэр вновь хватается за мочку уха.

— Откуда вы знаете?

— Видела материалы дела. Полицейские нашли в охотничьем домике вашу ДНК.

Она яростно крутит мочку, та уже покраснела.

— Я и не говорила, что меня там не было. Туда много кто приходил — выпить, покурить, всякое такое.

Мимо кабинета проходит Тоби, напряженно вглядываясь внутрь. Увидев меня, она хмурится и идет дальше.

— Там и ДНК Райана была, — возмущается Клэр. — Мы пару раз там трахались. Просто тогда его не было в базе данных. Уверена, если вы сейчас проверите, совпадение будет. Его задерживали пьяным за рулем, так что вся информация на него у полиции теперь есть.

Надо подумать. Райан отказался сдавать об-

разец ДНК. Я решила, это связано с тем, что он был в списке подозреваемых, однако, возможно, он понимал, что его ДНК найдут в домике, и не хотел подставляться. Надо попросить Хуаниту отправить запрос в полицию: пусть еще раз все проверят. Посмотрим, есть ли он в их базе. Хотя, честно говоря, сомневаюсь, что из этого что-то выйдет: вполне возможно, Клэр хочет запутать меня. Тем более, на проверку ДНК уйдут недели, а у меня остался всего месяц, чтобы со всем разобраться. *Сделай уже что-нибудь, Алекс.*

— У них и моя-то ДНК была только из-за дурацкой шутки с кражей из магазина.

Клэр продолжает крутить сережку.

— Что за шутка?

— У нас была забава — разводили друг друга «на слабо», и она… — Клэр внезапно застывает. — Бред какой-то. Зачем я вообще вам все это рассказываю! Даже если предположить, что я убила Николь за то, что она оказалась такой лживой тварью… — прервавшись, Клэр бормочет под нос «земля ей пухом» и продолжает: — Зачем бы мне понадобилось нападать на Ли Джонс?

Она права. Это единственное, что я не могу объяснить, — ее и Николь связывает один лишь Эрик Майерс. Однако, когда от каждого слышишь

«даже если бы это был я… зачем мне…», это настораживает. Раз уж они сами допускают такую вероятность, то я и подавно.

— Вы были знакомы с Ли Джонс?

— Нет! — выкрикивает Клэр. — Говорю же, я ее не знаю. Я не маньяк-убийца! Боже правый!

Да, но связь между убийством Николь и исчезновением двух других девушек так и не доказана. Это по-прежнему лишь предположение, в которое все поверили. А у Клэр были веские основания не любить Николь.

— Вы согласились бы пройти тест на полиграфе? — спрашиваю я, вспоминая ее бывшего парня, который не отвечает больше на мои звонки.

Хотя в «Краймлайне» есть полиграф, полученные данные все равно нельзя использовать в легальном поле. К тому же я понятия не имею, разрешат ли мне им воспользоваться.

— Нет, конечно! Вы совсем рехнулись?! — возмущается Клэр. — Разговор окончен! Позвоните еще раз — будете общаться с моим адвокатом.

— Постойте! — Надо сдавать назад. — Простите, я не хотела…

— Ах да, еще кое-что! Если вдруг вы не заметили, у меня нет татуировок с тремя шестерками.

— Да, конечно, я всего лишь…

Звонок обрывается.

Мимо вновь проходит Тоби, заглядывая внутрь, и я принимаюсь просматривать свои записи. Пока что имеем следующее. Райан Джонсон — врал, не прошел тест на полиграфе, алиби сомнительное. Клэр — ДНК на месте преступления, алиби нет. Адам Редмонд — имя значится в записке, зациклен на дьяволе, стихе из «Откровения» про число зверя, вел занятия в воскресной школе. Никто из них не похож на серийного убийцу, между ними и Ли Джонс не прослеживается никакой связи, и ни у кого нет той самой татуировки. Всего этого недостаточно, чтобы убедить Тоби снять еще один выпуск про это убийство. Вздохнув, я начинаю собирать вещи, и тут у меня звонит телефон.

— Алло?

Тишина. Смотрю на номер — скорее всего, какая-нибудь реклама.

— Алло? — повторяю я.

На этот раз в трубке раздается голос.

— Жду не дождусь, когда разрежу тебя на куски и испишу все стены твоей кровью.

Вижу свое застывшее от ужаса лицо, отражающееся в мониторе, и отвожу глаза.

— Кто это?

В трубке гудки.

* * *

— Номер, скорее всего, одноразовый, — заключает Хуанита, возвращая мне телефон. — Поэтому никто и не отвечает. Наверное, уже выбросил в мусорку. — Она откидывается на спинку кресла, уперев локти в подлокотники. — Ты не узнала его?

— Нет, — я стискиваю в руках телефон, а сердце все еще бешено колотится. — Он, видимо, как-то изменил голос.

— Похоже, ты кому-то здорово на мозоль наступила, — замечает Тоби.

Она стоит, опираясь на стол Хуаниты, и выглядят они рядом довольно абсурдно: крошечная Тоби и огромная Хуанита.

— Вы можете выяснить, откуда звонили? — спрашиваю я, гипнотизируя номер на экране, словно это даст мне какую-то информацию.

— Не так-то это просто, — отвечает Хуанита. — Возможно, получится отследить серийник телефона и узнать номер карты, с которой оплачивали, однако я бы на его месте пользовалась наличными. Разве что мы имеем дело с умственно отсталым. Вполне возможно, это кто-то из

приятелей Эрика Майерса — операция под чужим флагом. Хотят выставить все так, словно тебе угрожает кто-то еще, а сам Майерс невиновен.

Тоби согласно кивает.

— Да, мы такое проходили.

— Может, и так, — неуверенно говорю я. Слишком уж сложная схема выходит.

— Мы получили результаты анализа ДНК с прошлого письма? — спрашивает Тоби, усаживаясь на стол, к явному недовольству Хуаниты.

— Пока нет. Я потороплю их. Если отпечатки есть в базе данных, мы об этом узнаем.

Тоби принимается болтать ногами, сидя на столе.

— Как ты сама говоришь, никто из них не имеет никакого отношения к Ли Джонс. И татуировок у них нет.

Хуанита демонстративно захлопывает ящик стола, и Тоби наконец спрыгивает на пол.

— Связь, конечно, сложно проследить, однако, если ты маньяк, надо же с кого-то начинать.

— Да, пожалуй, — соглашаюсь я, хотя что-то мне в этом во всем не нравится.

— А как дела с Ли Джонс? — спрашивает Тоби.

— Встречаюсь с ней завтра.

— Ого! — Похоже, Тоби приятно удивлена. —

Уговорила?

— Да.

Пожалуй, не стоит упоминать, что это стоило пять тысяч долларов.

— Тут еще кое-что прислали, — добавляет Хуанита, протягивая Тоби письмо.

Я успеваю разглядеть напечатанное сверху название юридической фирмы.

— Что это? — спрашиваю я, когда Тоби возвращает письмо Хуаните.

— Предупреждение, — отвечает Хуанита. — От адвоката Райана Джонсона.

Глава 61

Ноябрь

Густой дым рассеивается в воздухе, оставляя после себя неприятный сладковатый запах.

— Дурацкая привычка, — извиняется Ли Джонс, убирая в карман электронную сигарету.

Я перевела ей на счет половину требуемой суммы, и она согласилась со мной поговорить. Пришлось приехать к ней в Пенсильванию, в городок Аллентаун, куда, по ее собственным словам, она перебралась ради парня, а в итоге осталась там из-за ребенка. Встретились мы в каком-то торговом центре и теперь направляемся на фудкорт.

В отличие от Донны Уайт, Ли Джонс за эти десять лет практически не изменилась — разве что немного прибавила в весе и прическу сменила с дред на афро. На месте страшных порезов остались шрамы: тонкие линии на руках, на ключице, на шее до самого подбородка.

— Будете что-нибудь? — спрашиваю я, обводя взглядом фудкорт.

Выбор не сильно большой: Panda Express с

китайской едой, пиццерия Sbarro, соки Jamba и Cinnabon. Булочки с корицей пахнут умопомрачительно (на занятиях по экономике нам рассказывали, что они специально делают так, чтобы запахи оставались внутри помещения, а не уходили в вентиляцию) — только мне их нельзя, надо сначала платье выбрать.

— Угощаете?

— Конечно, — соглашаюсь я, доставая кошелек.

— Тогда пиццу.

Пиццу мне есть тоже не стоит, так что, пожалуй, ограничусь диетической колой. Очередь движется быстро, и вот мы уже выбираем столик (где поменьше крошек) и усаживаемся на жутко неудобные металлические стулья. Все вокруг пропитано ароматом булочек с корицей.

Когда Ли приносят пиццу, кладу телефон на стол и включаю запись.

— Ничего? — уточняю я, хотя предварительно она дала согласие.

Ли равнодушно пожимает плечами.

— Итак, вы были знакомы с Эриком Майерсом?

Какое-то время она молча жует пиццу и наконец, смахнув со стола несколько крошек, отвечает:

— Я бы не сказала, что была прямо знакома с ним. Так, видела один раз на вечеринке. Он выделялся среди остальных.

— Чем именно?

— Кроме него, белых там не было. Кажется, он встречался тогда с чьей-то двоюродной сестрой. За весь вечер мы, может, парой слов и перекинулись.

Она громко тянет газировку через трубочку.

— Когда он на вас напал, вы узнали его? — спрашиваю я, пытаясь поудобнее устроиться на стуле.

— Нет, потом поняла. Кое-кто из друзей мне подсказал. С той вечеринки он почти сразу ушел, а когда бросился на меня, на нем была балаклава, так что… — вытерев с подбородка соус, Ли горько усмехается. — На суде меня спрашивали об этом. Как так вышло, что я не опознала его сразу, если до этого мы встречались. Сами подумайте, я видела его однажды в полутемной комнате, где было полно народу, все пьяные. И татуировку свою он не показывал тогда, — она качает головой. — Нет, нечего на меня валить, полицейские сами виноваты, что не стали слушать. Мне себя упрекнуть не в чем.

Я киваю.

— Если не возражаете, расскажите мне, как все случилось.

Ли делает глубокий вдох, нервно барабаня пальцами по испещренному царапинами столу.

— Я возвращалась домой после работы. Не ночью, но довольно поздно, может, часов около десяти. Дорога шла мимо автомастерской, где работал Майерс. Это я потом узнала, а тогда и понятия не имела, чем он вообще занимается. Шла себе мимо.

Ли слегка ерзает на стуле. Из ларька с булочками доносится громкий звук кофемолки, и мы обе оборачиваемся в ожидании, когда все затихнет.

— Потом я услышала шаги.

Я невольно бросаю взгляд на телефон — убедиться, что запись идет.

— Тогда я не слишком испугалась. В том смысле, что я, конечно, всегда начеку — я ведь женщина. Однако те шаги были… медленные. В них не чувствовалось угрозы.

— Понятно.

Какое-то время мы сидим молча, и я жду, пока она продолжит рассказ.

— Остальное я помню довольно смутно… — По ее телу пробегает дрожь. — Он сбил меня с ног, и я ударилась головой о камни. Помню, щебенка

впечаталась прямо в лоб.

Едва не поморщившись, я спешно подношу стакан ко рту.

— У меня перехватило дыхание, так что я изо всех сил пыталась хотя бы глотнуть воздуха, — губы у нее дрожат. — Он перевернул меня на спину. Как я и сказала, на нем была балаклава, но глаза я видела. И никогда не забуду. Как только мне показали Эрика Майерса, я их сразу узнала, — она принимается рвать на клочки салфетку. — Он был высокий, сильный, и ему не составило труда справиться со мной. Просто начал резать меня ножом, словно… получал от этого удовольствие. Можно подумать, картину рисовал.

Должно быть, у меня на лице написано отвращение.

— Тоже думаете, что это ненормальная херня какая-то? Я боялась, он меня изнасилует, однако ничего подобного. Видимо, не по этой части, — Ли слегка закатывает глаза. — Ну вот, собственно, и все. Он меня изрезал. — Она поднимает руки, демонстрируя шрамы. — На ногах тоже следы остались. И вот еще что странно. У меня есть пара татуировок: китайский иероглиф, означающий «жизнь», на левой ноге и имя племянницы на правой, — мы обе опускаем глаза, хотя под брю-

ками и носками все равно ничего не видно. — Так вот, ему они, видимо, особенно не понравились. Он словно хотел их вырезать прямо с мясом…

Я представляю себе эту картину, и мне становится дурно от одной мысли.

— Кожу в тех местах потом пришлось пересаживать, — добавляет Ли, разглядывая шрамы на руках. — Видимо, он считал, что у женщины не должно быть татуировок. А может, ему просто мои не понравились, — она криво усмехается. — Какая ирония! Сам-то он из-за татуировки и попался.

Перед глазами встает иссеченная в клочья татуировка в виде бабочки на руке у Николь Уайт.

— Да уж…

Потом вспоминаю слова Эрика Майерса: все обвинение построено на этой татуировке. Без нее его, вероятно, даже не поймали бы, не говоря уже о приговоре.

— Как вы думаете, могла эта татуировка быть… ненастоящей?

Ли подозрительно косится на меня.

— В каком смысле?

Я болтаю в стакане соломинкой.

— Ну, например, кто-то нарисовал ее специально, чтобы вы подумали на Эрика Майерса. Сам он,

по крайней мере, говорит, что его подставили.

— Конечно! Что еще он может сказать! — фыркает Ли. — Я знаю, что видела. Помню все в мельчайших подробностях. Это была татуировка — не рисунок маркером.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Не стоит давить. Скорее всего, она права.

— Знаете, что еще странно? — добавляет Ли, уставившись в даль. — В какой-то момент он просто остановился. Я поняла, что умираю, — уже чуть ли не пение ангелов слышала. А он взял… и ушел, — она поворачивается ко мне. — Я бы погибла, если бы меня не заметили из проезжающей мимо машины. И до сих пор непонятно, почему он это сделал: почему кинулся кромсать меня и почему вдруг прекратил. Одно я знаю наверняка, — она смотрит мне прямо в глаза. — Это был Эрик Майерс. Никаких сомнений.

— Верю, — кивнув, отвечаю я.

Оставшееся время мы проводим в тягостном молчании. После ее рассказа было бы неловко начинать пустой разговор о погоде или семейных делах. К сожалению, единственное, чего я добилась этой встречей — разбередила воспоминания Ли Джонс о той страшной ночи. Конечно, не вредно услышать историю из первых рук,

однако ничего нового выяснить не удалось. У меня по-прежнему нет аргументов, способных убедить Тоби возобновить расследование. Уже хочу остановить запись — и тут вспоминаю, что не задала еще один вопрос.

— У Николь в кармане была записка. «Откровение 13:18» и имя АДАМ. Есть предположения, что это может значить?

— Ни единого. Впервые слышу. Впрочем, мы с ней и знакомы-то не были.

— А Райана Джонсона вы случайно не знали? Это один из ее парней. Или Клэр Диболд, ее подругу? Или… Адама Редмонда, ее отчима? Эти имена вам ни о чем не говорят?

Ли качает головой.

— Нет. Я же сказала, мы с ней не были знакомы.

— Ясно, — вздыхаю я, останавливая запись. — Спасибо, что согласились на беседу, мне это было очень важно.

— Угу.

Она хватает сумочку и принимается искать в ней электронную сигарету.

— Пора возвращаться на работу…

— Да, конечно, — я протягиваю ей визитку. — Если что-то понадобится, у вас есть мой номер.

Или если что-нибудь еще вспомните. Остаток денег переведу сегодня.

— Спасибо.

Мы идем к выходу, и я все думаю о ее словах. *Это был Эрик Майерс. Никаких сомнений.*

Похоже, пришло время наконец встретиться с ним лично — посмотреть, врет он или нет. Возможно, это мой последний шанс убедить Тоби.

Значит, придется наведаться в тюрьму.

Глава 62

Сейчас

Мама наконец заснула, скоро приеду.

Это Ноа.

— Слава богу!

С невероятным облегчением я падаю на диван, и от резкого движения пульсирующая боль в голове возобновляется: тело наконец расслабилось, зато шишка на голове сразу спешит о себе напомнить.

— Я уже и не думала, что он найдет телефон в этих сугробах.

— Напишу ему, что мы получили, — говорит Мэлоди, присаживаясь на подлокотник и печатая текст.

— Надо набрать 911, пока сигнал есть, а потом я позвоню Джею.

Я в изнеможении растекаюсь по дивану. Слава богу! Может, нам еще удастся найти Лэйни, и весь этот кошмар скоро закончится.

И тут я вижу лицо Мэлоди.

— Не отправилось.

— В смысле?

Вскочив, я заглядываю в экран. Голова раскалывается.

— Как такое может быть? Только что ведь все работало!

Мэлоди остервенело тычет пальцем в экран.

— Видимо, сеть опять пропала, — бормочет она, роясь в настройках.

— Попробуй перезагрузить его, — предлагаю я.

— Ладно, — неохотно соглашается она. — Но у меня батарейка садится, так что…

Выхватываю у нее телефон.

— Я звоню в полицию!

— Именно это я и собиралась сделать. Говорю же, сигнал не проходит.

Набираю 911. Бесполезно, сети нет. Пробую еще раз — ничего.

— Твою мать!

Головная боль невыносимая, видимо, действие тайленола прошло. В слезах падаю обратно на диван.

— Я собиралась еще Джею позвонить!

Вдруг понимаю, как сильно мне хочется услышать его успокаивающий голос. Джей всегда знает, что надо делать, он бы помог.

— Слушай, — мягко говорит Мэлоди, забирая у

меня телефон. — Ноа написал, что едет. Тут недалеко, так что будет с минуты на минуту. Может, он и в полицию уже позвонил.

Небо за окном приобретает грязноватый, розовый с серым оттенок. Тру высохшие глаза — бессонная ночь дает о себе знать.

— Хочешь, по очереди поспим? — предлагает Мэлоди, вставая с дивана. — Если что, я первая подежурю.

— Не знаю, — откликаюсь я, продолжая тереть глаза. — А можно? Меня все тянет еще что-то сделать.

— Что, Алекс?! — в отчаянии восклицает Мэлоди. — Серьезно, что ты предлагаешь?

Подумав немного, я сдаюсь.

— Да. Наверное, стоит дождаться Ноа.

— Уже почти утро. Значит, провода должны почистить от снега, и скоро появится связь.

Она зевает, прикрыв рот ладонью.

— Пожалуй, — соглашаюсь я. — И все-таки нам лучше быть начеку. Вдруг он вернется?

— Ладно, попробуем.

Мы сидим на диване, изо всех сил стараясь не заснуть. Вдалеке кричит ворон, а небо с каждой минутой розовеет. Открыв рот, Мэлоди бьет себя по щекам — получается гулкое эхо. Интересно,

это какое-то актерское упражнение?.. Тут она выпрямляется и разворачивается ко мне.

— Так, давай разговаривать — тогда мы точно не заснем. Что ты первое сделаешь, когда попадешь домой?

На секунду задумываюсь.

— Пойду в душ.

— А потом?

— Позавтракаю. Или пообедаю — смотря во сколько.

— М-м-м… Шоколадные блинчики?

Я смеюсь.

— Джей однажды приготовил блинчики. Вышло ужасно.

Он решил сделать мне сюрприз: принес завтрак в постель. В одних трусах и фартуке, заляпанном тестом, выглядел он сногсшибательно.

Мэлоди смеется своим всегдашним мелодичным смехом.

— Да ладно! Только не говори, что у мистера Совершенство есть недостатки!

— Есть-есть. Готовит он отвратительно, — я потягиваюсь, пытаясь размять спину. — Ну, а ты что сделаешь, когда попадешь домой?

Мэлоди стягивает с себя свитер и брезгливо отбрасывает подальше.

— Во-первых, закину все вещи в стирку.

Усмехнувшись, киваю. Чувствую, что глаза слипаются.

— Эй! — Мэлоди щелкает пальцами у меня перед носом. — Ты засыпаешь.

Сажусь прямо.

— Да, прости.

Она качает головой.

— Может, все-таки поспишь немного? Я серьезно. Сначала ты, потом я. Если что-то увижу — сразу разбужу.

— Да, видимо, придется так и сделать.

И все же я колеблюсь. Не хватало еще мне начать бегать или драться во сне.

— Боишься, что опять привидится что-нибудь в REM-фазе? — спрашивает Мэлоди, заметив мою нерешительность.

И тут ни с того ни с сего ее разбирает смех.

— Ты чего?

Даже представить не могу, что здесь смешного.

— Помнишь, кто-то подарил Лэйни футболку с R.E.M., когда мы играли в Секретного Санту? А она такая… — Мэлоди изображает голос Лэйни: — Что еще за R.E.M. на хрен?

Я тоже не могу сдержать хохот.

— Даже не знаю, почему это было так смешно.

— Да, мы тогда просто по полу катались, — отвечает Мэлоди, переставая смеяться.

— В итоге ее носила ты?

— Ага. Ей она все равно мала оказалась.

Какое-то время мы молчим. Разговор оставил тягостное впечатление — словно мы на поминках вспоминаем, какой была Лэйни. Через пару минут глаза вновь начинают слипаться, голова падает вперед, и я рывком поднимаю ее. Мэлоди встает.

— Все, спи. Я посторожу.

— Давай я первая.

— Не переживай, я посижу. Тем более Ноа вот-вот приедет.

— Ладно, — соглашаюсь я и тут же засыпаю.

Глава 63

Ноябрь

— Ну, Бабуш, пора!

Прошло две недели. Я сижу, поглаживая Бабушку, и проверяю почту. Вот оно! Наконец-то! Мне разрешили навестить Эрика Майерса. Время четыре, до тюрьмы ехать часов шесть, вполне можно отправиться прямо сейчас. Взять кое-что из вещей, арендовать машину и, считай, я уже там.

Последние пару недель я изучала посвященную убийце 666 группу в «Фейсбуке», однако ничего нового не выяснила. Столь же безрезультатно ждала, не перезвонит ли Адам Редмонд. Ветка в «Твиттере» скатилась в откровенную мизогинию, а «Диванные детективы» копают в сторону исчезнувших девушек — опять же впустую. Отведенные мне шесть месяцев подходят к концу, и, так как Ли Джонс в очередной раз указала на Эрика Майерса, а ни одна моя теория не подтвердилась, Тоби не хочет, чтобы я тратила время на это дело — особенно после предупреждения от юриста.

Бросаюсь наверх собираться, и тут раздается звонок. Приходится бежать обратно и на слух искать телефон. Успеваю взять трубку в последний момент.

— Алло?

— Здравствуйте, — голос мужской. — Это Адам Редмонд. Прочитал ваше сообщение.

— Да, здравствуйте, — порывшись в сумке, достаю блокнот с ручкой и усаживаюсь на диван. Бабушка немедленно устраивается рядом. — Спасибо, что перезвонили. У меня появилось еще несколько вопросов.

— Ладно, но сперва я хотел бы извиниться за прошлый раз. У меня… не лучшая полоса в жизни. Я тогда был несколько не в себе.

Неожиданный поворот.

— Ничего страшного. Понимаю, вам, наверное, нелегко пришлось, а я разбередила старые раны.

Адам откашливается.

— Да, однако это не дает мне права так себя вести. Вот и решил сразу объясниться, — слышно, как он вздыхает. — Вы сказали, у вас еще вопросы? Я готов.

— Хорошо. Я правильно понимаю, что вы преподавали в воскресной школе, куда ходила Николь?

Пауза.

— Да, какое-то время.

Делаю пометку в блокноте.

— Дело в том, что… В общем, я говорила с несколькими друзьями Николь, и они сказали, что вы постоянно цитировали один и тот же текст… «Откровение».

— Да. Я ведь рассказывал, что пытался помочь им найти путь к свету.

— Найти путь к свету? — повторяю я, ожидая, что он объяснит подробнее.

— Предостерегал их от дьявола. Знаю, сейчас такими категориями уже не рассуждают. Это считается… упрощением. Или все стесняются. Хотя ничего упрощенного или постыдного тут нет. Мильтон был прав: это величайшая битва на земле. Битва между добром и злом, светом и тьмой. Я веду эту битву изо дня в день.

— Ясно… — Меня несколько ошарашила его внезапная проповедь. — В нашу прошлую встречу вы об этом не упомянули.

Редмонд вздыхает.

— Повторяю: в тот день я был немного не в себе, если вы вдруг не заметили.

Интересно, какой из двух Адамов Редмондов настоящий: трезвый и рассыпающийся в извине-

ниях или тот озлобленный выпивоха из бара?

— Мне нечего скрывать, — продолжает он. — Я сказал это полицейским и говорю вам: на мне тоже лежит ответственность за случившееся.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я, открывая чистую страницу в блокноте.

В трубке слышен еще один вздох.

— Я пытался остановить его. Правда пытался. Но не смог.

— Чего?!

Пауза.

— Как учитель, — начинает Адам, и по голосу понятно, что он улыбается, — я должен вас поправить. Правильно не «чего», а «что».

Стараюсь подавить раздражение.

— Да, хорошо. Так кого вы пытались остановить?

— Дьявола. Я не смог остановить дьявола, и он забрал ее душу.

* * *

— Что?! — чуть ли не выкрикивает Джей.

Час спустя, сидя в машине, я все еще обдумывала странный разговор с Адамом Редмондом и, наконец, решила позвонить Джею.

— Я вернусь, ты даже глазом моргнуть не успе-

ешь. Машину взяла напрокат, чтобы твою не трогать.

Он недовольно фыркает.

— Алекс, при чем тут машина! Бери ее, когда угодно, — повисает напряженная тишина. — А со мной ты не подумала все обсудить?

— Обсудить?

Я моментально ощетиниваюсь, однако Джей как будто не замечает.

— Да, обсудить!

— В смысле попросить у тебя разрешения?

— Нет, — более спокойным тоном отвечает он. — Предупредить хотя бы. Мне казалось, это нормально — сообщить будущему мужу, что куда-то едешь. Если ты вдруг забыла, у нас скоро свадьба.

— До нее еще больше месяца.

Сейчас начало ноября, а свадьба десятого января — эта дата уже намертво въелась мне в память.

— Да, но он ведь псих! — Джей опять повышает голос. — Шлет тебе послания, написанные кровью, звонит с угрозами. А если он что-нибудь с тобой сделает?

Вздохнув, я расслабляюсь. Это не попытка контроля — Джей просто волнуется за меня, и его

можно понять. Пожалуй, он прав — надо было предупредить.

— Во-первых, мы пока не знаем, кто отправил то письмо. И ничего он мне не сделает. Прости, что не предупредила. Честно говоря, я очень сильно ждала этого разрешения, и оно пришло так внезапно, что я совершенно забыла…

— Ладно, извини, сорвался. Я переживаю за тебя, только и всего.

На этой ноте мы заканчиваем разговор. Я обещаю позвонить, когда доберусь до места и сразу после интервью с Майерсом. И все же я нисколько не сомневаюсь, что поступаю правильно: если не хочу на всю жизнь застрять в стажерах, надо быть решительнее.

Судя по навигатору, до тюрьмы я доберусь к полуночи. Чтобы взбодриться, сую в рот очередную палочку сельдерея и включаю радио.

Из головы не идут слова Джея. Свадьба действительно очень скоро. Мы уже разослали все приглашения, хотя в какой-то момент и возникли проблемы с поиском каллиграфа. Я-то думала, достаточно будет распечатать на принтере (в конце концов, сегодня можно хоть ружье напечатать!), однако Джей настоял, что все должно быть написано от руки — так более солидно.

Собственно, он оказался прав: подписанные черными чернилами конверты выглядели гораздо презентабельнее. Еще мы наняли для свадьбы целую музыкальную группу (предварительно Кейтлин завалила нас ссылками на YouTube). Я опять же склонялась к варианту с диджеем, но Джей заявил, что это пошло, и тут даже мама с ним согласилась. С меню тоже определились: стейки, рыба и альтернативные блюда для вегетарианцев, хотя, как по мне, фуршетный вариант обошелся бы дешевле. Я уже представила себе столы с мексиканской, итальянской и японской кухней, а Джей сказал, что получится какой-то Диснейленд.

Невольно отмечаю, что мы с Джеем не сошлись ни по одному пункту. Впрочем, раз платит он, то и последнее слово за ним. С другой стороны, я не помешана на теме свадьбы — мне работать надо. Большинство мужиков и не взглянули бы на список гостей, а Джей взял всю подготовку на себя. Мне не на что жаловаться — он полностью избавил меня от хлопот, так что в целом не так уж важно, какие блюда он выберет для праздничного ужина.

И он позволил мне самой заказать торт. Кейтлин, конечно, посоветовала «розовое шампан-

ское» (что бы это ни значило), но мне хотелось что-то похожее на бисквитный рулет. Хотя Джей был не в восторге, возражать он не стал. В конце концов, мы ведь договорились, что торт выбираю я.

Бросаю взгляд на циферблат на передней панели — ехать еще пять часов.

Глава 64

Ноябрь

Напротив меня сидит Эрик Майерс, и в голове проносится столько мыслей, что сложно сосредоточиться на чем-то одном.

Я плохо сплю в гостиничных номерах, поэтому пришлось накачаться кофе: с утра выпила уже три чашки. И хорошо, что решила приехать пораньше — у входа выстроилась огромная очередь, так как всех проверяли с металлоискателями и собаками. Спасибо, хотя бы без личного досмотра обошлось.

Сама тюрьма по атмосфере напоминает огромную мужскую раздевалку: громкие голоса, шарканье ног, скрип ботинок, лязг дверных замков и запах пота вперемешку с хлоркой.

— Хорошо добрались? — спрашивает Эрик Майерс, нервно ерзая на стуле.

Тон вопроса никак не соответствует ситуации: можно подумать, я его родственница и приехала навестить на День благодарения.

— Да, спасибо.

Охранник в углу (все тот же здоровенный бу-

гай) презрительно хмыкает, но я не обращаю внимания: вполне возможно, мне понадобится его помощь, если вдруг Майерс решит на меня броситься.

— Что ж, — глубоко вздохнув, начинаю я. — Нет смысла скрывать: в «Краймлайне» решили, что дело того не стоит.

— Не стоит того? — Новость явно поразила Майерса. Он откидывается на спинку стула. — Но… но… Я не убивал! Вы должны убедить их возобновить расследование!

Сглотнув, я киваю.

— Послушайте, я пыталась. К сожалению, у всех другой взгляд на ситуацию.

— Это из-за татуировки?! — отчаянно выкрикивает Майерс. — Я ведь уже говорил: меня подставили! Кто-то просто нарисовал себе такую же!

— Дело не только в татуировке, Эрик. У меня недостаточно данных для работы. Плюс вы один были знакомы с Ли Джонс. Вы написали признание, вашу ДНК нашли на сумочке Николь.

Он вновь наваливается на стол, так близко, что я легко могла бы коснуться его щеки.

— ДНК на сумочке. Повторяю — мы ходили на свидание. Больше ничего не нашли! Разве моя

ДНК была на ее одежде или коже?

Майерс замолкает: мы оба прекрасно знаем ответ на этот вопрос.

— Еще результаты вскрытия, — продолжаю я, проигнорировав его выпад. — Они полностью совпадают с тем, что вы написали в признании…

— Конечно, совпадают! — Он саркастично смеется, вскидывая вверх руки. — Вы же знаете, что все это хрень собачья! Как им не совпадать, если я писал под диктовку? — Майерс нетерпеливо барабанит пальцами по столу. — В отчете сказано, что на теле найдены многочисленные ножевые ранения, вот копы и заставили меня написать, что я неоднократно ударил ее ножом. В отчете сказано, что в крови найден ТГК — меня заставили написать, что мы вместе накурились. Мне велели написать, что я порвал цепочку с кулоном в виде бабочки — и я написал, что порвал ее.

Мир вокруг словно застывает. Звуки шагов, звон ключей, его отбивающие дробь пальцы — все замолкает.

— Что вы сказали?

— О чем именно? — На лице Майерса отражается паника. Видимо, боится, что проговорился. — О цепочке?

— Вы сказали, кулон был в виде бабочки. Это

правда?

Глаза так и бегают по столу, будто в поисках правильного ответа.

— Мне кажется, да? — с вопросительной интонацией отвечает Майерс. — Я помню, она всегда носила кулон в виде бабочки, вот и сказал про него.

— Понятно.

Майерс с ума сходил по Николь, так что, возможно, и правда запомнил, какой она носила кулон. Однако есть вероятность, что он видел кулон в ночь убийства. Его изначальное, «фальшивое» признание не сходится с настоящим признанием, которое я сейчас услышала. Мне казалось, что ошибка в описании кулона может указывать на его невиновность, однако теперь не исключено, что именно она-то и является подтверждением вины.

Я еле сдерживаюсь, чтобы сейчас же не выбежать из комнаты, и медленно начинаю вставать из-за стола.

— В общем, повторяю: решили, что дело того не стоит.

— Подождите! — резко бросает Майерс и, перегнувшись ко мне через стол, шепчет: — Я могу еще кое-что рассказать.

— Ладно, — я в нерешительности застываю, так до конца и не поднявшись. — О чем речь?

Он стучит ладонью по столу, показывая мне, чтобы я села. Меня коробит от этого самоуверенного жеста, однако журналистский нюх во мне побеждает, и я опускаюсь обратно. Майерс с видом победителя откидывается на спинку стула.

— Думаю, в «Краймлайне» этим очень заинтересуются.

Глава 65

Сейчас

Открываю глаза и вижу, что склонилась над Мэлоди, занеся кулак у нее над головой, а она лежит на полу и смотрит на меня с нескрываемым ужасом. Разжав кулак, резко опускаю руку и встаю. Господи, опять эти сны!

— Бога ради, прости! С тобой все в порядке? Я тебя не ударила?

Я протягиваю ей руку, чтобы помочь подняться, но Мэлоди отмахивается.

— Все в порядке, — едва переводя дыхание, говорит она.

Оглядываю ее, ожидая увидеть резаные раны. Глупость, конечно, — ножа ведь у меня нет. Я могла ударить ее, однако синяков тоже не видно. Рукав пропитался кровью, но больше ничего.

— Боже милостивый… — Мэлоди медленно поднимается на ноги и на шаг отходит от меня. — Я-то думала, ты преувеличиваешь, что бываешь буйной во сне. Напугала до чертиков.

Я тоже делаю шаг назад.

— Прости.

Она все еще не может отдышаться.

— Ты била кулаками по воздуху, и я попыталась тебя остановить. Явно зря, — Мэлоди устало потирает лоб. — Что тебе приснилось?

Опираюсь на диван. Рука дрожит, словно я гири таскала.

— Он… В балаклаве.

Пытаюсь вспомнить, чье лицо увидела, когда сорвала балаклаву, однако картинка размытая. Обвожу взглядом комнату, стараясь собраться с мыслями.

— Прости, — в который раз повторяю я.

— Ну, справедливости ради, это я тебе ракеткой по голове вмазала, так что жаловаться не на что, — Мэлоди делает неопределенный жест рукой. — Как видишь, Ноа еще не приехал. Прошло, конечно, всего полчаса, но вообще-то можно за это время добраться.

— Я спала всего полчаса?

Подхожу к окну и вижу, как постепенно розовеет небо. Мэлоди права: Ноа давно должен был приехать.

— Ну, вдруг его мамаша проснулась.

— Или машина не заводится, или застрял — объяснений сколько угодно, — соглашается Мэлоди. Кровавое пятно все сильнее расползает-

ся по джинсам. — А дозвониться до нас не может, потому что сети нет.

Я нервно грызу ногти.

— Раз он не едет, не стоит ли нам выйти на дорогу?

— Не знаю, — сквозь стиснутые зубы бросает Мэлоди. — Правда, Алекс, я вообще не уверена, что могу куда-то идти. Нога болит ужасно.

— Да я и сама еле передвигаюсь…

Кости до сих пор ломит после того, как упала, убегая от Стива, — кажется, с того момента несколько дней прошло, — и голова по-прежнему раскалывается.

— Даже если Ноа не появится, это не сильно меняет дело. Надо подождать, когда почистят дороги, и движение восстановится.

Мэлоди устало опускается на диван — лицо бледное.

— Давай теперь ты поспишь немного, — предлагаю я.

— Да нет, я и так в порядке, — возражает она, и я замечаю на секунду мелькнувшее в ее глазах облегчение.

— Да ладно тебе, отдохни. А я пока посторожу, так будет честно.

Мэлоди зевает.

— Ладно, немного вздремнуть не помешает, — она ложится. — Можно тебя попросить кое о чем?

— А? — тоже зевая, откликаюсь я.

— Постарайся не заснуть и не избить меня.

— Приложу максимум усилий, — хотела пошутить, а вышло довольно мрачно. — Спи. Буду ждать Ноа.

— Ладно, — сонно мычит она.

И тут снаружи раздается едва слышный скрип.

— Что это? — моментально открыв глаза, шепчет Мэлоди.

— Ноа? — Я выглядываю в окно. — Машины не слышно.

— Есть вероятность, что его кто-то подвез и уехал?

— Думаю, он бы постучал, — шепчу я. — Или… — прикладываю кулак к уху, изображая телефон.

— Сети нет, — шепчет в ответ Мэлоди. — Но…

Звук становится громче, и мы в ужасе смотрим друг на друга.

Чьи-то шаги.

Глава 66

Ноябрь

— Мой сокамерник намерен устроить побег, — заявляет Эрик Майерс, скрещивая на груди руки с таким видом, словно объявил «шах и мат». Впрочем, меня этот ход не сильно впечатляет — лишь отчаянная попытка потянуть время. Вряд ли он стал бы обсуждать план побега при охраннике, пускай даже тому совершенно наплевать на все, что здесь происходит.

— Неужто, — спокойно отвечаю я.

— Угу, — он явно разочарован моей реакцией. — Парень очень серьезно подходит к делу. Мы зовем его «инженер». Потому что…

Закрываю блокнот.

— Потому что раньше он был инженером?

— Именно.

Майерс слегка тянет на себя стол, словно желая силой мысли заставить меня не уходить.

— У него есть чертежи тюрьмы. Кое-кто на воле раздобыл.

Я не слушаю — думаю о своем. Надо поскорее оформить весь собранный материал, пускай даже

Тоби и не даст добро на новое расследование. Собственно, этого и не требуется. Эрик Майерс выдал себя, случайно сказав правду. В первый раз за все полгода я совершенно уверена, что убийца он.

Хорошо бы закончить с работой, пока Джей уедет в Австралию на День благодарения, а сама я буду у мамы в Вермонте. Потом не успеешь оглянуться, и свадьба, да еще Лэйни с Мэлоди, несмотря на мои яростные возражения, все-таки решили в первые выходные декабря устроить девичник — причем не говорят, где.

— Там исходные чертежи за 1973 год, — долетают до меня слова Майерса.

Как и раньше, он нервно стучит пальцами по столу. Охранник в углу зевает.

— Вентиляция, — шепчет Майерс, — вот слабое место. Он только хочет сперва убедиться, что трубы нас выдержат.

Я невольно настораживаюсь.

— Нас? То есть вы тоже в деле?

— Может, да, может, нет, — сверкнув глазами, отвечает Майерс.

Охранник закатывает глаза.

— Послушайте, Эрик, мне было поручено конкретное задание — дело 666. К сожалению, инженер не имеет к нему никакого отношения.

«Не говоря уже о том, что это полнейшая чушь», — добавляю я про себя.

Осклабившись, он наклоняется ко мне через стол, и впервые я замечаю в его глазах злость, даже агрессию. Вероятно, то же видели Ли Джонс и Николь Уайт.

— Речь идет о побеге опасного преступника, — с угрозой в голосе говорит Майерс. — Разве это не стоит внимания?

Я скрещиваю руки на груди, отстаивая свои границы.

— В таком случае мне придется сообщить о ваших планах администрации тюрьмы. Разве за такое не накидывают дополнительный срок?

— К пожизненному? — хмыкает он.

Захлопываю блокнот. Что ж, разбавлю его розовые мечты суровой реальностью.

— Ну хорошо, допустим. И что вы будете делать, когда сбежите? Достанете новые документы, устроитесь на работу, купите дом? И будете жить, постоянно оглядываясь, до конца дней своих?

Майерс пожимает плечами.

— Ну как-то же я здесь устроился, живу. Если меня поймают, устроюсь еще раз. Терять мне особо нечего.

— Пожалуй, — из вежливости соглашаюсь я.

— Из этого может получиться настоящая сенсация, — с каким-то нездоровым возбуждением продолжает он. — Мы сбежим, а вы потом расскажете, как нам это удалось. Выставите напоказ все уязвимые места.

Я равнодушно дергаю плечом. Да, звучит заманчиво, но подобное мы уже не раз видели по телику.

— В любом случае спасибо вам за то, что были так откровенны со мной…

— Кстати, — лениво ухмыляясь, перебивает меня Майерс. — Как дела у Джея?

Я вздрагиваю.

— Что?

— Ну, у вашего жениха, — небрежно бросает он. — У него еще сын есть, как там… Грег?

Напряжение перерастает в страх. Откуда ему это известно?

Майерс расплывается в мечтательной улыбке.

— Выходит, вы скоро станете злой мачехой?

Молчу. Забранные решеткой часы на стене оглушительно тикают. Я отодвигаю стул. *Откуда он знает? Это он отправил письмо с угрозами? По его просьбе мне звонили?*

— Да-а-а, будет непросто, — он явно наслаждается моей паникой. — Какой нормальный

ребенок обрадуется мачехе…

— Спасибо, что уделили время. Желаю всего хорошего.

Я резко встаю, а Эрик Майерс остается сидеть все с той же жуткой ухмылкой на лице.

Глава 67

Ноябрь

По дороге домой мысли так и крутятся в голове. *Сказать Джею? Ему с Грегом из-за меня грозит опасность?* Все-таки он был прав, да и мама тоже: я слишком далеко зашла. Нельзя было сближаться с маньяком. Нельзя было ехать к нему в тюрьму!

Возможно, Эрик Майерс всего лишь дразнил меня, пытаясь таким образом вынудить не бросать его дело. Что ж, он добился ровно противоположного. Хотя чего от него еще ждать, особым умом он не блещет. Вероятно, это все пустые угрозы. Перед глазами мелькают образы: его кривой оскал, самоуверенный взгляд, голубые-голубые глаза.

Тут вступает другой голос: у Клэр Диболд глаза тоже голубые, да и у Райана Джонсона. И все же откуда Майерсу знать про кулон?

Думая отвлечься, включаю радио, но тут звонит телефон. На экране высвечивается номер Хуаниты, и я беру трубку.

— Алло.

— Ты сидишь?

— Ага, — бросаю взгляд в зеркало заднего вида. — Еду в машине…

— Ладно, поняла. У меня хорошие новости, — торжественно объявляет Хуанита. — Удалось выяснить, кто отправил письмо.

— Нашли ДНК? — с облегчением спрашиваю я.

Наконец-то! Хоть что-то получилось!

— Да. И у нас есть снимок, на котором видно, как он покупает телефон. Надо еще проверить историю с цветами, но уверена, это тоже он.

— Кто-то из приятелей Эрика Майерса?

— Не-а.

— Райан Джонсон, — продолжаю гадать я.

— Вот и нет!

Эта игра явно доставляет ей удовольствие.

— Ну и кто это тогда?

— Сама посмотришь, отправила тебе фото.

* * *

Прошло несколько часов. Я почти дома.

Не знаю, что мне сказать Джею. Письма и звонки были не от Эрика Майерса. И никакая это не операция под чужим флагом. Ни письмо, ни звонок не имеют отношения к этому делу — прямого, по крайней мере. ДНК удалось установить по чистой случайности. Несколько лет назад он

был в полицейском участке в рамках школьного проекта. Родители тогда не глядя подписали разрешение, и в итоге ДНК всего класса оказались в базе данных.

И это еще не все.

Есть снимок, сделанный камерой видеонаблюдения. Люди из команды Хуаниты по номеру телефона вычислили серийный номер устройства, и оказалось, что его купили в магазине неподалеку. Оплата был наличными, однако остались чеки, где указано время продажи, и они нашли соответствующий фрагмент на видеозаписи. В какой-то момент он посмотрел прямо в камеру — лицо совсем молодое, видно, что нервничает. Хуанита проверила: подставной аккаунт в системе ПэйПэл, с которого заказывали доставку цветов, тоже принадлежит ему.

И наконец, последний гвоздь в крышку гроба: ДНК в крови, которой было написано письмо, совпала с ДНК в базе данных. Записки, цветы, звонки — это все он. Я не свожу глаз с изображения на экране. Качество не лучшее, однако сомнений быть не может.

И я понятия не имею, что сказать Джею.

На фото Грег.

Глава 68

Сейчас

Шаги затихают.

Мы с Мэлоди стоим посреди комнаты, прислушиваясь, не в силах пошевелиться. Время словно застыло. Так проходит пара минут, и я наконец решаюсь подбежать к окну, чтобы выглянуть наружу.

Никого.

— Ложная тревога, — выдыхаю я.

Мэлоди кивает, схватившись рукой за сердце.

— Зверь какой-нибудь.

Она уже опускается на диван, и тут мы вновь слышим скрип половиц. На этот раз сомнений нет — кто-то поднимается по ступенькам на крыльцо.

Мы бросаемся к стене рядом с окном в гостиной и прячемся за занавеской. Шаги медленно приближаются, и мне кажется, что сердце у меня вот-вот выпрыгнет. В окне появляется чья-то голова — словно человек пытается заглянуть в комнату. Мы прижимаемся к стене еще сильнее. От теплого воздуха занавеска колышется, слегка

приоткрывая стекло.

— Это он!

Мэлоди прижимает ладонь ко рту и тут же бросается на пол, а я за ней.

— Уверена?

В горле пересохло. Я немного приподнимаю голову, пытаясь увидеть в окне хоть что-то, но Мэлоди, вцепившись мне в руку, сразу тянет меня вниз.

— Не надо, — пищит она. — Он тебя увидит.

Походив туда-сюда по крыльцу, убийца останавливается у окна и на секунду попадает в мое поле зрения: высокий, худой, весь в черном. Из-под балаклавы глядят голубые глаза. Ярко-голубые. Я опускаюсь обратно, придерживая занавеску.

— Давай спрячемся в подвале.

— Нет, не бросай меня здесь! — плачет Мэлоди.

Раздается громкий звук: ручка двери дергается, прямо как в фильмах про привидения. Вновь шаги на крыльце. Ручка двери яростно скачет вверх-вниз и внезапно замирает. Тишина. Время остановилось. Слышно лишь легкое завывание ветра за окном и наше учащенное дыхание.

И тут раздается страшный стук, от которого мы подпрыгиваем на месте и теснее прижимаемся

друг к другу. Я чувствую, как колотится сердце Мэлоди.

На занавеску падает тень; убийца всем телом бросается на дверь, и та чуть подается вперед. Он пробует снова и снова, наваливаясь изо всей силы, однако выломать не получается.

Через несколько безумно страшных секунд все вновь замирает. Прижавшись друг к другу, мы ждем повторения попытки.

Тишина.

Вновь раздаются шаги — судя по звуку, на этот раз убийца спускается с крыльца. Господи, только бы он не вернулся! Пожалуйста! Или хотя бы Ноа приехал и спугнул его.

В щелке между шторой и окном ничего не видно. Я немного привстаю — ноги затекли от сидения на корточках. Мэлоди опускает дрожащие руки, которыми все это время зажимала уши. Я уже собираюсь выглянуть в окно, как вдруг раздаются звук бьющегося стекла и одновременно страшный крик Мэлоди.

По полу разлетаются осколки. Рука в черной перчатке просовывается в окно и открывает замок.

Глава 69

Сейчас

Убийца, одетый во все черное, заходит внутрь, держа перед собой длинный нож. Мэлоди вскакивает, хватает ружье и дрожащими руками прицеливается. По щекам текут слезы, а от прежней уверенности не осталось и следа. В кино все совсем не так, как в жизни.

— Стреляй! — кричу я. — Стреляй же!

— Пожалуйста, — умоляющим тоном просит она его. — Пожалуйста, не надо.

Он делает еще шаг вперед и поднимает нож высоко над головой. Дуло ружья трясется, а из глаз Мэлоди градом катятся слезы.

И тут у меня в голове все складывается — это моя вина. Если бы я не отмахнулась от истории про инженера и поменьше переживала за свою чертову карьеру, Майерс не выбрался бы из тюрьмы. Отнесись я тогда всерьез к его словам, он не забрал бы Лэйни и сейчас не стоял бы перед нами, размахивая ножом.

Даже не подумав, что делаю, я прыгаю на него. Видимо, Майерс не был готов к удару: дыхание

перехватывает, и нож падает на пол. Мы оба бросаемся следом. Я пытаюсь дотянуться до рукоятки, но мне его не опередить. Он поднимает руку, и я кусаю его — как собака, вонзаюсь зубами в ткань. Убийца рычит от боли, однако нож не выпускает, пытаясь другой рукой отпихнуть меня, но я держусь крепко.

Чувствую во рту привкус крови. Майерс вновь бьет меня, и на этот раз я разжимаю зубы и падаю прямо на него, словно ребенок, который в шутку пытается побороть старшего брата. Принимаюсь без разбора молотить кулаками по голове, однако он уклоняется от моих ударов.

— Мэлоди, — пыхчу я. — Помоги!

Вижу, как она застыла на месте и в ужасе наблюдает за нами.

— Ну же!

Пока мы барахтаемся на полу, я еще раз пробую дотянуться до ножа и случайно задеваю рукав куртки. Он сползает, открывая запястье, на котором синими чернилами выбито «666».

— Мэлоди!

Отпихнув меня, Эрик встает и замахивается ножом. В памяти всплывает черно-белый плакат к фильму «Психо», висевший у меня над кроватью в общежитии колледжа: нож раз за разом

поднимается и опускается, потоки черной крови стекают в сливное отверстие… Лэйни еще постоянно надо мной подшучивала.

Какими мы были невинными дурочками! Убийство тогда казалось лишь зловещей игрой.

Ладно, попробуем по-другому.

— Эрик! Пожалуйста, не надо! Вы же меня знаете! — Я боком отступаю назад. — Позвольте мне помочь вам.

Мои слова только больше его злят. Он скалит зубы. *Получается, вот так я и умру? Сегодня?*

Увижу Лиссу. И, может быть, Лэйни.

Майерс делает выпад, и я едва успеваю увернуться. Он вновь замахивается, однако я, подскочив к Мэлоди, которая по-прежнему в ужасе таращится на нас, выхватываю у нее из рук ружье и вскидываю его на плечо, прямо как она учила.

Мэлоди была права: курок тугой. И все же я спускаю его, зажмурившись и шепнув «паф». От выстрела я едва не глохну — он болью отдается в ушах, чуть не разрывая барабанные перепонки.

Возможно, что-то подобное ощущал Эрик Майерс, когда полицейские лупили его по ушам, выбивая признание. Хотя теперь я знаю: все ложь, ничего этого не было.

Эрик удивленно распахивает глаза. Как я по-

смела стрелять в него? Несколько секунд он в упор смотрит на меня, словно хочет сказать, что все должно было закончиться иначе.

Но закончится все именно так.

Схватившись за грудь, он падает на пол.

Сквозь звон в ушах слышу отчаянный крик Мэлоди.

Глава 70

Сейчас

— Не-е-е-т! — кричит Мэлоди.

Ее вопль эхом раздается у меня в голове. Ствол ружья еще дымится.

— Нет! — Мэлоди падает на колени. — Нет, нет, нет!

Опустив ружье, я сажусь рядом и обнимаю ее.

— Все кончено, Мэлоди. Он уже ничего нам не сделает.

Но она, схватившись за голову, раскачивается взад-вперед и продолжает повторять «нет, нет, нет».

— Ну же, Мэл, все позади!

Хочу прижать ее к себе, однако она отстраняется.

— Ружье не должно было оказаться у тебя, — со слезами в голосе говорит она. — Я должна была не выпускать его из рук. Нельзя было, чтобы ты взяла его, — она икает и трет глаза, стараясь сдержать слезы. — Скажу, что это была я. Возьму всю вину на себя.

Понятно — она в шоке.

— Никто нас ни в чем не будет обвинять. Да, ужасно, мы убили человека — при самообороне. Любой поступил бы так же. Тут вопрос жизни и смерти.

Не обращая внимания на мои слова, Мэлоди продолжает, словно разговаривая сама с собой:

— Остались мои отпечатки. Скажу, что просто показывала тебе, как им пользоваться, — она кивает при каждом слове. — Ты брала его в руки, но стреляла я.

— Мэлоди! — резко одергиваю я. — Прекрати! Какая разница, кто стрелял! У нас не было выбора: либо мы, либо он. Пошли, надо попытаться найти Лэйни. Все остальное сейчас не имеет значения.

Словно не слыша моих слов, Мэлоди встает и идет в сторону Эрика Майерса.

— Господи, ты куда!

Я хватаю ее за рукав, пытаясь удержать, однако она упорно рвется к телу, и в итоге мы подходим вместе. Стоя почти вплотную, я содрогаюсь от ужаса и отвращения: вот он, лежит на полу и больше не представляет опасности. Нож по-прежнему зажат в руке, и я пинком отбрасываю его подальше.

И тут Майерс шевелится. Я в ужасе отпрыгиваю.

— Он жив.

Мэлоди отпихивает меня.

— Слава богу! — с явным облегчением кричит она, бросаясь к телу. — Слава богу!

— Осторожнее, он еще может быть опасен, — предостерегаю я.

Не обращая на меня внимания, Мэлоди склоняется над телом. Из раны на животе течет кровь — пятно на рубашке становится все больше.

— Ты не понимаешь, — шепчет она.

Я беру ее за плечо и тяну назад.

— Можем вызвать «скорую», когда появится сеть. Только, пожалуйста, держись подальше.

— Нет! Ты не понимаешь, — твердит она, медленно стягивая балаклаву.

Глава 71

Мэлоди: Готовы к мегавечеринке?

Алекс: КУДА МЫ ЕДЕМ?

Мэлоди: Если скажем, придется тебя убить.

Алекс: Мне не нужны стриптизеры.

Лэйни: Ммм… Мы точно знакомы?

Алекс: Ха-ха. Ладно, я переборщила.

Мэлоди: LOL.

Алекс: Будем только мы втроем, так ведь?

Лэйни: Три мушкетера.

Мэлоди: Трое амиго!

Лэйни: Трое бандитос.

Алекс: Три балбеса?

Мэлоди: Возьми теплые вещи.

Лэйни: Да, точно.

Алекс: Джей сказал, что знает, куда мы едем, но отказывается мне говорить.

Мэлоди: Под страхом смерти.

Алекс: А уж как я его соблазняла, чтобы выудить информацию…

Лэйни: Боже, слышать ничего не желаю!

Мэлоди: А я желаю!

Алекс: Скажите хотя бы, ГДЕ это!!!

Лэйни: Не переживай, тебе понравится. Честное слово.

Мэлоди: Да, будет ЭПИЧНО.

Глава 72

Сейчас

Маска медленно сползает, открывая сначала губы с запекшейся кровью. Потом я вижу лицо целиком и падаю на колени.

— Нет! Нет, нет, нет!

Не может быть! Лицо совсем не то. У меня не укладывается это в голове. Я отказываюсь верить! Невозможно!

— Привет, — шепчет Лэйни.

Мэлоди, скорчившись на полу, берет ее за руку и прижимается лбом к ладони.

— Прости, — повторяет она. — Прости меня.

— Ничего, — хриплым голосом отвечает Лэйни. Видно, что говорить ей тяжело.

— Дай осмотреть рану!

Я уже хочу расстегнуть рубашку, однако Лэйни, покачав головой, отталкивает мою руку. Рядом на полу валяется пустая гильза.

— Больно, — стонет она.

— Лэйни, мы спасем тебя, — возражаю я. Руки моментально стали липкими от крови. — Надо остановить кровь.

— Все в порядке, — с трудом выдавливает Лэйни, на секунду прикрыв глаза. — Вы лучшие.

— Нет! — Слова застревают у меня в горле. — Не говори так.

— Трое амиго, — говорит Лэйни.

— Три мушкетера, — шепчет Мэлоди.

Лэйни слегка сжимает мне руку, и я вижу, как ее глаза начинают вновь закрываться.

— Люблю вас, — едва слышно шепчет она, глядя на нас.

Голова запрокидывается, глаза закрываются.

— Нет! — Давясь слезами, я сначала мягко, а потом все сильнее трясу ее за плечи. — Лэйни, очнись! Мы спасем тебя! Очнись! Ты должна очнуться!

Мэлоди проверяет пульс.

— Надави ей на живот, — командую я. — Надо положить ей что-нибудь на живот.

— Алекс, — мягко говорит Мэлоди, убирая руку с шеи Лэйни.

— Делай, что я говорю!

Мэлоди кладет испачканную кровью ладонь мне на руку.

— Прости, Алекс, мне так жаль…

— Нет!

Мой напрасный крик тонет в пустой комнате.

Я падаю на пол рядом с Лэйни, уткнувшись лбом в грубые доски пола, и начинаю рыдать.

* * *

В полнейшей прострации я сижу рядом с телом Лэйни.

— Не понимаю.

— Мы задумали шутку, Алекс. В честь твоего девичника, — Мэлоди прикусывает губу. В глазах стоят слезы. — Предполагалось, что ружье заряжено холостыми.

Вскочив на ноги, я делаю шаг назад.

— Не понимаю, — повторяю я уже громче.

— Хотели тебя разыграть, — говорит она, стоя перед Лэйни на коленях и держа ее за руку. — Думали, патроны будут холостыми.

— Не понимаю! — ору я.

— Никто к нам не вламывался! — хрипло кричит в ответ Мэлоди. Потом, взяв себя в руки, продолжает: — Мы… мы все выдумали.

— Вы… Погоди… — Мозг отказывается воспринимать информацию. Трясу головой, не в силах поверить. — Что за бред! Как бы вы могли это сделать? Я бы услышала. Нет, я просто в очередной раз ходила во сне.

Мэлоди вздыхает.

— Мы накачали тебя.

— В смысле накачали?

Упрямо поджав губы, она в упор смотрит на меня.

— Подсыпали снотворное в твое пирожное.

Красное для тебя. Это ведь твой любимый цвет.

Ноги дрожат. Я делаю еще несколько шагов назад, чуть не падая.

— Нет… Бред какой-то, — я тру шишку у себя на лбу. — Быть не может.

Она разводит руками.

— Мы знали, что ты поверишь, учитывая твои сны и прочее.

Яростно трясу головой, будто стремясь выкинуть из нее все мысли. Она бы так не поступила. Никогда!

— Нет, нет, не может быть!

— Это была шутка, — с мольбой в голосе повторяет Мэлоди. — Просто розыгрыш. Тру-крайм вместо стриптизеров. Мы… так все устроили, специально для тебя.

Я с подозрением смотрю на нее.

— В смысле… все, что произошло сегодня ночью?

— Да. То есть нет, не все, — Мэлоди нервно че-

шет шею. — Даже в голову не могло прийти, что какая-то фермерша решит тебя пристрелить, а потом ты сядешь в машину к извращенцу.

— Но… — Мне тяжело формулировать мысли. — Хочешь сказать, никакого маньяка с ножом не было? Никто не гнался за тобой по лесу?

— Никто. Не было никакого маньяка.

Пробежав глазами по комнате, я останавливаю взгляд на застывших пятнах крови и вспоминаю лужу в подвале.

— То есть это все… — Я обвожу пальцем пространство вокруг.

— Кукурузный сироп, — отвечает Мэлоди, не глядя мне в глаза. — Ну, почти. Взяла кое-что из профессиональной бутафории.

Я приглядываюсь внимательнее и теперь замечаю, что у «крови» действительно какой-то слишком яркий цвет, как у кетчупа. Я, конечно, не эксперт, однако мне пришлось повидать много мест преступлений за время стажировки. Когда я несколькими часами ранее отмывала руки, ничего подозрительного не заметила. Хотя, надо признать, мне было немного не до того. Нерешительно окунаю палец в пятно крови на одной из подушек и кладу в рот — кукурузный сироп.

— А как же твои раны?

Мэлоди стыдливо опускает глаза и разводит руками.

— Грим. Я заканчивала специальные курсы.

— Боже милостивый… — выдыхаю я.

Она обхватывает себя руками за плечи и невидящими глазами смотрит в одну точку.

— Мы думали, получится весело. Как будто игра. Думали, что патроны холостые.

Чувствуя внезапный прилив ярости, я направляюсь в ее сторону.

— Это все ты! — шиплю я. В жизни так не злилась на Мэлоди. Да и вообще ни на кого. — Это ты виновата, мать твою!

— Я не хотела… — оправдывается она.

— Ты проверяла ружье и сказала, что патроны настоящие. Ты знала!

— Нет! В том и дело — не знала! Я соврала, — она вскидывает вверх руки. — Точнее, думала, что соврала. Притворилась, что патроны настоящие, хотя была уверена, что холостые. Она… она сказала мне, что они холостые.

— Кто сказал? — рычу я.

— Знакомая из реквизиторского отдела. И в любом случае ружье не должно было оказаться у тебя в руках.

Я отхожу подальше.

— Твою мать! Поверить не могу!

— Я тоже, — стоя на коленях, она начинает рыдать. — Прости, Алекс, умоляю, прости.

— Мэлоди, ты хоть понимаешь, насколько неуместны сейчас твои извинения? — Я хожу по комнате кругами. — Я только что застрелила лучшую подругу! А ты говоришь «прости»!

Она вытирает нос рукавом.

— Все… зашло слишком далеко. Мы не рассчитали.

Продолжая метаться из угла в угол, я думаю, что же теперь делать, и вдруг застываю на месте.

— Погоди-ка… — Я поворачиваюсь к Мэлоди. — Откуда мне знать, что она на самом деле мертва?

Бледная, как полотно, Мэлоди смотрит на меня, открыв рот.

— Ты… о чем?

— Откуда мне знать, что это не очередная шутка? Что Лэйни не прикидывается мертвой?

Лицо Мэлоди серьезнеет.

— Алекс, ты думаешь, я совсем на голову отбитая?

— По-моему, да.

По выражению ее лица можно сказать, что на этот раз она не врет. Скрепя сердце, подхожу к Лэйни, однако взглянуть на нее так и не решаюсь.

К тому же я прекрасно знаю Лэйни — она бы уже давно не выдержала и рассмеялась. И все же…

— Докажи, — требую я.

Мэлоди в ужасе таращится на меня.

— Как… в смысле… Алекс…

С трудом пересилив себя, я быстро касаюсь раны у Лэйни на животе, и Мэлоди вскрикивает. Подношу палец ко рту, однако пробовать даже не обязательно: жидкость густая, бордовая, с металлическим запахом. Это не кукурузный сироп — это кровь. Настоящая.

Падаю на колени рядом с телом.

Лэйни мертва. Я убила ее. Убила свою лучшую подругу!

— Прости, — повторяет Мэлоди, пряча лицо в ладонях. — Прости, прости!

Глава 73

Сейчас

Мы сидим рядом с телом Лэйни.

— Что нам теперь делать? — тихо спрашивает Мэлоди.

Из нас троих она всегда была самой робкой.

— Не знаю, — бормочу я.

Голова болит, все тело ломит, сердце рвется на части. Закрываю лицо руками — скорее бы этот кошмар закончился! Но он не закончится — теперь это наша реальность.

— Наверное, надо дождаться полицейских и во всем признаться.

Нахлынули воспоминания.

Лэйни плюхается в огромное подвесное кресло, которое купила нам в комнату мама Мэлоди, крепление отрывается, и мы втроем летим на пол. Мы с Мэлоди катаемся по полу от смеха, а Лэйни ужасно злится, пока сама не начинает хохотать.

Лэйни шлет нам с поля воздушный поцелуй, после того как в последнюю минуту забросила в корзину мяч, обеспечивший команде победу.

Когда умер ее отец, Лэйни неделю не выходила из комнаты, и мы нашли для нее психотерапевта.

Когда она подписала контракт с женской национальной футбольной ассоциацией, мы всю ночь праздновали в «Мертвом кролике», а потом три дня страдали от похмелья.

Знакомство Лэйни с Руби после одного из матчей в Сиэтле. Лицо Лэйни, светящееся от счастья всякий раз, как она говорила о Руби.

И вот я ее убила. Застрелила лучшую подругу.

Что я скажу маме? Как расскажу обо всем Руби?

Теперь мне больше не придется волноваться из-за свадьбы с Джеем; из-за того, что он слишком уж хорош для меня; из-за музыкальной группы; из-за торта; из-за его придурочного сынка, не сказавшего мне ни слова. Все это меня больше не касается — я буду в тюрьме. Сколько дают за непреднамеренное убийство? Или это убийство по неосторожности? Пять лет? Десять?

В голове раздается насмешливый голос.

Возможно, тобой заинтересуется «Крайм-лайн».

Представляю себе озвучку голосом Флетчера Фокса: «Девичник, который пошел не по плану.

Совсе-е-ем не по плану». Фотографии распростертой на полу Лэйни с балаклавой. Наши снимки времен колледжа. Записи с ее матчей. Сальные намеки на то, что мы были не просто подругами. Фотографии меня и Мэлоди в зале суда: бледные, с заплаканными лицами. Нас отправят за решетку, однако справедливость не будет восстановлена. Семьи останутся неотомщенными, пропавших девушек никто не найдет. Никому не станет лучше.

— Как думаешь, чего бы хотела Лэйни? — спрашивает Мэлоди.

Она сидит неподвижно, обхватив руками колени. Лицо залито слезами вперемешку с кровью. Странно, именно этот вопрос только что пришел мне в голову.

— Не знаю, — хриплым от слез голосом отвечаю я.

— Ей бы не хотелось, чтобы мы угодили в тюрьму. Правда?

Голова раскалывается — сейчас бы еще обезболивающих. Где-то в глубине сознания раздается вкрадчивый голос: «Ты не заслужила такого. Ты и так уже настрадалась». Пытаюсь его заглушить.

— Какая разница, чего бы ей хотелось? Я в любом случае попаду за решетку.

— Нет, — настаивает Мэлоди. — Скажем, что стреляла я. Все случилось из-за меня, поэтому я возьму вину на себя.

Я устало вздыхаю.

— Мэлоди, ты хоть знаешь, как расследуют преступления?

— Ммм…

Она напряженно поджимает губы.

— На тебе нет следов пороха, — я вытягиваю свои ладони. — А на мне есть. Все улики указывают на меня.

Мэлоди моргает, пытаясь осознать сказанное.

— Тогда вытри руки о меня.

— Все не так просто.

— Ладно, найдем еще патроны, и я выстрелю в воздух. Скажем, что ты стояла рядом, потому на тебе порох и осел.

Я сжимаю кулаки.

— Тогда посадят нас обеих. Кому от этого будет легче?

Мэлоди задумчиво смотрит прямо перед собой, а у меня даже нет сил соображать. *Неужели именно в этой комнате я проведу свои последние часы на свободе? В этом проклятом охотничьем доме, унесшем жизни уже двух девушек?*

Мэлоди касается моей руки, и я отодвигаюсь,

изо всех сил борясь с желанием грубо оттолкнуть ее.

— Алекс…

— Не хочу сейчас разговаривать, — говорю я, опустив голову и уставившись на собственные колени.

— Я тут кое о чем подумала, — с робкой надеждой продолжает она.

Невольно поворачиваю голову.

— О чем?

Мэлоди сглатывает.

— О том, как нам избежать тюрьмы.

Мгновение я молчу. Честно говоря, как бы мне ни хотелось наказать себя и как бы я ни заслуживала этого наказания, оказаться за решеткой мне совсем не улыбается. Мне тошно при мысли, что Джея пригласят на передачу, и он будет рассказывать о том, какой я прекрасный человек. Хотя не исключено, что он скажет обратное.

— Как?

Глава 74

Сейчас

— Закопать? — в ужасе переспрашиваю я.

Мэлоди молитвенно складывает ладони на груди.

— Да.

Повисает гнетущее молчание, словно ни одна из нас не готова признать очевидное. Закопать лучшую подругу. Это равносильно признанию в убийстве. Сделаем так, и я ничем не буду отличаться от Эрика Майерса и остальных убийц, выбравших весьма тривиальный, но действенный способ скрыть следы преступления — избавиться от тела.

От одной мысли об этом меня начинает подташнивать. Не хочу, не хочу закапывать тело лучшей подруги!

— Мы не можем, — говорю я.

Мэлоди кивает, глядя мне в глаза.

— Можем.

— Нет! Это отвратительно!

Я вскакиваю, не в силах спокойно обсуждать, как мы закопаем Лэйни.

— Да, — соглашается Мэлоди.

— Даже если представить на секунду… Все завалено снегом, земля промерзла. У нас и лопаты нет!

Я принимаюсь мерять шагами комнату.

— Лопата есть, — до жути спокойным голосом говорит Мэлоди. — В подвале в углу. Заметила, когда мы спускались за ружьем, — теперь она тоже встает. — А потом все здесь отмоем — я видела в кухонном шкафу хлорку.

— Рассуждаешь прямо-таки со знанием дела.

Мэлоди игнорирует мой выпад.

— У нас получится.

Я продолжаю бегать из угла в угол.

— Хорошо, предположим, мы ее закопаем. Дальше что? Будем надеяться, никто не заметит, что она пропала?

Мэлоди прислоняется к стене, словно ей тяжело стоять.

— Очевидно, придется выдумать легенду.

— Легенду? — ушам своим не верю. — С ума сошла? Я все рассказала Ноа с его мамашей! Он, вероятно, вот-вот приедет.

Мэлоди хмурится, размышляя над моими словами.

— Отнесем ее подальше в лес, чтобы никто не

увидел. А ему скажем, что пошутили, — она кивает собственным мыслям. — Конечно, получится. Они не знают, что здесь произошло — что ты ее застрелила.

Я в изнеможении прислоняюсь спиной к стене рядом с ней.

— Ничего не выйдет, Мэл. Забудь.

Мэлоди пропускает мои слова мимо ушей.

— Скажем, что все это был розыгрыш. Что, по замыслу, она должна была убежать в лес, и она убежала… только не вернулась. Несчастный случай.

Повисает долгая пауза. Ее предложение до ужаса идиотское, однако должна признать — может сработать.

За окном зловеще кричат птицы.

* * *

— Алекс, помоги, я одна не справлюсь. Она тяжелая.

Мэлоди тянет Лэйни за руку, а я стою у противоположной стены, делая вид, что меня здесь нет.

— Алекс! — пыхтит Мэлоди.

Стиснув зубы, делаю шаг в их сторону, и живот сразу сводит. Вновь отступаю.

— Не могу.

— У тебя нет выбора, — Мэлоди изо всех сил продолжает тянуть тело. — Одна я не справлюсь.

Вытираю со лба испарину — меня тошнит от одной мысли о том, что мы собираемся сделать.

— Ладно, дай мне секунду.

Делаю несколько глубоких вдохов, пытаясь подавить тошноту, и подхожу ближе. Руки невыносимо дрожат. Мэлоди берет меня за плечо.

— Спокойно, Алекс. Покончим с этим как можно быстрее.

Я сглатываю. В горле все пересохло.

— Нет, не могу.

— Прекращай, — уже не так мягко говорит Мэлоди. — Думаешь, она бы хотела, чтобы тебя — чтобы нас — упекли за решетку?

Трясу головой, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Прижимаю кулаки ко лбу.

— Нет, не могу, прости.

— Алекс! — Мэлоди переходит на крик, пытаясь меня вразумить. — Почти рассвело. С минуты на минуту здесь будет Ноа. Надо покончить с этим, пока никто нас не увидел!

— Ладно, — соглашаюсь я, глубоко втягивая воздух. — Хорошо, хорошо.

— Возьми другую руку, — командует Мэлоди.

Стараясь не обращать внимания на боль в

животе, тянусь к руке Лэйни — и тут же отскакиваю.

— Черт! Черт! Твою мать!

Я бью кулаком по стене.

— Алекс! — одергивает меня Мэлоди. — Хватит! Ты должна мне помочь. Я не управлюсь сама. Три мушкетера — помнишь? Это именно то, чего ей хотелось бы. Клянусь!

Возвращаюсь к ним.

— Ладно, у меня получится, получится.

Протягиваю дрожащую руку и откидываю волосы с глаз Лэйни. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения — чертова резинка ей больше никогда не понадобится. Беру ее за руку, с силой тяну на себя… и тут она резко садится, а я падаю на пол, схватившись за сердце.

— Ммм… — Лэйни виновато улыбается. — С девичником!

Глава 75

Сейчас

Лэйни обнимает меня, а я не могу унять слезы. Рыдания буквально душат.

— Прости, — Лэйни сильнее прижимает меня к себе. — Зря мы это придумали. Ну же, Алекс, успокойся. Мне правда жаль, что так вышло.

— Я думала, ты умерла, — всхлипываю я. — Думала, что я тебя убила.

— Прости, дурацкая была затея, — она хлопает меня по спине и недовольно добавляет: — Все Мэлоди…

— Я не ожидала, что ты купишься! — чуть ли не обвиняющим тоном бросает Мэлоди. — Сказала ведь тебе, что это все розыгрыш.

— Кровь была другая, — огрызаюсь я. — Цвет, запах — все как настоящее.

— Ну да, — Мэлоди пожимает плечами. — Она и была настоящая.

У меня перехватывает дыхание.

— В смысле настоящая?

— Это была моя кровь. Помнишь Мейсона? Студента-медика? — Она показывает на сгиб

локтя. — Он брал у меня кровь, и я припасла пару пробирок.

— Я ей говорила, что это перебор, — вставляет Лэйни, метнув на нее полный укоризны взгляд.

— Ну так сработало ведь! — возражает она. — Это был заключительный аккорд, концовка. — В голосе Мэлоди ни капли раскаяния. — Какая же пьеса без концовки.

Я высвобождаюсь из объятий Лэйни.

— Мы тут не пьесу разыгрываем! — взрываюсь я. Никогда еще у меня не возникало такого жгучего желания ударить человека. — Это моя жизнь, твою мать! Я думала, что убила лучшую подругу!

Мэлоди в мольбе поднимает руки.

— Так не убила ведь! Это был… катарсис!

— К черту катарсис! — ору я. — Мы приехали девичник отметить! А вы тут греческую трагедию устроили!

— А что есть жизнь, как не греческая трагедия?

— Мэлоди, — предостерегающе бросает Лэйни, — сейчас не время углубляться в теорию театра.

— Это не теория… — начинает было Мэлоди, однако осекается под взглядом Лэйни. Тогда она подползает ближе ко мне. — Предполага-

лось, что это будет что-то вроде синема́ верите́ — максимально реалистичная документалка. Возможность получить уникальный опыт. Наш… подарок тебе.

Я опираюсь на трясущийся локоть.

— Вполне хватило бы книги, — возражаю я, вытирая нос. — То, что мы решили провести время вместе и вы привезли меня сюда, и так отличный подарок.

Они виновато молчат.

— Прости, — повторяет Лэйни.

За окном по-прежнему завывает ветер, однако снег теперь весело искрится на солнце.

— Ну, есть и хорошие новости, — жизнерадостно объявляет Мэлоди, и мы с Лэйни поворачиваемся к ней. — Нам не придется закапывать тело!

Я лишь устало вздыхаю.

— Ну, я и правда тяжелая, а на улице мороз, — соглашается Лэйни.

Не могу сдержать смех.

— К тому же, — вставляет Мэлоди, — я доказала, насколько я верный друг: готова была помочь тебе избавиться от тела.

— Да уж, — я зажимаю ладонями виски. — Я бы и на слово поверила.

Лэйни встает.

— Надо сказать, Алекс довольно быстро согласилась.

— Сто-о-оп! — возмущаюсь я. — Вы охренели!

— Это была кульминация, — поясняет Мэлоди. — В хорошем сюжете всегда есть кульминация.

— Мало было, когда я решила, что убила ее?

— Без кульминации нельзя!.. Вы что, вообще ничего не знаете о том, как книги пишутся? Не читали «Спасти кота»[17]?

Лэйни закатывает глаза.

— Что за «Спасти кота»?

— Забейте, — ворчит Мэлоди. — Мечу тут бисер перед свиньями.

* * *

Пока мы наводим порядок, Мэлоди и Лэйни рассказывают мне все подробности. Точнее, порядок наводят они, а я лежу, распластавшись на диване: сами устроили бардак, пусть сами и убирают.

— И, кстати, мы не ожидали, что ты попрешься пешком на ферму, — говорит Лэйни. — Эта часть пошла не по плану.

— Боже! — Мэлоди поднимает голову от пятна

---

[17] Сноски: 17
Научно-популярная книга Блейка Снайдера о написании сценариев.

на полу. — Как мы переволновались! Я боялась, что ты себе что-нибудь отморозишь.

— Надо же, — я тру затекшую спину. — Я тоже.

— Стив должен был подъехать как раз в тот момент, когда ты вышла на дорогу.

Мэлоди продолжает тереть пятно тряпкой. У меня отпадает челюсть.

— Погоди. Стив тоже с вами заодно был?

— Ну да, это мой дядя, — она гордо улыбается. — Он коп. Должен был подобрать тебя, напугать и все такое, а потом вы бы случайно оказались на ферме. Только он застрял где-то по дороге.

— А когда по радио сообщили о побеге — это была моя идея, — хвалится Лэйни.

— Я попросила, чтобы он вел себя максимально мерзко и чтобы было правдоподобно, — добавляет Мэлоди.

Не веря своим ушам, тупо моргаю.

— У него отлично получилось.

— Кажется, овечью шкуру не оттереть, — сетует Лэйни.

В руках у нее губка и чистящее средство. «Ожив», она первым делом сняла рубашку, залитую кровью Мэлоди, и надела футболку с логотипом своей команды.

— Не страшно, — отмахивается Мэлоди, кото-

рая уже принялась за диван. — Выбросим.

— Выбросим? — удивляюсь я. — А хозяева что скажут?

— Ничего, она наша, — зевая, отвечает она. — И, кстати, мех искусственный. Я бы ни за что не осталась в доме, где есть шкуры животных.

Я смеюсь из последних сил.

— Вы и декорации продумали?

— Ну да — судя по голосу, Мэлоди даже оскорбилась, что я могла допустить обратное. — Половик, подушки — я все привезла из реквизиторской. Все равно их собирались выбрасывать.

— Ну, разумеется! Разве могло быть по-другому! — бормочу я, глядя в потолок.

Мэлоди поднимается, держа в руке мокрый половик.

— С диваном я сделала все, что могла, лучше уже не будет, — она обводит взглядом комнату. — Хорошо, что на кухне порядок.

— Поверить не могу, что этот дом принадлежит Ноа и Эстер и вам удалось втянуть их в свою авантюру!

Мэлоди проверяет, не осталось ли пятен на стенах.

— Да, мы тщательно подошли к подбору актеров.

В задумчивости тру больной локоть.

— Ладно, а откуда тогда Стив узнал, где меня искать, когда я сбежала с фермы? Как ему удалось так четко подгадать момент?

— Ноа сразу позвонил ему, а дальше Стив нашел тебя по GPS-трекеру.

— По трекеру?

— Ага, — беззаботно бросает Мэлоди и принимается яростно тереть стену. — Мы подложили трекер тебе в рюкзак. Не хватало еще, чтобы ты потерялась и замерзла.

— Смотрю, вы все продумали до мелочей.

Мэлоди с серьезным видом кивает, явно не уловив сарказма.

— Если хочешь, чтобы получилось хорошее представление, надо очень тщательно готовиться.

— Угу, — я зеваю, прикрыв рот кулаком. — Все равно мне немного совестно. Ноа ведь дружил с Николь Уайт. Наверняка мы разбередили старые раны. Он тогда чуть не раскололся.

Вспоминаю его печальное юное лицо на фото из зала суда. Сейчас он повзрослел, силен, хорош собой, но внутри все равно что-то надломлено.

— Да, — с сожалением отзывается Мэлоди. — Я узнала об этом уже после того, как они согла-

сились участвовать. Чувствовала себя полным дерьмом. — Зевнув, она потягивается и добавляет: — Судя по всему, его матери Николь Уайт не сильно нравилась. Та якобы хотела соблазнить ее сыночка. Странная история.

— А что за красные круги на карте? — спрашиваю я, потирая пересохшие от усталости глаза.

Карту я показала им перед тем, как они приступили к уборке.

Лэйни смотрит на Мэлоди, но та лишь разводит руками.

— Это не я.

Лэйни неуверенно дергает плечом.

— И не я.

— Хм… Наверное, кто-то еще забыл.

— Похоже, — кивает Мэлоди.

Я поворачиваюсь на другой бок, чтобы уменьшить давление на больную ногу.

— Что ж, видимо, Николь Уайт действительно убил Эрик Майерс.

Мэлоди в упор смотрит на меня.

— Алекс, у него на запястье три шестерки выбиты!

Глава 76

Сейчас

— Ну, теперь мы точно готовы, — говорит Мэлоди.

Под глазами у нее темные круги, лицо усталое. Она вытаскивает из кармана телефон.

— Черт, надо будет починить экран.

— Чего не сделаешь ради искусства! — притворно восторгаюсь я.

— Это случайно получилось — упала в лесу.

Лэйни, глядя в окно, едва сдерживает зевоту.

— Похоже, дороги расчистили.

Кладу свой телефон на диван. Хочется позвонить Джею, но батарейка садится, а зарядки нет.

— Ладно, поехали, у меня завтра репетиция, — говорит Мэлоди.

— Погоди, — хмурится Лэйни. — Эстер разве не должна сюда прийти за деньгами?

— Нет, она сказала, чтобы мы заехали к ней.

Мэлоди натягивает куртку.

— А я уверена, что она обещала сама прийти, — спорит Лэйни.

— Ну, хватит уже. Вы вдвоем идите к ней, а я на

всякий случай подожду здесь.

Обе кивают — видимо, такое решение их устраивает. Пока они кутаются в шарфы и шапки, я набираю номер Джея, и тут всем одновременно приходит уведомление. Смотрю на экран.

— О нет! «Эмбер Алерт»!

Мэлоди качает головой.

— Это не мы! Клянусь!

— Верю, — я не свожу глаз с сообщения. — С ума сойти: по-моему, я видела именно эту машину ночью на дороге.

Мэлоди с Лэйни хмуро переглядываются.

— Номер успела запомнить?

— Нет, слишком сильно мело. Но марка как будто та самая… — Я стараюсь вызвать картинку в памяти. — Честно говоря, не уверена. Я была не в лучшем состоянии, могло и померещиться. Какое-то время я думала, что это Эрик Майерс.

Лэйни затягивает чехол на спальном мешке.

— Я бы все равно сообщила в полицию. Так, на всякий случай.

— Пожалуй, — я с тревогой кошусь на красный индикатор заряда на экране телефона. — Только сначала Джею позвоню.

Мэлоди закидывает на спину спальный мешок и напоследок обводит взглядом комнату.

— Готова?

— Ага, — отвечает Лэйни, однако, засунув руку в карман, хмурится. — Ключи от машины никто не видел?

— Они у меня в рюкзаке, — я уже звоню Джею. — Погоди, а как вы поедете? Аккумулятор ведь сдох.

— Ну-у-у… — Лэйни виновато улыбается. — Накину обратно клемму.

До меня не сразу доходит.

— Да ладно!

Она слегка дергает плечом, ехидно ухмыляясь.

— Нам же надо было, чтобы ты оставалась поблизости.

— Я вас обеих убью! И на этот раз по-настоящему. Честное слово — даже в тюрьму сесть готова, это того стоит!

* * *

Тайленол наконец-то сработал: пульсирующая боль в голове и ноге успокоилась, хотя локоть по-прежнему ноет. Разговаривая с Джеем, я ложусь на диван немного отдохнуть.

— То есть ты все знал?

На другом конце повисает пауза.

— Я вправе хранить молчание? Вы, янки, ка-

жется, так говорите в подобных ситуациях?

Я усмехаюсь.

— Поверить не могу! За все время ты ни разу не проболтался!

Джей смеется.

— В конце концов, это был девичник. Мужчины в такое лезть не должны.

— Видимо, да, — укладываюсь поудобнее. — Правда, не очень понятно, какое отношение к девичнику имеет сотрясение мозга.

— Да уж, — растерянно соглашается он. — Мне тоже.

Я смеюсь, хотя и морщусь от боли.

— По ее словам, она и не думала, что ракетка настолько тяжелая. В будущем так делать не будет.

— Ах, Мэлоди… — мягко и с некоторой снисходительностью в голосе говорит Джей. — Ладно, так когда вы возвращаетесь?

— Они сейчас расплачиваются с фермершей и ее сыном, а потом двинемся в путь, — еще раз повернувшись, я громко зеваю. — Грег еще у тебя?

— Он так и не приехал, — ворчит Джей. — Кто-то из друзей позвал его в гости, и я решил не возражать, а то так и до третьей мировой недалеко.

— Понятно.

Повисает пауза.

— Я обязательно с ним поговорю, — отвечает Джей на мой немой вопрос. — Просто… пока не было подходящего момента…

— Может, лучше забыть? — перебиваю я, внезапно представив, какими неловкими будут все последующие встречи с Грегом. — Ему тяжело. Давай сделаем вид, что ничего не было, ладно?

— Хорошо. Кстати, мне нужно еще кое в чем тебе признаться, — Джей глубоко вздыхает. — Я был с тобой не до конца откровенен, не хотел беспокоить. В общем, мы и правда довольно много потеряли на истории с криптой. Элай мной недоволен и собирается уходить. А так как он один из моих самых крупных клиентов, нам, возможно, придется нелегко. Когда ты спрашивала, я умолчал об этом, а не стоило. Надо было сразу рассказать все, как есть.

Я улыбаюсь. После приключений сегодняшней ночи все это кажется совершенной ерундой.

— Не переживай. Уверена, все наладится.

Он не отвечает.

— Джей?

По-прежнему тишина. Смотрю на экран — вызов прерван. Уже собираюсь перезвонить, как замечаю сообщение в голосовой почте. Сначала

подумала, это от Джея, однако номер незнакомый. Запустив запись, подношу телефон к уху.

— Привет, Алекс, это Ли, Ли Джонс, — следует длинная пауза. — Я кое-что вспомнила, хотя, скорее всего, пустяк. Вы тогда спрашивали, была ли я знакома с Адамом Редмондом и другими из воскресной школы. До меня буквально сейчас дошло. Ее парня и остальных я не знала, однако я иногда пела в хоре в той церкви и видела, как мистер Редмонд вел занятия. Мы несколько раз перекинулись парой слов в коридоре. Ничего особенного, как я уже сказала, просто подумала, что это, возможно, та связь, о которой вы спрашивали, — слышен вздох. — Как бы то ни было, вторую половину суммы я получила, спасибо большое! Удачи с вашим проектом.

Я в шоке таращусь на телефон. Вот же оно! Нашлась связь! Ли Джонс знала Адама Редмонда, а Адам Редмонд был помешан на том стихе про число зверя из «Откровения». Получается, убийца все-таки отчим, а не Эрик Майерс?

Уже набираю номер Ли Джонс, как раздается стук в дверь. Вытянув шею, пытаюсь разглядеть, кто там. В окне ничего не видно.

Видимо, Лэйни все-таки была права, и это Эстер явилась за деньгами. В памяти всплывает ее об-

раз: высокая, ссутулившаяся, водянисто-голубые глаза. Вот уж кого совсем неохота видеть!

Вновь раздается стук.

— Иду!

Я со стоном поднимаюсь с дивана.

Глава 77

Сейчас

Открываю дверь и щурюсь от яркого света.

Это не Эстер. На пороге, застенчиво улыбаясь и засунув руки глубоко в карманы, стоит Ноа. На секунду вспоминаю фотографию его четырнадцатилетнего, робеющего от судебных процедур.

— Привет.

— Привет.

Получается довольно неловко — я понятия не имею, о чем с ним разговаривать. Не сказать, что мы не знакомы, но мы и не друзья. Он мне всю ночь врал, а его мамаша даже пыталась застрелить.

Ноа заглядывает в дверь.

— Твои подруги здесь?

— Они как раз к вам поехали… расплатиться с твоей мамой.

— Вот как… — Он выглядит раздосадованным. — Черт, а она мне сказала, что вы здесь ждать будете. Ее сейчас и дома-то нет, по-моему.

— Что ж, будем надеяться…

Ноа продолжает топтаться на пороге, и тут до

меня доходит, насколько это грубо с моей стороны — вообще-то дом его.

— Зайдешь?

— Да, конечно.

Войдя в комнату, он оглядывается. Девчонки хорошо постарались — все отмыли. Секунду мы стоим, не зная, что сказать.

— Вы тут такое придумали… — начинает Ноа. — В общем, прости, что наврал ночью.

— Ничего, ты не виноват.

Иду в гостиную, и он, вытерев ноги о половик, следует за мной.

— Я вообще не хотел… Но твои подруги очень просили, уговаривали, мол, тебе понравится…

— Все в порядке, не переживай.

Я опускаюсь на диван, а он садится в кресло, положив руки на колени. Вообще-то, наверное, надо предложить кофе… Еще одна неловкая пауза.

— Я… у меня с собой нет наличных, — выдавливаю я. — Но, если твоя мама не дома, они скоро вернутся. Или я могу сделать перевод…

Ноа хмыкает, закатив глаза.

— Мама признает только наличку. Ничего, что-нибудь придумаем.

Он снимает шапку — волосы торчат в разные стороны.

— Мне жаль, что… — пытаюсь придумать, как получше извиниться. Соображается плохо. — Я понятия не имела, что они на тебя вышли. Знаю, тебе пришлось очень тяжело, прости, что невольно разбередили прошлое.

— Да… — Ноа, спокойно улыбаясь, дергает плечом. — Ничего страшного. С тех пор прошло уже много лет.

Мы сидим словно на первом свидании — не самом удачном, надо сказать. Хотя к чему вообще эти мысли — у меня ведь свадьба через месяц!.. Опустив руку в карман, я с удивлением нащупываю его записку. Надо же, совершенно о ней забыла!

— Ты мне записку оставил… — Я достаю из кармана клочок бумаги и показываю ему. — Правда хотел что-то рассказать или это часть игры?

Ноа чешет затылок.

— Нет. В смысле, не то чтобы я мог рассказать очень много. Просто подумал, если захочешь взять интервью, я готов. Николь кое-что о нем говорила, и…

Ясно, Ноа тоже хочет попасть в телевизор. Не знаю, почему приходит разочарование и одновременно с тем отрезвление. Возможно, и правда стоит взять у него интервью — будет что добавить

в отчет. Однако сейчас я и имя-то свое с трудом назвать могу.

— Слушай, я, честно говоря, устала. Давай наберу тебе на следующей неделе?

— Конечно.

Ноа равнодушно пожимает плечами — и тут замечает на столике подаренную мне книгу про убийцу 666.

— Ух ты! Такой я не видел, — он протягивает руку и потом поднимает глаза на меня. — Можно?

— Конечно! Это подарок от Лэйни. Таких уже не найдешь — весь тираж распродан.

Откинувшись на спинку дивана, я с трудом подавляю зевок, глядя, как Ноа листает страницы. Все тело ноет от усталости. Хочется одного — свернуться калачиком и заснуть. Скорее бы Лэйни с Мэлоди возвращались!

Неожиданно Ноа усмехается.

— И почему мама дала им именно эту фотку! Я тут по-дурацки выгляжу.

Он протягивает мне книгу, и я двигаюсь ближе, чтобы посмотреть, — прямо-таки старинные друзья разглядывают фотографии в альбоме. Страница открыта на том снимке, который печатали повсюду: Ноа сидит за столом у себя в комнате, кровать не заправлена, на заднем плане

включена какая-то видеоигра, повсюду пустые банки из-под газировки — типичный подросток. Но на этот раз фото чуть увеличено, чтобы лучше было видно лицо и взъерошенные волосы, словно он минуту назад встал с постели.

— Нормально ты выглядишь, — вежливо возражаю я. — Просто… молодо. Не переживай.

Ноа уже собирается закрыть книгу.

— Постой!

Я чуть не подпрыгиваю. На увеличенной версии видно кое-что, чего было не разглядеть на исходном снимке. На мониторе за спиной у Ноа застыл кадр из видеоигры: солдат строчит из пулемета, вокруг летят пули, а в углу аватарка и игровой ник Ноа — Откровение 13:18 МЭДМАН.

Чувствую, как волосы на затылке шевелятся.

Не АДАМ и не МАДАМ было в той записке. МЭДМАН — одержимый!

Внезапно в памяти всплывают имена из «Твиттера» — те, от которых я получала самые мерзкие комментарии, а конкретно ТНТ. Полное имя Ноа — Томас Ноа Томпсон.

— Что там? — спрашивает Ноа, вглядываясь в изображение.

— Ничего, показалось, — я захлопываю книгу и, потягиваясь, как ни в чем не бывало встаю с

дивана. — Девчонки вот-вот приедут, — медленно иду к двери, давая понять, что ему пора. — Не обязательно их дожидаться. Они наверняка уже встретились с твоей мамой.

— Да, конечно.

Ноа явно удивлен внезапным окончанием разговора и все же не спеша поднимается на ноги.

— Я правда ужасно устала. Позвоню тебе на следующей неделе насчет интервью, ладно?

Открываю дверь. Ноа делает еще шаг — а потом внезапно захлопывает и запирает дверь.

И поворачивается ко мне:

— Проведем интервью прямо сейчас.

Глава 78

Декабрь

Дорогая Алекс!

Надеюсь, вас не напугает мое письмо. Как ни странно, кроме вас мне писать некому.

Инженера раскрыли. Сейчас он в карцере, и, возможно, ему увеличат срок. Мне повезло: меня он не сдал. Когда охрана допрашивала меня, я сказал, что не воспринимал его слова всерьез, думал, все шутка. Пока что от меня отстали.

Однако дело в том, что это была моя единственная надежда.

Да, теперь я понимаю: даже если бы нам удалось выбраться, где-нибудь мы бы все равно облажались. Я не преступный гений. Точнее, я вообще не преступник. Только мне никто не верит. А во время нашей последней встречи я понял, что и вы мне не верите. Что ж, я вас не виню. Простите, если напугал. Не смог справиться с нервами.

Вы были моим единственным шансом. Если вы решите бросить дело и не привлечете к нему всеобщее внимание, я труп. Сгнию здесь, и все.

Видимо, я что-то не то сказал про ее кулон. Не знаю, что именно. Я очень хорошо помню этот кулон – ее любимый.

Я не убивал Николь. Не убивал тех других девушек. Понятия не имею, кто это сделал. Лучше бы я – так хотя бы их семьям было спокойнее.

Иногда по ночам я закрываю глаза и вижу их лица. Снимки, которые мне показывали во время суда. Совсем еще школьницы… Я не убивал их, а они все равно меня преследуют.

Когда вы получите это письмо, меня уже не будет.

Хочу, чтобы вы знали: я ценю все, что вы для меня сделали. Хотя бы попытались сделать.

Увидимся. Когда-нибудь. Там.

Искренне ваш,

Эрик Майерс

Глава 79

Сейчас

Бросаюсь на кухню, однако Ноа опережает меня и хватает со стола разделочный нож. Лезвие так и сияет — Мэлоди хорошенько его вымыла.

Какова вероятность, что розыгрыш до сих пор продолжается? Могли они каким-то образом поместить снимок в книгу?

— Слушай, если это все часть представления, с меня хватит. Сколько они тебе заплатили? Я дам больше — умоляю, прекрати.

— Это не представление, — отвечает он зловеще спокойным голосом и подходит ближе.

Я делаю шаг назад. Нет, не похоже, что он играет. Хотя, будь это все розыгрыш, именно так он и ответил бы. Максимально реалистично — так сказала Мэлоди? Пока я раздумываю, Ноа замахивается ножом, и в следующую секунду меня пронзает жгучая боль. Все происходит настолько внезапно, что мне с трудом удается соотнести в сознании блеск металла и собственные ощущения. Из раны на руке вырывается фонтан крови, моментально пропитывая рукав, и я зажимаю

ее ладонью, стараясь остановить кровотечение. Боль невыносима — она толчками пронизывает все тело.

— Мамочка!

Я отшатываюсь назад. Нет, это явно не розыгрыш.

— Ну что, хорошо повеселились, суки? — ревет Ноа.

Он вновь бросается на меня с занесенным ножом, и я едва успеваю увернуться. В следующий раз Ноа не промахивается: вновь страшная боль, крови становится все больше.

— Прошу!

Перед глазами встает картинка: мое тело распростерто на том же месте, где когда-то лежала Николь Уайт. Теперь я с точностью могу описать, что значит получить двадцать ножевых ранений. Лезвие входит в кожу, как в масло.

— Почему ты это делаешь?

Отпрыгиваю от очередного удара.

— Почему?! — брызжа слюной, кричит Ноа. Теперь передо мной не забитый подросток, а сам дьявол. — Вы меня вынудили!

— О чем ты?

Надо выиграть время: он перестает размахивать ножом, когда говорит.

— Я не хотел ее убивать, не собирался. Она перестала со мной разговаривать, — глаза его наливаются кровью, и он движется в мою сторону, пока я продолжаю пятиться. — А все из-за какой-то видеоигры! Да, возможно, я погорячился и наговорил лишнего, но это всего лишь игра, мать твою! — В голосе искреннее возмущение. — Я же извинился, попытался ей все объяснить, и про «Откровение». Это ведь была шутка из воскресной школы. Но она не слушала, и я… взорвался.

— Ты тоже ходил в воскресную школу, — говорю я скорее сама себе. Пятясь, я натыкаюсь на диван и чуть не падаю. — А при чем тут Ли Джонс? Какое она ко всему этому имеет отношение?

Ноа подступает ближе, держа нож в поднятой руке, и я продолжаю пятиться.

— Никакого.

— В смысле?

— Раз уж я решил убить Николь, надо было свалить на кого-то вину. Тут-то мне и пришел в голову Эрик Майерс со своей дурацкой татуировкой, которой он так выпендривался, — усмехается Ноа.

Еще один удар — мимо.

— Хочешь сказать, ты заранее спланировал убийство Николь?

Это противоречит его предыдущему утверждению, о том, что он разозлился и поэтому набросился на нее. Получается, не просто убийство — преднамеренное убийство.

Ноа, однако, игнорирует мой вопрос.

— Я очень хорошо подготовился, все продумал до мелочей. Сделал так, чтобы она видела нападавшего. И сработало! Посадили Эрика Майерса, — он горько ухмыляется. — Жаль, долго соображали: никто и не вспомнил про черную девчонку. Надо было выбирать белую.

С каждым ударом сердца из руки толчками выплескивается кровь. С каждым шагом легкость в голове нарастает. Не знаю, сколько у меня времени, прежде чем я умру от потери крови.

— А как насчет других девушек? — спрашиваю я. — Зачем было их убивать, если Эрика Майерса и так уже поймали.

Больно ударяюсь коленом о журнальный столик. Кровь стекает по руке вниз. Ноа отвечает не сразу, какое-то время молча следя за мной взглядом.

— Они должны были стать последними. Еще двое, и все, — он подходит на шаг. — В клинике мне полегчало. Там все рассказывали про высшую силу, и всякий раз, как мне хотелось

убивать, я думал об этом. И мне помогло! Я сам поверить не мог, но мне становилось все лучше. Лучше, мать твою! — со слезами в голосе повторяет он. — А потом сюда заявилась ты со своими подружками.

Следующим ударом он рассекает мне ладонь — словно каленое железо приложили.

— Прошу, не надо! — вновь молю я. — Я никому ничего не скажу!

— Конечно, скажешь, — спокойно возражает он.

Пячусь к камину, и тут Ноа, внезапно бросившись вперед, вонзает лезвие мне в ногу. Он выдергивает нож, а я падаю, ударившись плечом о бетонный пол.

— Тебя поймают, — сквозь зубы выдавливаю я.

— Не-а.

— ДНК, — только и могу выдохнуть я.

Ноа пожимает плечами.

— Конечно, здесь везде моя ДНК. Это мой дом. В любом случае мама меня прикроет, как и в прошлый раз.

Лежа на полу, вижу свои варежки — я повесила их посушиться перед камином. *Неужели это последнее, что я увижу в жизни? Дурацкие варежки?* Время утекает. *Вот в таком виде и найдут твое*

тело. Так ты и умрешь.

Общая бледность и признаки массивной кровопотери, множественные колото-резаные раны, радужки карие, роговицы помутневшие.

В глазах все то плывет, то проясняется: затухающий огонь в камине, варежки, обугленные поленья.

Обугленные поленья.

Ноа заносит руку для очередного удара, и на этот раз я уворачиваюсь. Из последних сил тянусь к догорающему полену, хватаю его и, не обращая внимания на жгучую боль, бью горящим концом ему прямо в лицо.

— А-а-а-а! — Он с гортанным воем отступает. — Глаза!

В голосе слышно удивление, почти обида. Выронив нож, Ноа падает на колени.

— Глаза! Сука! Я ничего не вижу!

Пытаюсь отбросить нож подальше, но сил не хватает.

Эрик Майерс невиновен. Я никому не смогу об этом рассказать — правда умрет вместе со мной. В глазах темнеет, свет где-то далеко.

Ноа все-таки нащупал нож. Увидев, как его рука вновь поднимается, я в ужасе съеживаюсь. Просто фильм ужасов. Или очередной выпуск

«Краймлайна».

— Сынок!

Слово эхом разносится по комнате. Мы оба поворачиваемся, и я, с трудом сфокусировав взгляд, вижу на пороге дома Эстер с ружьем в руках. Однако на этот раз дуло направлено на него.

— Хватит, — говорит она.

Глава 80

Декабрь. Сейчас

Больницу я почти не помню. Часы и дни слились в безвременье. Из темноты всплывают отдельные картинки и ощущения: тошнота, скрип каталки, пульсирующая боль, трубка в горле, холодная жидкость в венах, чьи-то руки, перекладывающие меня с места на место.

Большую часть времени я спала или пребывала в полузабытьи — меня накачали обезболивающими. Помню лишь отдельные моменты, когда я просыпалась. Мама накрывает меня одеялом. Папа (папа?!) плачет и повторяет «прости». В помутненном сознании крутится мысль: муж из него вышел никудышный, зато отец он весьма неплохой. Джей кричит на врачей: «Сделайте что-нибудь! Почему никто ничего не делает?» Мэлоди поправляет мне волосы. Лэйни до боли сжимает мою ладонь. Даже Тоби зашла — принесла цветы. Появляющиеся из ниоткуда медсестры. Постоянный гул медицинской аппаратуры.

Однажды на кровать присела Лисса — положила ладонь мне на руку, и по телу сразу разлилось

тепло. А потом она начала словно таять. Задыхаясь, сквозь трубку, я пыталась звать ее по имени — Лисса, Лисса! Мама прижалась лбом к моему лбу и шептала «Чш-ш-ш, все хорошо, все позади. Отпусти ее, Алекс. Мне надо, чтобы ты отпустила ее и осталась со мной». И я отпустила, а сама осталась в палате.

Чего я не помню, так это инъекций адреналина, разряды дефибриллятора, литры и литры крови, вливаемые в меня (спасибо, неизвестные мне добрые люди!), бесконечные капельницы. Не помню слов «гиповолемический шок», «мидазолам» и «пропофол».

Обо всем этом я услышала уже от Мэлоди у нее дома, пока читала для «Краймлайна» двести страниц собственного дела, включая медицинские выписки.

— Выбросить или оставить? — спрашивает Мэлоди, показывая мне красные лакированные лабутены.

— Оставить.

— Так мы далеко не продвинемся, — ворчит Мэлоди, положив руки на пояс.

Лэйни развалилась в углу на кресле — оно слишком маленькое для нее, зато влезло в мою новую квартиру.

И да, это вторая стадия моего излечения. Первую я провела в квартире у Мэлоди — восстанавливалась после больницы. Мама звала к себе, но мне не очень хотелось возвращаться в Вермонт. Мэлоди и Лэйни обе готовы были помочь, однако у Лэйни была всего лишь неделя отпуска, а Мэлоди все равно не взяли в очередной сериал, так что я остановилась у нее.

— Свитер?

Мэлоди прикладывает его к груди, примеряя.

— Выбрасывай.

Она оценивающе разглядывает себя в зеркале.

— Можно я себе заберу?

— Пожалуйста.

Когда-то я еле могла натянуть на себя этот свитер. Сейчас, возможно, он был бы в самый раз — в больнице я сильно похудела. Забавно — в свадебное платье я сейчас тоже влезла бы без труда, только теперь оно мне не понадобится.

Пока не понадобится. Мы решили отложить свадьбу: я восстанавливаю здоровье, а Джей проходит с сыном курс психотерапии. К тому же мне нужно время разобраться в самой себе — что я собой представляю без Криса или кого угодно еще, найти собственное я. Так что сейчас мы решили пожить отдельно, хотя и не расста-

вались. Сегодня, например, он придет на ужин — принесет карри.

Мэлоди роняет несколько металлических вешалок, и я подпрыгиваю — сердце бешено колотится. Они с Лэйни смотрят сначала на меня, потом друг на друга. Последнее время я довольно дерганая. По словам моего нового психотерапевта, это ПТСД. Вчера, например, пришло еще одно оповещение системы «Эмбер Алерт», и от своеобразного узнаваемого звука я подскочила на месте. Кстати, с машиной, которую я видела той ночью, все в порядке — ложная тревога. Ребенка увез отец, и сейчас он уже дома. В кои-то веки счастливый конец.

Лэйни надувает огромный фиолетовый пузырь из жевательной резинки.

— И когда ты приступаешь к новой работе?

— После праздников.

Мне и страшно, и радостно. Строго говоря, работа не новая — меня просто повысили. Оказывается, поймать настоящего убийцу и помочь невиновному человеку выйти из тюрьмы достойно того, чтобы не ходить больше в стажерах. К счастью, новости дошли до тюрьмы раньше, чем Эрик Майерс попытался покончить с собой.

Тоби одобрила новый выпуск по делу убийцы

666 и хочет, чтобы я взяла настоящее интервью у Эрика Майерса — не онлайн, а вживую (с оператором и прочим!). Трейвон в своем подкасте ликовал — Шардай пришлось признать, что все это время она была права, и дело оказалось в ошибке при опознании.

Еще мне предстоит взять интервью у Ноа. Он признался, что карта в доме принадлежит ему — красным были обведены места, где он закопал тела Анджелы и Амелии. Еще две разбитые семьи — теперь в их жизни есть ясность. Хоть какое-то утешение. Моей маме и этого не дано.

Отодвинув в сторону стопку журналов, Мэлоди берется за очередную коробку.

— Кстати, как продвигается книга?

— Хорошо.

На самом деле пока что я, кроме названия, ничего не придумала.

— Черт! — Лэйни внезапно вскакивает с кресла. — Я должна была встретиться с Руби десять минут назад! — Она хватает куртку. — Мне конец!

— Да, пожалуй, мне тоже пора. — Мэлоди отставляет коробку. — Завтра к тебе загляну.

— Спасибо.

Я осторожно обнимаю обеих — чувствую себя

куклой, которую разорвали на части, а потом так неаккуратно сшили, что повсюду торчат нитки.

Громко хлопает дверь, и в тишине комнаты разносится эхо. Словно точка в нашей встрече.

Я присаживаюсь на стул у окна, опершись локтем на подоконник. На улице кто-то громко сигналит, и ему отвечают другие водители — голос улиц Нью-Йорка. Баб у́шка, зевая, нежится на солнце в своей любимой лежанке.

Комнату заполняет городской шум — я не изолирована от него толстыми стенами пентхауса Джея. Но шум мне даже нравится. За окном идет снег, и весь Нью-Йорк, словно на рождественской открытке, украшен к празднику: повсюду гирлянды, на дверях венки, в витринах магазинов рождественские декорации и пирамиды из подарков. В этом году ко мне приедет мама — может, свожу ее в «Сакс» на Пятой авеню.

Взяв с подоконника тетрадь, я усаживаюсь за стол и открываю чистую страницу, на которой пока выведено ужасно остроумное название — «Девичник».

Представляю Мэлоди и Лэйни на передних сиденьях; одну мою подругу вообще не видно, а макушка другой возвышается над подголовником. Колеса старенькой «Киа» пробуксовывают в

снегу. Мысли оформляются в первую строчку, и я спешу записать ее, пока не забыла.

«Срываю с головы диадему».

С улыбкой разглядываю эту фразу и продолжаю писать.